

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

43 2023
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (490) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Тёргуд Маршалл* (1908–1993), американский юрист, первый афроамериканец на должности судьи Верховного суда США.

Тёргуд Маршалл родился в Балтиморе, штат Мэриленд, США. Его отец, Уильям Маршалл, был внуком раба из Конго. Он очень любил посещать заседания местного суда в качестве слушателя, прежде чем вернуться домой, где обсуждал аргументы адвокатов со своими сыновьями.

Тёргуд учился в Высшей обучающей школе Балтимора для чернокожих, где получал оценки чуть выше средних. Молодой Маршалл был довольно непослушным учеником. Его самое большое достижение в средней школе — выученная наизусть Конституция Соединенных Штатов — было на самом деле наказанием учителя за плохое поведение в классе.

После окончания школы в 1926 году Маршалл поступил в Линкольнский университет, исторически «цветной» колледж в Пенсильвании. Там он присоединился к выдающемуся студенческому сообществу, в которое вошли будущий президент Ганы Кваме Нкрума, великий американский поэт Лэнгстон Хьюз, а также знаменитый джазовый певец Кэб Коллоуэй.

Окончив университет с отличием в 1930 году, Маршалл предпринял попытку поступить на юридический факультет Университета Мэриленда. Несмотря на блестящую квалификацию, его не приняли из-за цвета кожи. Этот пример дискриминации в образовании произвёл на Тёргуда неизгладимое впечатление и предопределил курс его дальнейшей карьеры. Вместо Мэриленда Маршалл поступил в еще одно учебное заведение для чёрных — Говардский университет в Вашингтоне, округ Колумбия, где начал обучение в юридической школе. Декан школы Чарльз Хьюстон в то время был достаточно новаторским адвокатом по гражданским правам. Двадцатидвухлетний студент быстро попал под опеку необычайно требовательного профессора.

После окончания юридической школы в 1933 году Маршалл попытался начать собственную адвокатскую практику в Балтиморе, но без какого-либо опыта ему не доверяли серьезных дел. В 1934 году он заступил на службу в Балтиморский филиал Национальной ассоциации по содействию прогрессу цветного населения (НАСПЦ), образованной в 1909 году.

Первое дело Тёргуда Маршалла было символичным по двум причинам. Во-первых, во время разбирательств он был помощником своего недавнего наставника Чарльза Хьюстона. Во-вторых, в качестве истца в этом деле выступил студент Дональд Мюррей, который, как и Маршалл, был великолепно образованным молодым человеком и которого также не приняли на юридический факультет Мэрилендского университета из-за тёмного оттенка кожи.

В январе 1936 года Маршалл и Хьюстон выиграли дело «Мюррей против Пирсона», президента университета Мэриленда.

В течение следующих лет он изучал и выигрывал множество дел, имея целью навсегда избавить Америку от законодательно закрепленных форм расизма.

В результате Маршаллу удалось успешно защитить четырёх чернокожих мужчин, которые были незаконно осуждены за убийство, которого не совершали. Правда оказалась до боли банальной: полицейские выбили из подозреваемых признательные показания.

В 1944 году Верховный суд принял на рассмотрение дело «Смит против Оллрайта». Предыстория гласила, что в 1940 году член участковой избирательной комиссии мистер Оллрайт во время первичных выборов в Демократическую партию Техаса не позволил проголосовать чернокожему избирателю, Лонни Смиту. В результате рассмотрения этого дела суд вынес решение, что ограничения в праве голоса для «цветного» населения нарушают Пятнадцатую поправку к Конституции Соединенных Штатов, и запретил частным организациям практиковать расовую дискриминацию во время выборов. Маршалл снова выиграл дело.

Однако самым большим достижением Тёргуда Маршалла в качестве адвоката по защите гражданских прав была его победа в громком деле 1954 года во всё том же Верховном суде. Группа родителей чернокожих школьников в городе Топика, штат Канзас, подала групповой иск от имени своих детей на местный Совет по образованию. Суть их претензий заключалась в том, что дети афроамериканцев были вынуждены посещать школы только для чернокожего населения.

17 мая 1954 года Верховный суд единогласно постановил, что «отдельные учебные заведения по сути своей не равны основным», и поэтому разделение государственных школ по расовому признаку недопустимо, так как нарушает Четырнадцатую поправку к Конституции.

В 1961 году новоизбранный президент США Джон Кеннеди назначил Маршалла судьёй Второго окружного апелляционного суда.

Позже, в 1965 году, преемник Кеннеди Линдон Джонсон назначил Маршалла генеральным прокурором США. Это был первый случай, когда такой чести удостоился афроамериканец.

Наконец, в 1967 году местом работы Тёргуда Маршалла стала судейская кафедра в Верховном суде. 2 октября 1967 года Маршалл был приведен к присяге в качестве судьи Верховного суда, став первым афроамериканцем и на этом посту.

Тёргуд Маршалл покинул Верховный суд в 1991 году.

Судья Маршалл умер 24 января 1993 года в возрасте 84 лет.

В 2017 году на экраны кинотеатров США вышел биографический фильм «Маршалл». Роль легендарного судьи исполнил Чедвик Боузмэн.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Куватов А. Г.**
 Объект, предмет, задачи и классификация комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних обвиняемых в уголовном процессе..... 145
- Кукушкин А. А.**
 Категория «состав правонарушения» в современном гражданском праве и правоприменительной практике 149
- Куршель А. С.**
 Некоторые вопросы о современных полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела, а также возможные пути их развития 152
- Лебедев А. Г.**
 Ретроспективный анализ эволюции института проверки заявлений и сообщений о преступлениях в российском уголовном процессе..... 154
- Линева А. Д.**
 Понятие и юридическая природа смягчающих наказание обстоятельств в уголовном праве Российской Федерации 156
- Лисицына И. Д.**
 Порядок и проблемы определения доходов и расходов при исчислении налога на прибыль организаций..... 157
- Максимова А. В.**
 Защита нематериальных благ 159
- Малова Т. В.**
 Договор потребительского кредитования: проблемы теории и практики 161
- Медведева Е. А.**
 Соотношение понятий «франчайзинг» и «коммерческая концессия»..... 163
- Менчик С. Н.**
 Основные недостатки и проблемы гражданско-правовой ответственности 165
- Метальникова М. К.**
 Современные меры социальной защиты семей с детьми в праве зарубежных стран 166
- Минигулова А. Р.**
 Основания прекращения правоотношений в рамках особых завещательных распоряжений 170
- Михайлова Н. В.**
 Лесной участок как объект гражданских прав 172
- Морозов Д. С.**
 Место понятых в современном уголовном процессе России 174
- Мубаракова Е. Н.**
 Развитие мошенничества как одного из видов преступления общеуголовной направленности на территории РФ с 2019 по 2023 год..... 175
- Мубаракова Е. Н.**
 Профилактика мошенничества в органах внутренних дел Российской Федерации 177
- Мыдыгмаева Б. З.**
 Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: некоторые вопросы совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики 179
- Нагапетян М. А.**
 Особенности содержания договора по российскому и зарубежному законодательству..... 180
- Нафигова Г. А.**
 Особенности применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим преступление в состоянии невменяемости..... 182
- Петрищева Е. Д.**
 Правовое регулирование защиты персональных данных в сети Интернет 185
- Волова А. А.**
 Соотношение понятий «правовая охрана» и «правовая защита» 186

Руденко О. А. Отбор в присяжные заседатели. Ошибки при выборе кандидатов 188	Сарыева Л. Э. Понятие венчурных фондов в России..... 203
Рысева К. С. Развитие мирного урегулирования споров: теория и практика 191	Севастьянова Е. А. Совместное завещание супругов: pro et contra 205
Сабуров С. В. Договор конвертируемого займа: проблемы нотариального удостоверения 193	Севастьянова Е. А. Долги в наследство 206
Саввина Е. Д. Полномочия судебных органов при осуществлении санкционирования оперативно- розыскных мероприятий как вида судебного контроля на досудебной стадии 196	Севостьянов В. С. Правовые коллизии в деятельности Государственной думы Российской империи... 208
Сальникова В. И. Реализация ипотеки через договор залога недвижимого имущества 199	Селиверстов А. Д. Понятие и классификация личных неимущественных прав личности 209
Самусева А. А. Понятие и статистические показатели кражи как преступления против собственности..... 201	Семенкова А. С., Семёнов Я. И. Правовое регулирование поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях кризиса 211

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Объект, предмет, задачи и классификация комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних обвиняемых в уголовном процессе

Куватов Александр Гафурович, студент
Оренбургский государственный университет

В статье автор исследовал категории «объект» и «предмет» КСППЭ. Так как единой точки зрения на трактовку исследуемых категорий в отечественной науке не имеется, автором было предложено разработать ГОСТ «КСППЭ. Термины и определения». В статье подробно рассмотрены задачи КСППЭ, которые во многом определяют основания ее назначения. Анализ классификации КСППЭ позволил сделать вывод, что Классификация КСППЭ играет определенную роль в уголовном процессе, если в качестве критерия рассматриваются организационно-правовые основы, определяющие предметную сущность экспертизы и процессуальный статус подэкспертных лиц.

Ключевые слова: КСППЭ, уголовный процесс, объект, предмет, судебная экспертиза.

Категории «объект» и «предмет» определяют концептуальный смысл судебной экспертизы любого вида. Однако, для комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы законодательно они не установлены, в отличие от судебно-психологической экспертизы, в отношении которой дана трактовка данных категорий в ГОСТ Р 57344–2016, согласно которому:

— объектом СПЭ представляется «психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях» [4];

— предметом СПЭ являются «фактические данные о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия, устанавливаемые с помощью специальных знаний и практических навыков эксперта в области психологии путем исследования объектов, представленных на исследовании» [4].

Что касается объекта и предмета исследуемой экспертизы (КСППЭ), то точки зрения отечественных специалистов в рассматриваемом аспекте, наиболее распространенные в научном сообществе, сконцентрированы в таблице 1.

Как понятно из приведенных в таблице 1 определений, единой точки зрения на трактовку исследуемых категорий в отечественной науке не имеется.

В этой связи автор видит необходимость разработки ГОСТа по аналогии с ГОСТом Р 57344–2016 «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения», так как рассматриваемые категории можно считать равнозначными целям экспертного исследования. Значимость такого документа обусловлена не только все большим распространением назначения КСППЭ в отношении несовершеннолетних, но также тем, что, предмет экспертизы является процессуальным термином, упоминаемым в статьях УПК РФ [1]. Так, в ст. 57 УПК РФ указано, что эксперт знакомится с материалами уголовного дела, участвует в процессуальных действиях и задает вопросы, а также дает экспертное заключение в рамках предмета судебной экспертизы [1]; в ч. 2 ст. 205 УПК РФ законодательно отражен запрет на допрос эксперта об обстоятельствах, не входящих в предмет проводимой им экспертизы [1].

Опираясь на трактовку объекта и предмета СПЭ законодателем, а также на понимание целей КСППЭ, можно согласиться, что с практической точки зрения наиболее точно объект КСППЭ обозначили Ф. С. Сафуанов и М. М. Коченов, а предмет КСППЭ — Ф. С. Сафуанов и Е. Г. Дозорцева. Однако, в отношении непосредственно несовершеннолетнего обвиняемого рассматриваемые категории данными авторами не рассматри-

Таблица 1. Понятия объекта и предмета КСППЭ в трудах отечественных специалистов

Автор	Объект КСППЭ	Предмет КСППЭ
Ф. С. Сафуанов [15]	Особенности психики и ее компонентов, психической деятельности человека как носителя процессуального статуса в юридически значимой ситуации	Факты, относящиеся к психической деятельности (психике) человека в юридически значимой ситуации, устанавливаемые на основании исследования и имеющие значение для уголовного (гражданского) дела
М. М. Коченов [10]	Компоненты психической деятельности (психики) в ее целостности и единстве, устанавливаемые на основе исследования психической деятельности человека и имеющие значение для органов правосудия	Юридические критерии в предметных видах экспертизы — индивидуально-своеобразные черты психического отражения действительности субъектом
Т. Б. Дмитриева, Ф. С. Сафуанов [12], Е. Н. Холопова [17]	Человек как носитель психики; материализованные источники информации о психических процессах, свойствах и состояниях, а также о структурах поведения, соответствующих определённым структурам психики	Возможности несовершеннолетнего лица воспринимать, сохранять в памяти и воспроизводить сведения о фактах, которые подлежат доказыванию
Е. Г. Дозорцева [2]	Личность подэкспертного лица	Обстоятельства, лишаящие потенциальной способности и актуальной возможности осознавать подэкспертным лицом фактический характер и общественную опасность своих противоправных действий (бездействия), либо ограничивающие его (психопатология, личностная незрелость, индивидуально-психологические особенности, эмоциональное состояние (аффект))

ваются. Исходя из этого, для целей настоящего исследования автор предлагает считать:

— объектом КСППЭ — особенности психики и компонентов психической деятельности подэкспертного лица, в качестве которого рассматривается несовершеннолетний обвиняемый с различными психическими аномалиями как носитель процессуального статуса в юридически значимой ситуации;

— предметом — факты и обстоятельства, относящиеся к психической деятельности (психике) объекта КСППЭ (несовершеннолетнего обвиняемого), лишаящие его потенциальной способности и актуальной возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих противоправных действий (бездействия), либо ограничивающие его (психопатология, личностная незрелость, индивидуально-психологические особенности, эмоциональное состояние (аффект)), устанавливаемые на основании экспертного психолого-психиатрического исследования и имеющие значение для уголовного дела.

В уголовном процессе зачастую следователь (дознатель) не может определить какую из судебных экспертиз — судебно-психологическую, судебно-психиатрическую или комплексную психолого-психиатрическую — назначить в отношении несовершеннолетнего лица, в то время как данный вопрос является особенно значимым для дальнейшего производства в связи с тем, что УК РФ четко разграничивает две формы отставания в психическом развитии: связанные (ст. 21, ст. 22 УК РФ [2])

и не связанные с психическим расстройством (ч. 3 ст. 20 УК РФ [2]), — и, соответственно разделяет степень уголовной ответственности.

Подробный ответ на данный вопрос есть в работах Ф. С. Сафуанова [16], который считает, что судебно-психологическая экспертиза назначается для лиц, в отношении которых не возникают сомнения в состоянии их психического здоровья, в случае наличия такого сомнения назначается предварительная судебно-психиатрическая экспертиза или КСППЭ. С его мнением согласна Е. В. Полкунова [14] отмечающая, что судебная экспертиза назначается с целью исследования способности несовершеннолетних обвиняемых полностью сознавать значение своих действий и руководить ими, при этом СПЭ осуществляется в отношении лиц, имеющих признаки умственной отсталости, не связанной с душевными заболеваниями, а обусловленные педагогической запущенностью, социальными факторами, влиянием на подростка со стороны других лиц, а КСППЭ — в отношении лиц, имеющих признаки умственной отсталости, связанной с душевным заболеванием (олигофренией в степени дебильности, психофизическим инфантилизмом, органическими поражениями центральной нервной системы, психопатиями, астеническим синдромом), или обусловленной черепно-мозговыми травмами и т.п.

В работах Н. А. Моругиной, и Е. И. Сидоровой [13], Р. И. Зайнуллиной и А. Ф. Халиуллиной [9] и ряда других авторов указано, что при выборе судебной экспертизы следователь должен исхо-

дить из стоящих перед ним задач. Н. А. Моругина, и Е. И. Сидорова отмечают, что КСППЭ назначается в случае, когда необходимо решить следующие задачи:

- провести научную квалификацию психического состояния подэкспертного лица, определив вид и тип присущей ему психической патологии;

- определить наличие компонентов умственной деятельности подэкспертного лица, которые препятствуют осознанию им значения его действий;

- определить степень влияния психологических индивидуальных особенностей подэкспертного лица на выполнение им противоправных действий;

- установить наличие или отсутствие состояния аффекта в момент выполнения подэкспертным лицом противоправных действий [13].

Р. И. Зайнуллин и А. Ф. Халиуллина считают, что КСППЭ назначается с целью дать ответ на вопрос «Имеется ли у несовершеннолетнего отставание в психическом развитии» и определить его уровень и причины его наличия (легкая степень олигофрении, психопатии, неврозы, инфантилизм, различные психопатические состояния, акцентуации характера и др.) [9].

На взгляд автора, КСППЭ назначается, когда основной задачей выступает определение у несовершеннолетнего лица психических расстройств и психологических аномалий, которые в достаточной мере влияют на его познавательно-ориентационную деятельность и потенциальную способность осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им противоправных действий. Такие расстройства и аномалии могут быть выявлены только при одновременной работе экспертов, обладающих психиатрическими знаниями, и экспертов, имеющих психологические знания, в процессе совместной реализации КСППЭ, которая отнюдь не суммирует результаты судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз, а в совокупной деятельности экспертов позволяет выявить системные компоненты психологической деятельности подэкспертного лица: установить результаты взаимодействия комплекса психологических и психопатологических особенностей его личности и их влияния на его поступки. Как считает один из основателей судебных экспертиз, И. А. Кудрявцев, «КСППЭ — это единственно правильный, методологически верный путь к решению экспертных задач, когда получение достоверного ответа гарантируется только одновременной оценкой эксперта-психолога и эксперта-психиатра результатов экспертного исследования» [11].

Сложность предмета и задач судебных экспертиз, связанных с психологической деятельностью подэкспертного лица, напрямую влияет на их классификацию. Так, например, Д. В. Артюшенко в классе «Судебные психолого-психиатрические экспертизы» выделял такие родовые экспертизы, как:

- судебно-психиатрическая экспертиза;
- судебно-психологическая экспертиза;
- судебная психофизиологическая экспертиза [6].

Кроме предмета в качестве критерия для классификации КСППЭ, специалисты используют и другие критерии. Так, Н. А. Моругина и Е. И. Сидорова выделяют:

- по возможности непосредственного освидетельствования подэкспертного лица: очные и заочные (в том числе и посмертные);

- по количеству экспертов, участвующих в производстве, обладающих специальными знаниями для ее производства: единоличные и комиссионные;

- по месту и условиям проведения: амбулаторные, стационарные и проводимые в зале судебного заседания [13].

На наш взгляд, КСППЭ осуществляется только в комиссионной форме. Кроме того, КСППЭ не проводится в зале судебного заседания, о чем говорится в Приказе Минздрава России от 12.01.2017 № 3н [3], а только в амбулаторной или стационарной форме.

Но классификация КСППЭ важной роли в уголовном процессе не играет, что нивелирует ошибки выше названных специалистов. В УПК РФ в виду отсутствия официально установленной классификации судебных экспертиз, отсутствует и требование к экспертам точного следования названию экспертизы, установленной в постановлении следователя (дознавателя) или определении суда. К тому же, развитие научных знаний делает границы «экспертной номенклатуры» очень подвижными и динамичными, поэтому для следователя (или суда) главным на уровне процессуального законодательства является не формальное «наименование» экспертизы, а правильное, научно достоверное и полное решение экспертами значимых для дела вопросов.

В этом отношении нам кажется, что критерий — организационно-правовые основы — используемый для классификации КСППЭ Д. В. Артюшенко, наиболее полно определяет предметную сущность рассматриваемой экспертизы:

- КСППЭ по определению аффекта у обвиняемого;

- КСППЭ по психолого-психиатрической оценке способности обвиняемых с психическими расстройствами осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий;

- КСППЭ по оценке действий несовершеннолетних обвиняемых с точки зрения вменяемости / невменяемости [5].

Также важное значение имеет такой критерий, как «процессуальный статус» подэкспертных лиц в уголовном процессе, так как процессуальное положение лица, подвергнутого экспертизе, влияет на многие аспекты ее производства, что четко отражено в главе 27 УПК РФ [1], посвященной аспектам производства судебной экспертизы, в том числе в отношении прав подэкспертного лица (ст.ст. 42, 47, 56, 198, 203 УПК РФ [1]). Так, в соответствии со ст. 56 УПК РФ свидетель «не может быть принудительно подвергнут судебной экспертизе» [1], при этом в отношении потерпевшего и обвиняемого такая норма в УПК отсутствует, в ст. 203 УПК РФ о помещении в медицинскую организацию для проведения экспертизы говорится только в отношении подозреваемого или обвиняемого [1].

По отношению к несовершеннолетним лицам Е. Г. Дозорцева рассматривает следующие виды КСППЭ в уголовном процессе [8], выбрав критерием процессуальный статус подэкспертного лица, отраженные на рисунке 1.

Представляется, что востребованность судопроизводством таких комплексных исследований и последующее их «закреп-

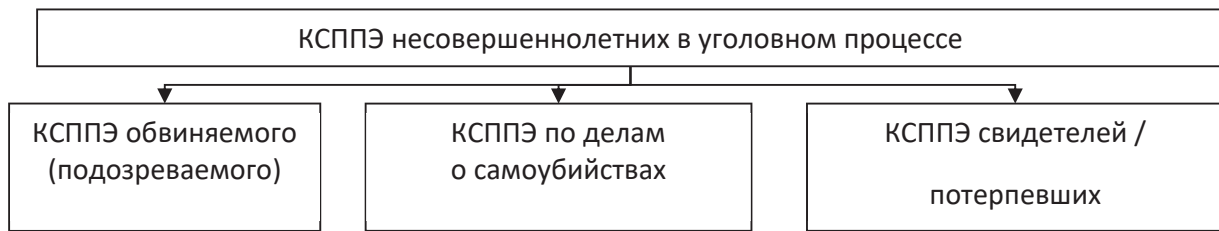

Рис. 1. Виды КСППЭ несовершеннолетних

ление» в отдельных экспертных специализациях может привести к появлению новых родов и видов СППЭ несовершеннолетних.

Исходя из изученного теоретического материала, можно согласиться с мнением И. А. Кудрявцева, определяющим КСППЭ, как одну из разновидностей межродовых комплексных экспертиз, основанных на совместном рассмотрении и интеграционной оценке результатов скоординированного применения для исследования психической деятельности обвиняемых (подозреваемых), потерпевших и свидетелей специальных знаний эксперта-психолога и эксперта-психиатра с целью достоверного, наиболее полного и всестороннего общего (единого) ответа на вопросы, составляющие предмет комплексного исследования и входящие в сферу совместной (совокупной) компетенции экспертов» [11].

Итак, для целей настоящего исследования мы предлагаем считать объектом КСППЭ особенности психики и компонентов психической деятельности подэкспертного лица, в качестве которого рассматривается несовершеннолетний обвиняемый с различными психическими аномалиями как носитель процессуального статуса в юридически значимой ситуации; предметом — факты и обстоятельства, относящиеся к психической деятельности (психике) объекта КСППЭ (несовершеннолетнего обвиняемого), лишаящие его потенциальной способности и актуальной возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих противоправных действий (бездействия), либо ограничивающие его (психопатология, личностная незрелость, индивидуально-психологические особенности, эмоциональное состояние (аффект)),

устанавливаемые на основании экспертного психолого-психиатрического исследования и имеющие значение для уголовного дела. Так как единой точки зрения на трактовку исследуемых категорий в отечественной науке не имеется, автором было предложено разработать ГОСТ «КСППЭ. Термины и определения».

Выбор назначения именно КСППЭ в уголовном процессе определен её задачами, а именно: провести научную квалификацию психического состояния подэкспертного лица, определив вид и тип присущей ему психической патологии; определить наличие компонентов умственной деятельности подэкспертного лица, которые препятствуют осознанию им значения его действий; определить степень влияния психологических индивидуальных особенностей подэкспертного лица на выполнение им противоправных действий; установить наличие или отсутствие состояния аффекта в момент выполнения подэкспертным лицом противоправных действий. Классификация КСППЭ играет определенную роль в уголовном процессе, если в качестве критерия рассматриваются организационно-правовые основы, определяющие предметную сущность экспертизы (определение аффекта у обвиняемого; психолого-психиатрическая оценка способности обвиняемых с психическими расстройствами осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий; оценка действий несовершеннолетних обвиняемых с точки зрения вменяемости / невменяемости) процессуальный статус подэкспертных лиц (свидетель, потерпевший, обвиняемый, подозреваемый), так как как организационно-правовые основы и процессуальное положение лица, подвергнувшегося экспертизе, влияет на многие аспекты производства КСППЭ.

Литература:

1. Российская Федерация. Кодексы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 17 февраля 2023 г. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://www.consultant.ru>.
2. Российская Федерация. Кодексы. Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 29 декабря 2022 г. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://www.consultant.ru>.
3. Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы: Приказ Минздрава России от 12.01.2017 № 3н [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://www.consultant.ru>.
4. ГОСТ Р 57344–2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения: Приказ Росстандарта от 12.12.2016 № 2010-ст. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://internet-law.ru/gosts/gost/63655/>.
5. Артюшенко, Д. В. Некоторые процессуальные аспекты классификации судебных экспертиз / Д. В. Артюшенко // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 3(28). — С. 331–337. — ISSN: 1994–1471.
6. Артюшенко, Д. В. Проблемы родовой классификации судебных экспертиз / Д. В. Артюшенко // Актуальные проблемы российского права. — 2011. — № 3(20). — С. 226–237.

7. Дозорцева, Е. Г. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого // Медицинская и судебная психология: Учебное пособие / Е. Г. Дозорцева. Под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова. — Москва: Генезис, 2005. — 658 с.
8. Дозорцева, Е. Г. Проблемные вопросы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних / Е. Г. Дозорцева. — М.: ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского» Минздрава РФ, 2020. — 44 с.
9. Зайнуллин, Р. И. Некоторые аспекты назначения и производства судебной экспертизы при расследовании преступлений совершенных несовершеннолетними / Р. И. Зайнуллин, А. Ф. Халиуллина // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Уфа, 09 ноября 2018 года. — Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. — С. 75–78.
10. Коченов, М. М. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза (к постановке проблемы) / М. М. Коченов // Вопросы борьбы с преступностью. — № 29. — 1978. — С. 21–29.
11. Кудрявцев, И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза / И. А. Кудрявцев. — М.: Юридическая литература, 1988. — 96 с.
12. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие / Под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова: Генезис; Москва; 2016. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.litres.ru/pages>.
13. Моругина, Н. А. Особенности назначения и производства отдельных видов судебных экспертиз по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Н. А. Моругина, Е. И. Сидорова // Вестник Воронежского института ФСИИ России. — 2022. — № 1. — С. 220–226.
14. Полкунова, Е. В. Уголовно-процессуальное значение судебно-психологической экспертизы несовершеннолетнего обвиняемого / Е. В. Полкунова // Современное состояние и перспективы развития новых направлений судебных экспертиз в России и за рубежом: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Калининград: Юристъ, 2003. — С. 82–86.
15. Сафуанов, Ф. С. Актуальные теоретические и методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы / Ф. С. Сафуанов // Психология и право. — 2011. — Том 1. — № 2.
16. Сафуанов, Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата / Ф. С. Сафуанов. — 2-е изд., перераб и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 309 с.
17. Холопова, Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза / Е. Н. Холопова. — М.: Наука и прогресс, 2022. — 45 с.

Категория «состав правонарушения» в современном гражданском праве и правоприменительной практике

Кукушкин Андрей Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируется возможность применения теоретической категории «состав правонарушения» в гражданском праве. Доктринальные позиции сопоставляются с действующим законодательством и судебной практикой последних лет.

Ключевые слова: состав правонарушения, гражданское правонарушение, деликт, деликтная ответственность, вина.

В общей теории права под основанием ответственности понимается состав правонарушения, в котором должны присутствовать четыре элемента: 1) объект, которому причиняется вред; 2) субъект-правонарушитель; 3) объективная сторона, характеризующая определенные внешние признаки деяния; 4) субъективная сторона, характеризующая отношение субъекта к совершаемому правонарушению. Концепция состава правонарушения (преступления) наиболее разработана теоретиками уголовного права. Однако российская цивилистическая доктрина пытается и структуру гражданского правонарушения рассмотреть сквозь призму состава. Такие попытки имеют как сторонников, так и ярых противников.

Истоки теории состава гражданского правонарушения относятся к середине XX в. С. С. Алексеев считал возможным использование таких категорий, как субъект и объект правонарушения, объективная сторона для характеристики гражданского правонарушения, являющегося частью правонарушения в общем, безотносительно конкретной отрасли права [8, с. 48]. Не все элементы классического состава выделял для гражданского правонарушения и О. С. Иоффе. По мнению автора, в состав входит объект, вина и причинная связь между противоправным поведением и наступившими последствиями [12]. Г. К. Матвеев считал необходимым выделять только объективную и субъективную стороны [15].

Исходя из классических воззрений на состав гражданского правонарушения, можно описать его элементы следующим образом.

Объектом гражданского правонарушения являются материальные правоотношения, точнее, регулирующая их норма права, закрепляющая определенный, выбранный государством как верный, вариант поведения.

Субъект правонарушения, по общему правилу, определяется посредством категории правосубъектности (право- и дееспособности). Кроме того, в составе дееспособности, а иногда и наряду с ней отдельные исследователи обособляют деликтоспособность — способность нести ответственность за гражданское правонарушение [9, с. 231]. Деликтоспособность следует из ст. 24 Гражданского кодекса РФ [1] (далее — ГК РФ), где закрепляется имущественная ответственность гражданина, а также норм, устанавливающих ответственность в зависимости от возраста или психического состояния лица: п. 3 ст. 26, п. 2 ст. 27, п. 3 ст. 28, абз. 3 п. 1 и абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ.

Для отдельных видов гражданско-правовых деликтов предусмотрен специальный субъект. Например, статьей 1070 ГК РФ в круг субъектов включены органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. В ст. 1060 ГК РФ в качестве субъектов названы государственные органы, органы местного самоуправления, а также их должностные лица.

К объективной стороне состава гражданского правонарушения исследователи относят: само деяние (противоправное), последствия в виде вреда и причинно-следственную связь между первым и вторым.

При этом в случае внедоговорного причинения вреда гораздо большее значение имеет причинная связь, противоправность же достаточно установить в самом общем виде.

Некоторые исследователи, опять же руководствуясь уголовно-правовой доктриной, предлагают выделять формальные составы гражданского правонарушения, где наступление вреда не имеет значения для привлечения к ответственности [11, с. 74]. В качестве примера можно привести привлечение нарушителя к ответственности за незаконное использование объекта интеллектуальной собственности. В таком случае само нарушение уже является основанием для применения мер ответственности, а убытки значения не имеют. Их учитывают лишь при решении вопроса о размере компенсации правообладателю. Данная позиция согласуется с выраженным в п. 62 Постановления от 23.04.2019 N10 мнением Пленума Верховного Суда РФ [4].

Субъективная сторона правонарушения — наличие вины — выступает единообразным условием для привлечения к ответственности в рамках любой отрасли права, однако в гражданском праве принцип вины трактуется по-особенному. Если в большинстве отраслей вина рассматривается как психическое отношение правонарушителя к содеянному, то в гражданском праве вина предполагает совершение нарушения в ситуации, когда у нарушителя была реальная возможность воздержаться от него, однако меры, необходимые для предотвращения вреда, не были предприняты (п. 1 ст. 401 ГК РФ). В связи с этим можно сделать вывод, что вина в гражданском праве имеет более объективный, нежели субъективный характер.

Еще одной особенностью деликтной ответственности является игнорирование значения тяжести или степени вины

(умысел или неосторожность) при определении размера вреда, подлежащего возмещению. Из данного правила имеются исключения. В п. 2 ст. 1083 ГК РФ содержится правило о том, что «если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен». Мотивы и цели правонарушения в гражданском праве для определения размера ответственности значения не имеют.

В отличие от уголовного права, в гражданском праве возможно привлечение к ответственности без наличия вины. Типичный пример — причинение вреда источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). Следует согласиться с мнением С.К. Соломина и Н.Г. Соломиной о том, что в данном специальном деликте есть особый субъект (владелец источника повышенной опасности) и особое орудие (данный источник), причем причинитель вреда — не владелец, а сам источник повышенной опасности [18, с. 83]. Данный вывод объясняет фактическое отсутствие в таких деликтах необходимости анализировать поведение причинителя вреда и его вину. Важна только причинно-следственная связь и наличие вреда.

Д.Н. Кархалев считает, что обязанность возместить вред независимо от вины исполнителем или изготовителем, когда вред причинен жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие конструктивных, производственных недостатков товара (услуги, работы), а также вред вследствие непредоставления достоверной или полной информации, следует признавать усеченным составом гражданского правонарушения (вред, противоправность, причинная связь) [13, с. 650]. Однако данный термин совсем не согласуется с классическим пониманием усеченного состава, который в уголовном праве понимается как возможность привлечения к ответственности за правонарушение, не доведенное до конца (на стадии приготовления или покушения).

Несмотря на то, что гражданское правонарушение возможно рассматривать как совокупность элементов состава, схожего с составом преступления, представляется, что данная теория слишком усложняет механизм привлечения к гражданско-правовой ответственности.

В специальной литературе по гражданскому и предпринимательскому праву указывается, в частности, следующее: «в возмещении убытков существуют два основных элемента: 1) поведение лица, послужившее причиной (основанием) умаления имущественного права потерпевшего; и 2) правовое последствие в виде умаления этого имущественного права» [16, с. 287].

Теория состава гражданского правонарушения противоречит и официальному судебному толкованию. Конституционный Суд РФ к общим основаниям ответственности за причиненный вред отнес: наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, его вину и причинную связь между деянием и наступлением вреда [3]. Аналогичные выводы Суд делал во многих других своих актах (постановления от 15 июля 2009 года N13-П и от 7 апреля 2015 года N7-П, от 08.12.2017 N39-П; определения от 4 октября 2012 года N1833-О, от 15 января 2016 года N4-О, от 19 июля 2016 года N1580-О и др.), подчеркивая при этом, что для привлечения к деликтной ответственности обязательным является установление состава

гражданского правонарушения, но не рассматривая данный состав в том виде, в каком его понимает уголовно-правовая наука.

В связи с тем, что теория состава правонарушения представляется недостаточно применимой для обоснования ответственности в гражданском праве, следует рассмотреть еще одну теорию, которую условно можно назвать теорией основания и условий гражданско-правовой ответственности.

Сторонники данного подхода проводят четкую границу между основанием и условиями ответственности. Под основанием понимается единая, базовая причина для применения мер ответственности, а условия, при которых эти меры применяются, являются динамичными и меняются исходя из конкретных обстоятельств. Это фактические обстоятельства, в которых отражены существенные признаки правонарушения.

С этой точки зрения основания гражданско-правовой ответственности, выделенные Конституционным Судом РФ, должны относиться не к составу как основанию ответственности, а к условиям ее наступления. В цивилистической теории понятия «основание» и «условия» тоже достаточно часто смешиваются и используются как взаимозаменяемые, однако с научной точки зрения все же представляется целесообразным разделять базовую причину и способствующие обстоятельства.

В пользу признания правонарушения основанием гражданско-правовой ответственности высказывался Н. С. Малеин [14], Л. Д. Туршук [19]. Н. Р. Скобычкина, подчеркивая отсутствие единого подхода к элементам состава гражданского правонарушения как в законодательстве (ст. 401, 1064 ГК РФ), так и в теоритических источниках, также предлагает юридико-фактическим основанием возникновения охранительного правоотношения считать само правонарушение, под условиями — отдельные элементы состава гражданского правонарушения. Для этого автор даже предлагает изменить название ст. 1064 ГК РФ на «Основание ответственности за причинение вреда» [17, с. 16].

Подтверждение теории основания и условий гражданского правонарушения находит свое отражение и в нормах законодательства. Так, в наиболее общей ст. 1064 ГК РФ о деликтных обязательствах указывается на вред, вину причинителя вреда, связь между его деянием и вредом.

Если сопоставить теорию основания и условий ответственности с теорией состава правонарушения, можно заметить сходство условий применения мер ответственности (первая теория) и объективной стороны правонарушения (вторая теория).

В. П. Грибанов фактически объединил две рассмотренных теории и предложил под составом гражданского правонарушения понимать совокупность общих, типичных условий, характерных для любого гражданского правонарушения и необходимых для привлечения к ответственности. При этом к таким условиям автор отнес: 1) наличие прав и обязанностей, нарушение которых может повлечь гражданско-правовую ответственность для нарушителя; 2) противоправное нарушение субъектом своих обязанностей и соответствующих прав других лиц; 3) наличие вреда; 4) наличие причинной связи между противоправным поведением правонарушителя и последствиями в виде вреда; 5) наличие вины правонарушителя [10, с. 53]. В целом эти условия (в их совокупности) отвечают примерно на те же самые вопросы, которые обычно раскрываются при описании состава правонарушения.

Аналогичный подход используется в современной судебной практике.

Например, в деле о возмещении убытков, причиненных судебным приставом, Верховный Суд РФ указал: «для наступления такой ответственности необходимо наличие состава правонарушения, включающего: наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинно-следственная связь между действиями (бездействием) и наступившим вредом, вина причинителя вреда» [5].

Установление не всех элементов состава гражданского правонарушения может привести к отмене судебных актов вышестоящими судами. Например, Первый кассационный суд общей юрисдикции [7] отправил на новое рассмотрение дело о взыскании денежных средств в порядке субсидиарной ответственности именно по тому основанию, что нижестоящие суды не исследовали наличие всех элементов состава правонарушения. Суд указал: «для разрешения вопроса о привлечении ответчиков к субсидиарной ответственности необходимо установить какие действия (бездействие) ответчиков повлекли неплату обществом задолженности перед истцом и были ли ими совершены в результате недобросовестного осуществления своих обязанностей, в том числе, если они не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску».

В некоторых делах Верховный Суд РФ указывает как на основание, так и на условия привлечения к ответственности, опираясь на конкретную норму права: «предусмотренные ст. 395 ГК РФ проценты подлежат взысканию лишь при наличии полного состава правонарушения, закрепленного в этой статье. Во-первых, необходимо неправомерное неисполнение денежного обязательства. Во-вторых, требуется, чтобы должник пользовался чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания» [4]. Здесь названо правонарушение (неисполнение обязательства) и условие привлечения к ответственности — пользование денежными средствами.

Таким образом, подходы к юридически значимой связке правонарушения-ответственность в гражданском праве можно разделить на две группы. Первая группа — сторонники теории состава гражданского правонарушения, который по аналогии с уголовным правом выступает основанием гражданско-правовой ответственности. При этом мало кто считает, что обязательно должен возникнуть полноценный состав деликта. Большинство придерживаются позиции, что ответственность может наступать и при отсутствии какого-либо элемента состава правонарушения.

Вторая группа — сторонники разделения основания ответственности (собственно правонарушения) и его условий, к которым относятся: противоправность поведения причинителя вреда, его вина, наличие вреда и причинная связь между деянием и наступлением вреда. Именно данную теорию следует считать более удачной для описания гражданско-правовой ответственности. Она не предполагает включения излишних элементов, отражает специфику гражданского права и полностью поддерживается современной судебной практикой, которая именует основания и условия привлечения к гражданско-правовой ответственности составом гражданского правонару-

шения, весьма отличным от типичного состава, категория которого разрабатывается в правоведении и уголовном праве.

Можно заключить, что в гражданском праве применима категория «состав правонарушения», но для данной отрасли права в «состав» включаются условия совершения деликта. Ос-

нованием привлечения к ответственности является не состав, а само правонарушение. В силу специфики рассматриваемой отрасли классический четырехэлементный состав, разработанный уголовным правом, содержит излишние элементы для привлечения к гражданской ответственности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N32, ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N5, ст. 410.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2019 N14-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 200 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, абзаца второго пункта 1 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пункта 3 статьи 59 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина В. А. Нужина» // Собрание законодательства РФ, 11.03.2019, N10, ст. 1046.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N7, июль, 2019.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.02.2019 N16-КГ18-53 // СПС «Консультант Плюс».
6. Определение Верховного Суда РФ от 19.08.2011 N78-В11-24 // СПС «Консультант Плюс».
7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.07.2023 N88-19192/2023 // СПС «Консультант Плюс».
8. Алексеев С. С. О составе гражданского правонарушения. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958.
9. Гонгалов Б. М. Правосубъектность гражданина / Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / А. Г. Архипова, А. В. Асосков, В. В. Безбах и др.; отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2020.
10. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. — М.: Статут, 2001.
11. Иванов Н. В. Компенсация за нарушение исключительного права в виде двукратной стоимости контрафакта и убытки правообладателя // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2022. — N3.
12. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955.
13. Кархалев Д. Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. — М.: Инфотропик Медиа, 2022.
14. Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. — М.: Наука, 1985.
15. Матвеев Г. К. Вина в советском праве. — Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1955.
16. Предпринимательское право: современный взгляд: монография / Е. А. Абросимова, В. К. Андреев, Е. Г. Афанасьева и др.; отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. — М.: Юстицинформ, 2019.
17. Скобычкина Н. Р. Возмещение вреда, причиненного федеральными государственными органами, а также их должностными лицами: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2007.
18. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности: монография. — М.: Юстицинформ, 2019.
19. Туршук Л. Д. Проблемы разграничения договорной и деликтной ответственности при оказании социальных услуг // Социальное и пенсионное право. — 2019. — N2.

Некоторые вопросы о современных полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела, а также возможные пути их развития

Куршель Александр Сергеевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье автором анализируются вопросы целесообразности изменения полномочий прокурора в 2007 году, а также выдвигаются наиболее популярные пути развития полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: полномочия прокурора, ФЗ, реформы прокуратуры, прокурор как субъект предварительного расследования, ретроспектива развития прокуратуры РФ.

Прокуратура, как орган, созданный государством для защиты прав и свобод человека и гражданина в рамках доступа к правосудию, в своем современном состоянии имеет ряд спорных моментов требующих анализа и возможного разрешения. Внимание в данной работе будет уделено вопросу целесообразности изменения в 2007 г. полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела, а также предложению возможных путей развития полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела.

Анализ учебных пособий и научных работ начала 2000-х годов дает понять, что прокуратура после развала СССР воспринималась массивно обработанным, либерально настроенным обществом как «неотъемлемый элемент» тоталитарного государства, как «рудимент советской авторитарной системы, которому нет места» в демократическом правовом государстве». В результате, в соответствии принятым ФЗ № 87 от 05.06.2007 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор был лишен большинства процессуальных полномочий на стадии возбуждения уголовного дела, основным из которых является право возбуждения уголовного дела. Некоторые полномочия были также переданы СК РФ, вследствие чего права прокурора участвовать в производстве предварительного расследования и самостоятельно производить следственные действия также были упразднены.

Сразу после проведенной реформы начинали появляться закономерные критические оценки ученых правоведов. Так, ряд правоведов определяли лишение прокурора возбуждения уголовного дела как неоправданное. Более поздние исследования, с учетом ретроспективы проводимые в 2016 г. Э.Р. Исламовой декларировали, что исключение законодателем прокурора из числа лиц, наделенных полномочием возбуждать уголовные дела, является ошибочным, поскольку подобная практика усложняет порядок возбуждения уголовного дела, создает лишние барьеры на пути осуществления правосудия [1, с. 65]. Имеются и положительные мнения на счет реформы, в том числе обозначенные у исследователя В.Н. Григорьева указывающего, что исключение из полномочий прокурора права возбуждать уголовные дела положительно повлияло на совершенствование организации уголовного процесса, поскольку позволило четко разграничить обязанности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство [2, с. 447].

Обилие мнений по поводу принятой реформы не утихает и сегодня, так, исходя из анализа научных исследований и мнений правоприменителей представляется необходимым определение возможных путей развития полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела:

– сохранение существующего порядка вещей является самым непопулярным методом, исходя из количества научных работ, тем не менее, обосновывается логическим состоянием вещей на данный момент. Реформы 2007 г. были реализованы ввиду глобального социального, научного и идеологического

запроса на проведение этих реформ, при поддержке Генерального прокурора Ю.Я. Чайки. Тем не менее, данный метод решения вопроса на данный момент вряд ли приемлем, в связи с повышенным запросом общества на изменение полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела;

– превращение прокурора в конкретно надзорный орган ввиду дублирования полномочий прокурора по аналогии со следствием, также и к дознавателю. Такое же непопулярный в научном сообществе метод, он возник вместе с закономерным вопросом правоприменителей после реформы: «если руководящее лицо дознания, в частности начальник органа дознания, был добавлен по аналогии с руководителем следственного органа, то почему руководство за дознанием, аналогичное руководству за следствием не было передано начальнику органа дознания?». Исходя из подобной логики было бы логично полностью изъять у прокурора полномочия в отношении дознания по аналогии со следствием, превратив его в всецело надзорный орган. Тем не менее, данное решение вопроса вряд ли осуществимо, ввиду вполне логичного нежелания законодателя перегружать стадию возбуждения уголовного дела, делая данную стадию только более объемной и усложненной.

– частичное возвращение полномочий прокурору, либо изменение действующих. Данное решение представляется наиболее осуществимым, ввиду многочисленности предлагаемых изменений разной степени радикальности и объема. Так, практически в каждой из научных работ касающихся полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела имеются свои предложения о возвращении либо добавлении определенных полномочий прокурору. Так, например А.Б. Соловьев и М.Е. Токарева утверждают, что «оптимальным было бы восстановить имевшиеся у прокурора ранее права по личному усмотрению выявленных им нарушений закона путем возбуждения уголовного дела и отмены незаконного решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела». Другие специалисты, среди которых Д.И. Швифель предлагают возвращение некоторых утраченных прокурором полномочий совместно с изменением действующих положений в виде дополнения ст. 144 УПК РФ положениями о том, что при достаточности данных, указывающих на признаки преступления, в сообщении о преступлении проверку такого сообщения можно не производить [3, с. 76]; Все подобные предложения как правило носят обоснованный и четко регламентированный характер, сопровождаемый точными указаниями на те полномочия связанные с прокурорским надзором на стадии возбуждения уголовного дела, которые действительно могли бы быть возвращены, изменены, либо дополнены.

– полное возвращение утраченных прокурором полномочий. Данное решение является наиболее радикальным из перечисленных ранее, поскольку предполагает в себе полное возвращение к дореформенному порядку полномочий, осуществляемых прокурором на стадии возбуждения уголовного дела. Наиболее наглядным примером подобного решения,

по мимо некоторого количества научных статей следует считать проект ФЗ № 550619–7 «О внесении изменений в УПК РФ (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)» от 19.09.20218, выдвигаемый депутатами Государственной Думы Г.А. Зюгановым, Н.В. Коломейцевым и др. В рамках данного законопроекта депутатами предлагалось вернуть прокурору на стадии возбуждения уголовного дела ряд полномочий, которых он был лишен в соответствии с ФЗ № 87. Тем не менее, данный законопроект был отклонен в ходе рассмотрения в первом чтении. Аргументация комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству в своем экспертном заключении была сведена к отсутствию учета связей предлагаемого законопроекта с действующими нормами УПК РФ. Кроме того, было определено, что изложенное в законопроекте полномочие прокурором давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий вступит

в конфликт с ч. 3 ст. 39 УПК РФ, определяющей указания руководителя следственного органа также обязательными для исполнения следователем. Таким образом данный факт не только повлечет конкуренцию данных норм УПК РФ, но и создаст неясность в вопросе, чьи указания в случае их расхождения должен исполнять следователь [4]. Представляется, что в последующем, при должной доработке данный законопроект, не смотря на его радикальность, все же может быть принят.

Таким образом, в ходе проведенного анализа целесообразность изменений полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела возможно определить как неоднозначную, но имеющую место быть. Касаемо путей развития полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела возможно сделать вывод о наиболее вероятных путях развития полномочий прокурора в виде их частичной или полной реформации, при условии доработки предлагаемых законопроектах.

Литература:

1. Исламова Э.Р. Мотивированное постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (проблемы применения) // Крымский научный вестник. 2016. № 3. С. 155–159.
2. Григорьев В.Н. Постановление прокурора — новый повод для возбуждения уголовного дела? // Законность. 2011. № 8. 443–447 с. 447 С.
3. Проект Федерального закона № 550619–7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 19.09.2018) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
4. Швевель Д.И. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы развития // Вестник экономики, управления и права. 2019. № 3 С. 71–82.

Ретроспективный анализ эволюции института проверки заявлений и сообщений о преступлениях в российском уголовном процессе

Лебедев Анатолий Геннадьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Малышева Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В рамках настоящего исследования автором проводится анализ исторического генезиса развития и становления института проверки заявлений и сообщений о преступлениях в российском уголовном процессе. В частности, указывается на важность проведения ретроспективных исследований рассматриваемого института и иных институтов уголовного процесса ввиду открывающихся перед теоретиками возможностей по изучению их особенностей и проблем в разные эпохи развития российского права.

Ключевые слова: проверка заявлений и сообщений о преступлениях, ретроспективный анализ, исторический генезис, уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела.

Исследование возникновения и развития тех или иных правовых институтов представляет особую научную ценность ввиду того, что позволяет выявить конкретные особенности и проблемы их развития в разные периоды становления российского права. Более того, посредством обращения к истории развития права и отдельных его направлений представляется возможным проведение анализа законодательных

позиций прошлого и их сравнение с современными конструкциями. Так, проведение ретроспективного анализа эволюции института проверки заявлений и сообщений о преступлениях в российском уголовном процессе отличается особым значением и позволяет соотнести особенности его законодательного закрепления на разных этапах развития уголовного процесса нашего государства с позицией современного законодателя.

Анализ теоретических точек зрения, а также норм действующего Уголовно-процессуального законодательства позволяет отметить, что институт проверки заявлений и сообщений о преступлениях является «важным, необходимым и обязательным элементом процессуальной деятельности первоначальной стадии процесса по каждому поводу о преступлении» [1, С. 118]. Безусловно, данная позиция, высказанная Н. А. Власовой в собственной докторской диссертации, вряд ли может быть подвержена сомнению ввиду того, что важность существования института проверки заявлений и сообщений о преступлениях с трудом может поддаваться дискуссиям или быть оспорена.

Подчеркивая важность проведения исторического анализа рассматриваемого института следует согласиться и с мнением Л. А. Сиверской, которая полагает, что он необходим потому, что большинство используемых в современном законодательстве терминов, понятий, законодательных конструкций и процедур начальной стадии досудебного производства возникли, развивались и действовали в предыдущие столетия, подтвердили право на существование, пройдя через острые научные дискуссии, накопив богатый исторический опыт практической апробации [2, С. 248].

Так, в теории уголовного процесса сформировалось мнение о том, что зарождение стадии возбуждения уголовного дела относится к XIX веку и связано с учреждением таких законодательных актов как Свод законов Российской Империи от 1832 года и Устав уголовного судопроизводства 1864 года. Более того, большинство теоретиков указывает на то, что упомянутые документы и вовсе ознаменовали появление уголовно-процессуального права в России и выделили его в самостоятельную отрасль права. Свод законов Российской Империи по замечанию И. Н. Петровой, заложил предпосылки образования процессуального института рассмотрения сообщения о преступлении [3, С. 119].

С принятием в 1864 году Устава уголовного судопроизводства, институт проверки заявлений и сообщений о преступлениях получает новое развитие. Обращение к отдельным его нормам, а именно к ст. 253 Главы I, позволяет обнаружить новые обязанности должностных лиц полиции, а именно «производить дознание в случае, когда признаки преступления сомнительны, прежде чем сообщить о нем по принадлежности». Одной из отличительных черт дореволюционного этапа развития российского уголовного процесса является отсутствие института производства следственных действий, а институт проверки заявлений и сообщений о преступлениях существовал в качестве одной из форм полицейского дознания.

Коренные изменения процессуального закона произошли в советский период. Так, согласно п. «е», ст. 3 Инструкции На-

родного комиссариата юстиции РСФСР от 19 ноября 1917 г. «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказанию и о порядке», при поступлении сообщения о преступлении его рассматривали в течение 48 часов. В том случае, если состав преступления обнаружен не был, издавалось постановление о прекращении уголовного дела, либо его направления по подсудности.

С принятием первых советских Уголовно-процессуальных кодексов РСФСР (далее — УПК РСФСР) в 1922 и 1923 году институт проверки заявлений и сообщений о преступлениях ощутил на себе более серьезные изменения. Так, уже во втором из названных кодексов было учреждено требование безоговорочного принятия заявлений о любом преступлении, а вопрос возбуждения уголовного дела должен был быть решен без проведения каких-либо действий по проверке поступившей информации. Разумеется, подобная правовая конструкция и последующая практика ее применения является весьма спорной и никак не соотносится с современной практикой реализации исследуемого института. Перед законодателем была поставлена задача по устранению подобных правовых коллизий.

УПК РСФСР 1960 г. подробно регламентировал стадию возбуждения уголовного дела, которая «начиналась с момента официальной фиксации органом дознания, следователем, прокурором или судьей поступившего носителя первичной информации о преступлении, которому закон придет значение формального повода к возбуждению уголовного дела» [2, С. 251]. Таким образом, только к середине XX века рассматриваемый институт приобретает должную правовую основу.

Как отмечает И. В. Маслов, Концепция судебной реформы РСФСР, утвержденная Верховным Советом РСФСР 21 октября 1991 г., сформулировала основы дальнейшего совершенствования уголовного судопроизводства с предложением упразднения «доследственной проверки» [4, С. 33]. Однако, как уже отмечалось в рамках настоящего исследования, большинство теоретиков поддерживают идею существования института проверки заявлений и сообщений о преступлениях в рамках российского уголовного процесса.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что процесс становления и развития института проверки заявлений и сообщений прошел достаточно длинный путь до его формирования в рамках действующего процессуального законодательства. Исследование возникновения и развития рассматриваемого института, а также иных других направлений уголовного процесса представляет особую важность и позволяет более объективно оценить их существенные проблемы.

Литература:

1. Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 405 с.
2. Сиверская Л. А. Ретроспективный взгляд на эволюцию уголовно-процессуального института «Рассмотрение сообщения о преступлении» // Вестник КГУ. 2011. № 1. С. 248–253.
3. Петрова И. Н. Генезис уголовно-процессуального института «Рассмотрение сообщения о преступлении» // Молодой ученый. 2018. № 12 (198). С. 118–120.
4. Маслов И. В. Процессуальная форма дознания и предварительного следствия по уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 31–39.

Понятие и юридическая природа смягчающих наказание обстоятельств в уголовном праве Российской Федерации

Линева Анна Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Радченко Ксения Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

Ключевые слова: наказание, преступление смягчающие обстоятельства, назначение наказания, личность виновного, уголовное законодательство.

В российском уголовном праве наказание является ключевым, существенным и эффективным средством для борьбы с преступностью. Существует система смягчающих вину обстоятельств, оказывающих влияние на юридическую ответственность лица за совершение преступления. Смягчающие обстоятельства являются важным элементом правовой системы, позволяющим учитывать конкретные обстоятельства дела при назначении наказания и таким образом достигать более справедливого результата.

Смягчающие обстоятельства в уголовном деле — это факторы или ситуации, которые могут привести к уменьшению наказания или к изменению его формы для лица, признанного виновным в совершении преступления. Они могут быть учтены при определении меры наказания и служат для того, чтобы суд мог учитывать специфические обстоятельства дела и индивидуальную ситуацию обвиняемого.

В пункте 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [1] наше внимание обращается на то, что установление обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, имеет большое значение, при назначении лицу, совершившему преступление, как основного, так и дополнительного наказания. В связи, с чем в приговоре суда необходимо указывать, какие именно обстоятельства суд признает смягчающими, а какие отягчающими наказание.

В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие наказание. Наличие в ч. 3 ст. 60 УК РФ слов «в том числе» говорит, нам о том, что, по мнению законодателя, обстоятельства, которые смягчают наказание, связаны как с самим преступлением, так и с личностью виновного, и рассматриваются в совокупности.

На протяжении длительного времени в уголовном законодательстве Российской Федерации были утверждены положения, нацеленные на учет факторов, способствующих снижению наказания. Однако, несмотря на это, до настоящего времени отсутствует единое понятие таких обстоятельств. В русском языке под обстоятельством понимается [событие, факт, сопутствующие чему-либо, связанные с чем-либо, та или иная сторона дела, события, а под обстоятельствами — совокупность условий, в которых что-либо происходит, определяющих положение кого-, чего-либо [3].

Под обстоятельствами, смягчающими наказание В.Б. Малинин и В.А. Измалков понимают, «средства индивидуали-

зации наказания, установленные в законе или признанные таковыми судом, свидетельствующие о понижении общественной опасности деяния или личности виновного, либо принимаемые во внимание на основе принципов гуманизма и справедливости, подлежащие обязательному учету при избрании меры наказания всякому лицу, признанному виновным в совершении преступления, по любому уголовному делу» [10].

Смягчающие обстоятельства, описанные в статье 60 УК РФ, представляют собой отдельную группу правил, которые применяются для индивидуализации наказания. Установление таких обстоятельств, которые смягчают санкцию, является неотъемлемой частью доказывания в каждом отдельном уголовном деле, в соответствии со статьей 73 УПК РФ. Точное определение понятия смягчающих наказание обстоятельств необходимо для полного раскрытия правовой природы рассматриваемых обстоятельств.

На сегодняшний день в научных кругах все еще отсутствует единое мнение относительно правовой природы смягчающих обстоятельств. Ведутся дискуссии о том, какое название наиболее точно описывает специфику данных обстоятельств.

Так, Шаргородский М.Д. называл данные обстоятельства смягчающими вину [5].

По мнению Сергеевой Т.Л. и Бажанова М.И., «смягчающие обстоятельства оказывают влияние на степень вины» [7].

Карпец И.И. говорил об обстоятельствах, смягчающих общественную опасность деяния [6].

По мнению Бабаева М.М., законодатель счел необходимым специально выделить наиболее существенные и наиболее часто встречающиеся в уголовных делах обстоятельства и придать им значение смягчающих либо отягчающих факторов, чтобы исключить разнобой в толковании их практическими органами [2].

Сумачев А.В. и Салимгареева А.Р. определяют обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание, как указанные в статьях Особенной части УК РФ и типичные для многих видов преступлений конкретные факты и события, безусловно свидетельствующие об изменении степени общественной опасности совершенного преступления в сторону его мягкости или тяжести и подлежащие обязательному учету при определении конкретной меры наказания в пользу его смягчения или утяжеления (ужесточения) [8].

Авторы учебника по Общей части уголовного права под редакцией Гришаева П.И. и Здравомыслова Б.В. смягчающими обстоятельствами называли выходящие за пределы состава преступления объективные и субъективные признаки деяния, а также данные о личности виновного, снижающие общественную опасность совершенного преступления [9].

Позиция относительно влияния рассматриваемых обстоятельств на степень ответственности или вину разделяется. Виновность, в свою очередь, является неотъемлемой характеристикой субъективной стороны правонарушения и проявляется в двух формах: умысле или неосторожности. Обстоятельства, перечисленные в ст. 61 УК РФ, не только характеризуют субъективные особенности преступления, но и включают объективные факторы, а также анализируют личность виновного, его поведение и оказываемое им влияние на пострадавшего.

Брайнин Я. М. справедливо отмечал, что степень вины лица, совершившего преступление, должна определяться не совокуп-

ностью всех без исключения признаков данного конкретного преступления, но исключительно психическим отношением виновного к совершенному им деянию, характером этого психического отношения [4].

На основании изложенного, мы можем сделать вывод, что в сфере уголовного права до настоящего времени отсутствует консенсус относительно роли смягчающих обстоятельств. Однако отходя от ранее преобладавшей теории, законодатель четко подчеркивает важность и воздействие этих обстоятельств, заявляя, что они влияют исключительно на определение наказания.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».
2. Бабаев М. М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. — Москва: Юрид. лит., 1968. С. 41.
3. Большой толковый словарь русского языка [Текст]: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург: Норинт, 1998. С. 687.
4. Брайнин Я. М. Принципы применения наказания в советском уголовном праве // Научные записки Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. 1953. Т. XII, вып. 1. С. 78.
5. Вина и наказание в советском уголовном праве / Шаргородский М. Д. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1945. — С. 13, 20.
6. Карпец И. И. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в уголовном праве. — Москва: Госюриздат, 1959. С. 27.
7. Сергеева Т. Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 1950. С. 43.
8. Сумачев А. В., Салимгареева А. Р. Уголовное наказание: учебное пособие. Екатеринбург, 2016. С. 61.
9. Советское уголовное право. Часть Общая: учебник / Б. В. Здравомыслов, М. А. Гельфер, П. И. Гришаев [и др.]; под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. М., 1982. С. 318.
10. Понятие обстоятельств, смягчающих наказание, и их классификация обстоятельств / В. Б. Малинин, В. А. Измалков. — Евразийский Союз Ученых. — 2018.

Порядок и проблемы определения доходов и расходов при исчислении налога на прибыль организаций

Лисицына Ирина Дмитриевна, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье автор исследует порядок и проблемы определения доходов и расходов при исчислении налога на прибыль организаций. Обращается внимание на то, что налоговое законодательство содержит множество норм, которые могут быть использованы недобросовестными участниками налоговых отношений для необоснованного снижения в налоговой отчетности показателей прибыли как объекта налогообложения, когда ее фактический размер существенно выше, чем это указано в отчетной документации.

Ключевые слова: налог на прибыль организаций, доходы, расходы, налоговые нарушения.

По общему правилу, закрепленному в ст. 247 НК РФ [1], объектом налогообложения при исчислении и уплате налога на прибыль организаций выступает «прибыль» налогоплательщика, которая по общему правилу рассчитывается по формуле «доходы минус расходы».

Соответственно, объектом налогообложения здесь выступают не все имущественные поступления в пользу налогоплательщика как таковые, а сумма, исчисленная посредством вычитания из таких поступлений затрат, которые организация понесла в отчетный период.

Иное, безусловно, нарушало бы саму природу налоговых отношений и базовые правовые принципы, поскольку определение объекта налогообложения по исследуемому налогу без учета понесенных расходов было бы экономически несправедливым.

При этом порядок определения доходов и расходов при исчислении налога на прибыль организаций является достаточно сложным, в том числе в части отнесения конкретных имущественных поступлений и затрат к доходам и расходам определенных налоговых периодов.

Все доходы организации подразделяются на две большие группы — реализационные и внереализационные.

Реализационные доходы по своей сути связаны с основным видом деятельности организации и формируются в результате продажи товаров, как произведенных самостоятельно, так и ранее приобретенных у другого субъекта, выполнения работ или оказания услуг.

Иными словами, реализационные доходы представляют собой результат активной деятельности организации в сфере гражданского оборота.

Большинство же внереализационных доходов носят пассивный характер, например, это проценты, полученные по договорам, связанным с банковскими продуктами (кредит, займ, банковский вклад), доходы от долевого участия в иных организациях и др [4, с. 105].

При этом налоговое законодательство предусматривает имущественные поступления, которые не учитываются в качестве доходов при определении размера прибыли.

Исходя из формулировки статьи 251 НК РФ «доходы, не учитываемые при определении налоговой базы», такие имущественные поступления также рассматриваются как «доходы», однако при определении размера прибыли они не учитываются.

В частности, к таким доходам не относятся поступления в виде имущества, имущественных прав, которые получены в форме залога, задатка, обеспечительного платежа в качестве обеспечения обязательств.

В целом справедливость данной нормы не вызывает сомнений, поскольку залог или задаток, а равно обеспечительный платеж, несмотря на их поступление на счета организации не являются средствами, которые возможно в любой момент обратит в свою пользу — вместе с тем, недобросовестные аффилированные лица могут использовать данную норму законодательства для необоснованного сокрытия доходов при определении размера прибыли, например, посредством придания авансовым платежам формы задатка, при этом их размер может составлять 80–90% от всей суммы, подлежащей уплате по договору и др. [3, с. 48].

Под «расходами» в соответствии со ст. 252 НК РФ понимаются обоснованные и документально подтвержденные затраты, понесенные налогоплательщиком.

Кроме того, в число расходов включаются и некоторые виды убытков, например, убытки от простоев по внутрипроизводственным причинам и др. Таким образом для того, чтобы расход был учтен при определении налога на прибыль организации, необходимо наличие материального и процедурного аспектов — материальный связан с обоснованностью расхода, процедурный — с его подтверждением в документальной форме.

При этом здесь также существуют условия для злоупотреблений, например, к расходам относятся затраты на услуги производственного характера, оказываемые сторонними организациями, в частности, транспортные услуги, которые необходимы для доставки сырья, готовой продукции, работников к месту работы и т.д.

Соответственно, между аффилированными лицами могут быть заключены договоры об оказании транспортных услуг с явно завышенной стоимостью перевозок, что позволяет орга-

низации искусственно увеличивать свои расходы, снижая, тем самым, прибыль.

Недобросовестность участников налоговых отношений может проявляться в заключении фиктивных договоров аутсорсингового характера, например, об оказании сторонними субъектами юридических, бухгалтерских, технологических услуг консультационного характера.

Злоупотребления могут иметь место и посредством искусственного увеличения расходов на оплату труда, например, путем явно завышенных стимулирующих и иных выплат руководящему звену организации и др.

Таким образом, в настоящее время очевидна, что необходима система мер, призванных противодействовать неправомерным действиям при оптимизации налогового бремени [5, с. 198].

На данный момент большое количество предприятий прибегают к противозаконным способам оптимизации налогов.

Ведение второй бухгалтерии, использование фирм «однодневки», неоприходование выручки и другие подобные меры относятся к нелегальным способам, выходящим за допустимые пределы оптимизации налогообложения. Многочисленные изъятия процедуры государственной регистрации юридических лиц, недостаточный контроль за их деятельностью создают благоприятную почву для формирования противозаконных финансово-хозяйственных цепочек.

Особое внимание следует уделять аффилированным юридическим лицам. Так, В. А. Кашин приводит пример, когда одно и тоже физическое лицо выступало единственным учредителем и единственным участником трех обществ с ограниченной ответственностью, при этом, в целях уклонения от налогообложения, «основное» юридическое лицо, действительно осуществлявшее предпринимательскую деятельность, заключило с двумя иными обществами фиктивные договоры об оказании юридических услуг и техническом обслуживании цифровой (компьютерной) техники, притом цена каждого из договоров почти в пятьдесят раз превышала среднерыночную.

Таким образом «основное» общество искусственным путем увеличивало свои расходы, что позволяло снизить начисляемый налог на прибыль [2, с. 7].

В целом следует отметить, что нормы налогового законодательства, устанавливающие правила определения доходов и расходов при исчислении налога на прибыль организаций, могут быть использованы недобросовестными участниками правоотношений в целях необоснованного снижения налогового бремени. Решение данной проблемы видится не в изменении налогового законодательства — в целом правила определения доходов и расходов разумны и необходимы, существенных изъятий в их конструкции не имеется. Здесь необходимо повышать эффективность контроля за коммерческими операциями хозяйствующих субъектов, в первую очередь обращая внимание на сделки между аффилированными лицами, на сделки, где одна сторона уплачивает другой задаток в размере, существенно выделяющемся на фоне сложившейся в гражданском обороте практики (например, 80–90% от всей суммы сделки), на сделки о выполнении работ и оказании услуг производственного характера, цена которых существенно превы-

шает среднерыночные (например, явно завышенная стоимость транспортных услуг по доставке сырья, перевозке готовой продукции заказчику и др.), на явно завышенные стимулирующие и иные выплаты руководящему персоналу организаций и др.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть вторая, от 05 августа 2000 года № 117-ФЗ // Российская газета. 2000. № 153–154.
2. Кашин В. А. О совершенствовании налоговой системы РФ / В. А. Кашин // Налоговый вестник. 2019. № 12. С. 7–12.
3. Мирошников Е. В. Актуальные вопросы нарушения законодательства по налогу на прибыль организаций // Журнал прикладных исследований. 2023. № 4. С. 48–53.
4. Сидельникова Г. П. Доходы и расходы предприятия: нормативно-правовое регулирование, учет и анализ // Экономика и управление. 2021. № 5. С. 105–109.
5. Юрьева Л. В. Налог на прибыль: проблема оптимизации и направления реализации // Деньги и кредит. 2019. № 3. С. 198–202.

Защита нематериальных благ

Максимова Александра Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Боер Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье автор исследует вопрос, связанный не только с обеспечением защиты нематериальных благ, но и с их регулированием. В тексте приводятся различные точки зрения, и автор также выражает свою собственную позицию относительно этого вопроса.

Ключевые слова: благо, Гражданский кодекс, Российская Федерация, гражданское законодательство, моральный вред, моральный ущерб.

В свете динамичного развития государства и становления разнообразных форм общественных отношений возникла потребность в юридическом регулировании нематериальных благ. Согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, нематериальные блага рассматриваются как особая категория объектов гражданских прав [1].

Перечень нематериальных благ у всех людей одинаков, в отличие от материальных благ, которые различаются у каждого. Нематериальные блага могут быть предоставлены законом или приобретены в ходе жизни, как, например, звания и награды. Закон дает возможность самостоятельно определять свое поведение в отношении них. Следовательно, можно сделать вывод, что распоряжаться нематериальными благами можно по тому же принципу, что и распоряжаться материальными благами.

Сам термин «нематериальные блага» не имеет четкого определения в российском законодательстве. Поэтому, согласно мнению авторов, уровень защиты таких прав считается неэффективным [2]. Кроме того, несмотря на тесную связь нематериальных благ с личными неимущественными правами, эти понятия следует различать. Однако в Гражданском Кодексе Российской Федерации [1] эти понятия почти идентичны. Это еще одна причина их неэффективности.

Установление только общего перечня нематериальных благ и мер по их защите создает риск неправильного применения и нарушения норм материального права судами. С другой стороны, «отсутствие закрытого перечня нематериальных благ стимулирует дальнейшее развитие личных неимущественных отношений, реализацию личности и ее уверенность в правовой

защищенности» [3]. Этот факт подчеркивает важность введения межотраслевого определения нематериальных благ в гражданском законодательстве.

Нематериальные блага являются объектами личных неимущественных прав, включая такие элементы, как имя, жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию и другие.

Анализ с. 2 ст. 150 ГК РФ позволяет сделать вывод, что нематериальные блага находятся под защитой ГК РФ и других законов. Перечень способов защиты, указанный в ст. 12 ГК РФ, не является исчерпывающим. Так, одним из способов защиты в случае посягательства на нематериальные блага является компенсация морального вреда.

Приведу конкретный пример. Гражданка Т. М. Мезенцева обратилась в суд, предъявив иск о возмещении морального вреда [4]. Она утверждала, что медицинская ошибка причинила её малолетней дочери физическую боль, а самой Мезенцевой — нравственные страдания, связанные с состоянием здоровья ребёнка. Мезенцева Т. В. просила признать ревакцинацию <..... > и лечение <..... > некачественно оказанной медицинской услугой, взыскать компенсацию причиненного ей и её дочери морального вреда в размерах 250000 рублей и 500000 рублей соответственно, возместить стоимость приобретенных лекарственных средств в размере 1709,60 рублей и транспортные расходы в сумме 2100 рублей. Суд первой инстанции искивые требования удовлетворил. Однако в дальнейшем данное решение было обжаловано в судах апелляционной и кассационной инстанций. При этом, в исках подобного

рода суды либо отказывают, либо удовлетворяют заявленные требования частично. Из этого можно сделать вывод, что в настоящее время недостаточно полно обеспечивается защита нематериальных благ.

Видимо, для решения данной проблемы необходимо обобщить судебную практику и разработать единую методику определения величины возмещения морального ущерба в случае нарушений нематериальных благ в различных ситуациях.

Что касается вопроса регулирования гражданским правом нематериальных благ, то он вызывает дискуссии. Противники регулирования обязательств гражданским правом, связанных с нематериальными благами, утверждают, что изначально гражданское право было ориентировано на имущественные отношения. Особенности, связанные с нематериальными благами, регулировались исключительно в рамках охранительных мер, направленных на их защиту [5]. Их аргумент состоит в том, что нематериальные блага должны только подпадать под систему защиты, и нет необходимости в их специальном правовом регулировании.

Однако я полагаю, что в настоящее время существует необходимость в регулировании нематериальных благ гражданским правом. Попробуем представить обоснование в поддержку данной позиции.

В качестве примера рассмотрим договоры, которые имеют возмездный характер и включают в себя ситуации, когда публичная личность предоставляет интервью или раскрывает информацию о своей личной жизни. Часто такие договоры не являются недобросовестными или ограничивающими правовую способность личности. Эти соглашения также означают отчуждение нематериальных благ, таких как неприкосновенность частной жизни и семейной тайны, которые принадлежат субъекту [6]. Естественно, не всеми благами можно распорядиться, данный тезис относится, например, к праву на жизнь. Хотя и здесь имеются исключения — «терроризм смертников», что для обычного правопорядка не является нормой.

Закон дает возможность самостоятельно решать, как вести себя. Исходя из этого, напрашивается вывод, что управление

нематериальными благами можно осуществлять по тем же принципам, что и управление материальными благами. Необходимо учесть, что регулирование нематериальных благ может быть рискованным, например, при раскрытии личной информации. Однако важен также принцип свободы договора. В современной практике применения правовых норм о гражданско-правовом договоре используются устоявшиеся и иногда законодательно утвержденные категории [7].

В данном случае следует усовершенствовать механизмы защиты, а именно предусматривать возможность охраны нематериальных прав граждан в случае распоряжения ими от несанкционированного доступа других лиц, от их использования в корыстных целях и т.д. Принцип свободы заключения договоров подразумевает повышенные требования к поведению всех участников правовых отношений, что согласуется с принципами развитого гражданского общества. Лица, вступающие в гражданско-правовые отношения и использующие свои субъективные права, должны воздерживаться от злоупотребления свободой заключения договоров и уважать права и свободы других лиц. Их действия должны быть реализованы добросовестно, с учетом возможных последствий [8].

Хотя де-юре гражданское право защищает нематериальные блага, де-факто такая защита производится не в полной мере. Фактически, это не соответствует официальным нормам и требованиям гражданского законодательства. Хотя теоретически такое регулирование возможно, оно не находит своего закрепления в законе.

Таким образом, сегодня гражданское законодательство лишь обеспечивает защиту нематериальных благ, однако кажется, что это лишь вопрос времени. Глава 8 Гражданского кодекса Российской Федерации требует расширения с подробной системой правовых норм, нацеленных на регулирование и защиту конкретных видов нематериальных благ граждан. Кроме того, необходимо разработать унифицированный метод определения суммы компенсации за моральный ущерб в случае нарушения нематериальных благ при различных обстоятельствах.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. ст. 3301.
2. Постановление № 44Г-98/20194Г-1286/2019 от 29 марта 2019 г. по делу № 2-16/2018. // Судебные и нормативные акты РФ: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/T43OpwW20Lmq/> (дата обращения: 27.10.2023).
3. Андропов В. В., Гонгало Б. М., Манылов И. Е. и др. Объекты гражданских прав: постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Андропов, Б. М. Гонгало, И. Е. Манылов и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2009. — 224 с.
4. Скачкова М. И. Правовая категория личных неимущественных прав в контексте совершенствования гражданского законодательства России // Российская юстиция. — 2016. — № 1. — 115 с.
5. Трофимова Т. В. Классификация нематериальных благ и ее правовое значение // Гражданское право. — 2015. — № 3. — 48 с.
6. Татаринова Е. П. Актуальные проблемы применения дефиниции гражданско-правового контракта и договора как смежных категорий // В сборнике: Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Н. В. Корниловой. — Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021. — 53–57 с.
7. Старцева И. М., Татаринова Е. П. Защита прав предпринимателей при автоматическом расторжении договора: теория и практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2020. — № 10 (229). — 78–81 с.

8. Шнайdt Я.Э. Понятие механизма правового регулирования хозяйственно-договорных отношений // Я.Э. Шнайdt. Вопросы теории и практики гражданско-правового регулирования. — Томск: Томский государственный университет, 2016. — С. 645.

Договор потребительского кредитования: проблемы теории и практики

Малова Тамара Валерьевна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Фастова Марина Андреевна, кандидат юридических наук, доцент
 Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье изучены проблемы теории и практики договора потребительского кредитования, в частности рассмотрен ряд существенных проблем и объективных сложностей, препятствующих принятию законодателем закона «О потребительском кредитовании». Изучены различные точки зрения авторов по данному вопросу.

Ключевые слова: потребительское кредитование, договор, потребительский кредит, гражданские правоотношения, законодательный уровень.

Consumer lending agreement: problems theories and practices

The article examines the problems of the theory and practice of the consumer lending contract, in particular, a number of significant problems and objective difficulties preventing the adoption by the legislator of the law «On Consumer Lending» are considered. Various points of view of the authors on this issue have been studied.

Keywords: consumer lending, contract, consumer credit, civil relations, legislative level.

Скорейшее принятие законодателем федерального закона, регулирующего потребительские кредитные отношения (договоры потребительского кредита), является актуальной задачей, решение которой будет иметь теоретическое, практическое и социальное значение. Социальная значимость и острота правоотношений, возникающих из договора потребительского кредита, обусловлены тем, что в России в 1990-е годы произошли кардинальные изменения в составе населения и серьезно углубились проблемы социального и нравственного благополучия общества. Падение материального уровня жизни граждан совпало с формированием в стране рыночной экономики и значительным увеличением предложения потребительского рынка. Это, в свою очередь, привело к повышению общественного интереса к правовому институту потребительского кредита.

За последние 5–7 лет подготовлено несколько редакций проекта Федерального закона «О потребительском кредите», основанных на различных подходах к правовому регулированию отношений, возникающих из договора потребительского кредита.

Результаты анализа позволили выявить ряд существенных проблем и объективных трудностей, мешающих законодателю принять данный закон. Причины их возникновения различны и лежат на теоретическом, правовом и практическом уровнях. В рамках данной статьи представляется возможным выделить лишь некоторые из них.

1. В ряде законопроектов авторы используют понятия «потребительский кредит» и «потребительское кредитование» как синонимы, что некорректно, поскольку эти понятия в хозяйственно-правовом смысле связаны как часть и целое.

2. В подготовленных счетах под потребительским кредитом понимается:

«...оказание финансовых услуг по предоставлению кредитными организациями (кредиторами) потребителям денежных средств на основании договоров потребительского кредита, а также оказание сопутствующих услуг»;

«...оказание услуг по предоставлению кредитными организациями (кредиторами) потребителям денежных средств на основании договоров потребительского кредита, а также оказание сопутствующих услуг»;

«...договор потребительского кредита — кредитный договор (договор займа), заключаемый между заемщиком и кредитором и предусматривающий предоставление потребительского кредита».

Недостатком первых двух вариантов является то, что в проекте не определен объем полномочий по распоряжению переданными заемщику денежными средствами (право собственности на деньги, право пользования на условиях возмездности и возвратности и др.). Такие редакции некорректны, так как для определения понятия денежного обязательства необходимо уточнить сущность денег как предмета гражданских правоотношений.

Если рассматривать договор займа как договор займа, ст. 807 ГК РФ «Договор займа», согласно которому «...одна сторона (займодавец) передает деньги или иные вещи, определяемые родовыми признаками, в собственность другой стороны (заемщика), а ссудополучатель обязуется сам возратить кредитору такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же вида и качества» [1]

В искусстве. 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав» законодатель также относит деньги к вещам. Передача суммы кредита (займа) заемщику наличными, т.е. вещами, определяемыми родовыми признаками, не вызывает сомнений. В этом случае заемщику передаются от собственника три полномочия: полномочия владения, пользования и распоряжения.

Но что, если сумма кредита выдана (зачислена) в денежной форме? Для ответа на этот вопрос необходимо учитывать тот факт, что правовая природа денег предопределена, по мнению автора, теми функциями, которые деньги выполняют в экономических отношениях. [2]. В то же время трудно отрицать, что безналичные деньги, как и наличные деньги, обладают свойствами меры стоимости, средства обращения, средства платежа, товарного эквивалента. В сущность финансов также входит «реальное» денежное обращение, «реальное» движение (обращение) денег, независимо от формы его выражения: наличной или безналичной.

Сторонниками признания безналичных денег собственностью заказчика являются В.П. Грибанов, Э.Г. Полонский, В.А. Плинер и некоторые другие ученые. По их мнению, при выявлении правовой природы неликвидных денег «следует иметь в виду, что собственником денег (кроме, быть может, инкассатора) выступает собственник определенной суммы денег; оболочка, содержащая ряд денежных единиц с установленным золотым содержанием, определяющим выраженную в них меру стоимости.

Поэтому применительно к деньгам объектом права собственности является именно сумма денежных единиц, а не денежные знаки» [3]. В юридической науке существует множество различных теорий о правовой природе и правовом режиме денег. Однако законодатель не всегда воспринимает современные теоретические понятия, и в действующем законодательстве, к сожалению, до сих пор остаются основания для двоякого толкования понятия «деньги», что привело к ряду проблем в правоприменительной практике, суть которых выходит за рамки данной статьи.

Для устранения трудностей, связанных с регулированием денежного обращения, представляется необходимым, используя достижения современной юридической науки, на законодательном уровне:

1. Устранить возможность дуализма в законном порядке денег путем:

— определение юридической категории наличных и безналичных денег;

— признание натуральных денег особым видом бестелесной вещи, которая может быть «выплачена» в любое время, т.е. превращена в нечто, обладающее физическими (телесными) свойствами;

— перевод денежных средств в вещно-правовой режим регулирования независимо от формы их выражения (деньги или деньги в натуральной форме);

2. Изменить способы обеспечения денежных (кредитных) обязательств:

— Защита прав субъектов, возникающих из денежных (имущественных) обязательств, установление имущественного режима правовой охраны;

— защита прав лиц по расчетно-кредитным обязательствам, расчетно-денежным обязательствам и иным операционным услугам (услугам), соблюдение режима защиты юридических обязательств;

— при передаче денег в кредитную организацию для размещения ценных бумаг (облигаций, сертификатов и иных подобных носителей) соблюдать правовой режим договора займа с учетом того, что деньги переходят в собственность кредитной организации;

3. Аналогичный правовой режим может быть установлен для акций и иных денежных и безналичных (бездокументарных) ценных бумаг другого эмитента.

Применительно к договору потребительского кредита следует отметить, что, во-первых, интерес заемщика состоит в получении денежных средств в собственность с целью получения права распоряжения ею; во-вторых, деньги, передаваемые по договору займа, как правило, имеют родовые (заменные) признаки, так как передача заемщику по договору индивидуально определенных денежных знаков не может достичь цели займа; и в-третьих, деятельность (услуги) кредитной организации по предоставлению денежных средств заемщику не ограничивается только их перечислением, так как в процессе оказания услуг по договору потребительского кредита у кредитора возникает ряд обязательств, которые, в частности, предусмотрены Законом «О защите прав потребителей» и составляют существенные условия настоящего договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 N14-ФЗ. Часть вторая // СПС «КонсультантПлюс».
2. Сидорова В. Проблемы правового режима безналичных денег: соотношение вещных и обязательственных прав // Банковское право. 2022. N5. С. 4–8
3. Полонский Э. Г., Плинер В. А. О правовом регулировании расчетных и кредитных отношений // Советское государство и право. 2023. N6. С. 75.

Соотношение понятий «франчайзинг» и «коммерческая концессия»

Медведева Екатерина Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье проводится анализ понятий «франчайзинг» и «коммерческая концессия». Автор рассматривает различные подходы к пониманию данных понятий. Проведенное исследование позволило выделить сходства и различия, соотносимых институтов, а также раскрыть содержания термина «франчайзинг».

Ключевые слова: франчайзинг, коммерческая концессия, предпринимательская деятельность, бизнес, договорные обязательства.

В нынешних реалиях франчайзинг зарекомендовал себя как отличная модель ведения бизнеса на практике. В российской правовой системе существуют разные точки зрения относительно понимания терминов «франчайзинг» и «коммерческая концессия», в большинстве случаев они отождествляются.

Так, согласно ст. 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) «по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау)» [1].

В обоснование такого подхода отдельные авторы, в частности, М. И. Брагинский и В. В. Витрянский отмечали, что понятие «коммерческая концессия» было использовано при подготовке ГК РФ, как наиболее соответствующее по смыслу английскому *franchising*» [2, с. 979]. В свою очередь, представляется, что данная позиция недостаточно обоснована, поскольку исторически через концессионное соглашение передавались из государства в частные руки те объекты, которыми необходимо было эффективно управлять.

Обращаясь к этимологии слова «*concessio*» [7, с. 324], следует заметить, что оно обозначает разрешение, уступка в двух смыслах: «1) как договор на передачу государством в эксплуатацию частным предпринимателям, иностранным фирмам промышленных предприятий или участков земли с правом добычи полезных ископаемых, строительства различных сооружений; 2) само предприятие, организованное на основе такого договора» [8, с. 213]. Следовательно, концессия подразумевает под собой договор, в которой одной из сторон выступает государство [4, с. 27].

Между тем, этимологическое значение слова «*franchising*» [13] обозначает вид предпринимательской деятельности, а не разновидность договора. То есть по своей правовой природе франчайзинг охватывает не только передачу каких-либо исключительных прав в обмен на денежные средства, но и отдельные аспекты взаимоотношений (различные экономические, организационные и технические процессы), в том числе, возможна и передача материальных объектов.

Следует также отметить, что Международная ассоциация франчайзинга определяет его следующим образом: франчай-

зинг — «это контрактные взаимоотношения между франчайзором и предприятием оператором, в рамках которых франчайзор предлагает или обязуется поддерживать такие области функционирования предприятия, как ноу-хау и обучение; при этом оператор ведет дело, используя общую торговую марку и технологию, владельцем которых является франчайзор, он же и контролирует их, и при этом оператор инвестирует существенную долю предприятия за счет собственных средств» [5, с. 34].

В этом контексте использование договора коммерческой концессии как аналога франчайзинга не совсем эффективно, по этой причине, видимо, следует пересмотреть действующую концепцию законодателя. На что указывали некоторые авторы, отмечая, что «коммерческая концессия не в полной мере раскрывает суть франчайзинга» [3, с. 23].

Необходимо отметить, что в доктрине относительно правовой природы франчайзинга выявились две основные точки зрения.

Согласно первой, «франчайзинг представляет собой форму предпринимательской деятельности, основанную на системе взаимоотношений, закрепленных рядом соглашений, заключающихся в возмездном предоставлении одной стороной (организацией, имеющей, как правило, ярко выраженный имидж и высокую репутацию на рынке товаров и услуг) другой стороне (организации или индивидуальному предпринимателю) своих средств индивидуализации производимых товаров, выполняемых работ или оказываемых услуг (товарный знак или знак обслуживания, фирменный стиль), технологии ведения бизнеса и другой коммерческой информации, использование которой другой стороной будет содействовать росту и надежному закреплению на рынке товаров и услуг. При этом передающая сторона обязуется оказывать содействие в становлении бизнеса, обеспечивать техническую и консультационную помощь» [10, с. 25].

Иную точку зрения высказал А. С. Райников, который категорически отрицает возможность определения франчайзинга по видам деятельности и предлагает задуматься над тем, что «франчайзинг представляет собой юридическую категорию, которая обладает только тремя признаками: во-первых, это договор; во-вторых, в рамках франчайзинга одно лицо (франчайзер) предоставляет другому лицу (франчайзи) право использовать в предпринимательской деятельности комплекс принадлежащих франчайзеру исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации товаров (работ, услуг) и (или)

предприятий; в-третьих, франчайзинг направлен на расширение рынка сбыта товаров, работ или услуг одного лица посредством замещения его в отношениях с третьими лицами другим лицом. Все остальные признаки исследуемого явления можно рассматривать в качестве преходящих и зависящих от источника правового регулирования франчайзинга в том или ином государстве» [6, с. 26].

Ф. Н. Филина, опровергает вышеуказанные подходы, в связи с чем предлагает определять франчайзинг как: «форму продолжительного делового сотрудничества, в процессе которого крупная компания — франчайзер (правообладатель) представляет малоизвестной компании — франчайзи (пользователю) лицензию (франшизу) на производство продукции, торговлю товарами или предоставление услуг под торговой маркой правообладателя на ограниченной франшизной территории на срок и на условиях, определенных франшизным договором» [9, с. 9].

Отсутствие в российской цивилистической доктрине единого подхода к определению, исследуемого понятия, обусловлено, по мнению отдельных авторов, «недостаточной правовой регламентацией франчайзинговых отношений, отсутствием специального закона о франчайзинге» [11, с. 4–5]. Необходимо отметить, что в 2015 году предпринимались попытки к принятию Федерального закона «О франчайзинге», в котором он рассматривался как «система отношений», между тем, анали-

зируя положения данного законопроекта можно отметить, что он имеет существенные недоработки, например, многие положения проекта либо дублируют положения главы 54 ГК РФ, либо содержат правовое регулирование, не соответствующее им, а также понятие «франчайзинг» не имеет самостоятельного использования, поскольку вместо него используется понятие «договор франчайзинга» [12].

Анализируя вышеуказанные доктринальные источники и законодательство, можно выделить сходства, соотносимых понятий, в частности, предмет договора, а также, к примеру, принятие сторон на себя взаимных ограничений в части ведения предпринимательской деятельности на определенной территории, и различия — франчайзинг включает в себя более всеобъемлющий комплекс прав, передаваемых по договору.

На основе вышеизложенного, следует сказать о том, что франчайзинг представляет собой — систему отношений, в которой франчайзер предоставляет франчайзи право пользования на комплекс принадлежащих франчайзеру исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации в обмен на прямое или косвенное финансовое вознаграждение в целях продажи продукта или услуг франчайзера по заранее определенным правилам ведения бизнеса, которые устанавливает франчайзер в рамках и в период действия специально заключенного обеими сторонами договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410; 2023. — № 25. — Ст. 4398.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 1055 с.
3. Климова С. В. Договор франчайзинга: анализ основных элементов // Юрист. 2009. № 12. С. 18–25.
4. Концессионные соглашения: теория и практика / С. А. Сосна. М., 2002. 256 с.
5. Мендельсон М. Руководство по франчайзингу: перевод на русский / Л. Т. Исаенкова, И. Г. Миневрин. М.: «Сибли Интернэшнл, Инк», 1995. 121 с.
6. Райников А. С. Договор коммерческой концессии: как институт обязательственного права и как правоотношение: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2009. 23 с.
7. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т. В. Егорова. М.: «Аделант», 2014. 800 с.
8. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование, 2015. 1375 с.
9. Филина Ф. Н. Франчайзинг: правовые основы деятельности. М.: Гросс-Медиа, 2008. 189 с.
10. Черепанова Е. А. Франчайзинг в России: правовой аспект: монография. Екатеринбург: Уралюриздат, 2005. 173 с.
11. Ющенко Н. А. Правовое регулирование коммерческой концессии и франчайзинга в России и за рубежом: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 25 с.
12. Законопроект № 503845–6 О франчайзинге // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/503845-6> (дата обращения: 17.09.2023).
13. Перевод с английского на русский franchising // Академик. URL: <https://translate.academic.ru/franchising/en/ru/> (дата обращения: 17.09.2023).
14. Еремин, А. А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения / А. А. Еремин. — Текст: электронный // URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/25-11-2015-1d.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

Основные недостатки и проблемы гражданско-правовой ответственности

Менчик Сергей Николаевич, студент магистратуры
Академия труда и социальных отношений (г. Москва)

В настоящей статье даются понятия гражданско-правовой ответственности, как одному из видов юридической ответственности, раскрывается проблематика отсутствия норм, устанавливающих определения общих понятий — «гражданско-правовая ответственность», «основание гражданско-правовой ответственности» и «условия гражданско-правовой ответственности».

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственности, нормативно-правовые акты, санкция, мера, правовые нормы, законность.

The main disadvantages and problems of civil liability

Menchik Sergey Nikolayevich, student master's degree
Academy of Labor and Social Relations (Moscow)

This article gives the concepts of civil liability as one of the types of legal liability, reveals the problems of the absence of norms establishing definitions of general concepts — «civil liability», «basis of civil liability» and «conditions of civil liability».

Keywords: civil liability, regulatory legal acts, sanction, measure, legal norms, legality.

Актуальность темы определяется, прежде всего, своей фундаментальностью, поскольку гражданско-правовая ответственность, будучи разновидностью юридической ответственности, является одной из основных категорий юриспруденции. В связи с тем, что юридическая ответственность неразрывно связана с государством, общепризнанными мерками права, обязанностью и незаконным поведением граждан, их объединений, должностных лиц государственных организаций, тем самым подчеркивается значимость и актуальность проблематики.

Юридическую ответственность нередко ошибочно отождествляют с другими близкими категориями. Так, говоря о том, что кто-то «отвечает» за то или иное направление деятельности, в действительности имеют в виду его обязанности и их должностное исполнение. Высказано мнение о том, что юридическая ответственность — «регулируемая правом обязанность дать отчет в своих действиях». В таком понимании юридическая ответственность прямо становится исполнением некой заранее предусмотренной обязанности, по существу, тесно сближенной с моральной («позитивной») ответственностью.

Иногда указывается, что юридическая ответственность есть не что иное, как реализация санкции нормы права, ибо содержание санкции сводится к установлению определенных юридических последствий поведения.

Но далеко не всякая санкция устанавливает меру юридической ответственности, не говоря уже о том, что большинство действующих правовых норм не имеют классической трехчленной структуры (гипотеза — диспозиция — санкция), и санкцией может быть даже норма в целом. Однако во многих нормах санкции отсутствуют, что само по себе еще не означает отсутствие юридической ответственности за их нарушение. Иное дело — понимание санкции как установленной законом (или договором) конкретной меры ответственности за правонарушение.

Однако, несмотря на все вышесказанное, можно утверждать, что в отличие от других деликтных обязательств определения ни гражданской ответственности, ни гражданскому правонарушению в российском законодательстве не дано. В соответствующих

статьях Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) лишь говорится об имущественной ответственности гражданина и ответственности юридических лиц, перечисляются конкретные санкции, применяемые за те или иные гражданские правонарушения. Среди них возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсация морального вреда и т.д.

Данный вопрос в нашем понимании является явной недоработкой законодателя, что порождает многочисленные дискуссии и может привести к судебным ошибкам.

Например, ст. 169 ГК РФ гласит, что сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна.

При наличии умысла у обеих сторон такой сделки — в случае исполнения сделки обеими сторонами — в доход Российской Федерации взыскивается все полученное ими по сделке, а в случае исполнения сделки одной из сторон с другой стороны взыскивается в доход Российской Федерации все полученное ею и все причитавшееся с нее первой стороне в возмещение полученного.

Также в качестве примера можно привести ответственность за имущественные правонарушения, которая в гражданском праве подразделяется на договорную и внедоговорную. Основанием наступления договорной ответственности является нарушение заключенного договора, т.е. соглашения самих сторон гражданского правоотношения. Поэтому такая ответственность может устанавливаться за правонарушения, не обеспеченные напрямую санкциями действующим законодательством, а в ряде случаев — увеличиваться или уменьшаться, по соглашению участников договора в сравнении с размером, предусмотренным законом. Второй вид ответственности используется только в прямо установленных законом случаях и на императивно установленных им условиях.

И как следствие, эти вопросы остаются наиболее актуальными и дискуссионными на сегодняшний день.

В ГК РФ содержится более 60 норм, непосредственно предусматривающих ответственность многих субъектов за раз-

личные правонарушения. Назовем некоторые из них: имущественная ответственность гражданина (ст. 24); ответственность юридического лица (ст. 54); ответственность по обязательствам Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципального образования (ст. 126); ответственность поручителя (ст. 363); ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст. 1070).

Сложностью в рассматриваемой проблематике является то, что, в отличие от других отраслей права, таких как уголовное, административное, где данный термин имеет одно из основополагающих значений и ему дается четкое определение, в гражданском праве этот термин остается «подвешенным», не опирающимся на нормы Гражданского кодекса и в то же время не зависящим от него. Нет, конечно же, рассматриваемый термин не может существовать сам по себе, однако данный вывод основывается на уже перечисленных нами фактах. Но тогда возникает резонный вопрос: если действительно значение гражданско-правовой ответственности так велико, то почему бы закрепленному в законе положению не дать четкое определение?

В гражданском законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормы, устанавливающие определения общих понятий — «гражданско-правовая ответственность», «основание гражданско-правовой ответственности» и «условия гражданско-правовой ответственности».

Нет единства мнений и в научной литературе. Предлагаются различные определения гражданско-правовой ответственности. Приведем некоторые из них:

— Гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для правонарушителя от-

рицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей (Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. С. 872.);

— Гражданско-правовая ответственность — это мера государственного или общественного принуждения, включая понуждения должника к исполнению принятой на себя обязанности (Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 2001. С. 215.);

— Гражданско-правовая ответственность представляет собой совокупность неблагоприятных правовых последствий, выражающихся либо в возложении на нарушителя условий договора мер имущественного воздействия, либо в лишении его определенных гражданских прав, либо в понуждении совершить определенные действия (Гуев А. Н. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. М., 2003. С. 382–383.);

— Гражданско-правовая ответственность — одна из форм государственного принуждения, состоящая во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций, перелагающих на правонарушителя невыгодные имущественные последствия его поведения и направленных на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего (Гражданское право. Т. 1 / Под ред. д.ю.н., проф. Е. А. Суханова. М., 2004. С. 224.) и т.п.

При рассмотрении литературы на этот счет помимо уже сказанных расхождений налицо отсутствие единого понятия гражданско-правовой ответственности, принимаемого за основу большинством ученых.

Таким образом, мы выявили, что существует нерешенная проблема самого понятия гражданско-правовой ответственности.

Литература:

1. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. — М., 2001. — 215 с.
2. Гуев А. Н. Гражданское право: учебник в 3 т., Т. 1. — М., 2003. — 382–383 с.
3. Иоффе О. С. Обязательственное право. — М., 1975. — 872 с.
4. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник в 2 т. Т. 1 — М., 2004. — 224 с.

Современные меры социальной защиты семей с детьми в праве зарубежных стран

Метальникова Марина Константиновна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор рассматривает историческую специфику семейно-правовой политики в зарубежных странах, примеры мер социальной защиты семей с детьми в праве зарубежных стран. В статье приводятся классификации направлений семейно-правовой политики, мер социальной защиты, а также примеры социально-правовых программ, направленных на разрешение проблем семей с детьми в зарубежных странах.

Ключевые слова: социальная защита семей, меры социальной защиты, семейно-правовая политика, социальное обеспечение, правовое регулирование.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены примеры мер социальной защиты семей с детьми в праве зарубежных стран. Как указывают И. А. Григорьянц и Д. И. Воробьев для

систематизации и последовательного изучения опыта зарубежных стран в сфере основных мер социальной защиты семей с детьми необходимо исследовать становление механизмов со-

циально-правового обеспечения поэтапно — с учетом исторической специфики развития института брачно-семейных отношений и семейно-правовой политики в различных странах [8, с. 91–96].

Опираясь на международный справочник ведущего социально-гуманитарного европейского издательства Palgrave Macmillan по вопросам социальной защиты в семейной сфере — «Руководство издательства Palgrave по семейной политике», можно прийти к выводу о том, что семейно-правовая политика как научно-обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и негосударственных институтов по защите институтов брака и семьи зародилась в конце 1940-х годов [17, с. 28–50]. Составители Руководства, У. Ван Ланкер и Р. Ньювенхейс, в частности, отмечают следующее: «До Второй Мировой войны в США и Европе семейно-правовая политика носила внесистемный характер. Так же, как и любая государственная политика на ранних стадиях, социальная защита семей, как правило, концентрировалась на решении конкретных проблем. Одни стратегии касались вопросов заключения и расторжения брака, другие — ухода за детьми, третьи — трудовых условий беременных женщин и матерей, иные — поддержки доходов семей. Первоначально эти стратегии были специализированными и узконаправленными (ориг. англ. «initially tended to be specialised»). Но, т.к. сами семейные отношения не могут быть разделены и фрагментированы, семейная политика в сфере защиты со временем приобрела характер полноценной системы [17, с. 28–29].

До XX века в семейном праве большинства стран сохранялось множество положений, связанных с традициями патриархальной семьи и влиянием религиозных источников права, а на глобальном уровне связи различных государств сохранялись вне институциональных форм. Из-за этого семейно-правовая политика и нормы о социальном обеспечении семей были развиты в мире неравномерно, а правовое регулирование статуса семьи существенно различалось [9, с. 54–57].

Особенно критично указанные различия проявлялись между странами западной и восточной цивилизаций. В западной историографии смену курса развития института правового регулирования семейных правоотношений и создание единого курса социального обеспечения семьи связывают с окончанием Второй Мировой войны и учреждением Организации Объединенных Наций в 1945 г. В отечественных источниках данная позиция, как правило, разделяется, но саму трансформацию норм социального обеспечения связывают с процессом деколонизации доминионов, протекторатов и иных подконтрольных бывшим европейским империям территорий [10, с. 5–22].

Главными организационно-правовыми достижениями международного сообщества в вопросах защиты семьи и детства становятся принятие на базе ООН Всеобщей декларации прав человека [1] и Конвенции о правах ребенка [3] в 1948 и 1989 гг. соответственно.

По мнению современных экспертов, существующие в настоящий момент режим правового регулирования мер социальной защиты семьи и тенденции семейно-правовой политики сформированы под влиянием общих для всего мира глобализационных процессов в культуре, политике и экономике.

Для рассмотрения современных мер социальной защиты семей с детьми в праве зарубежных стран необходимо учитывать региональные особенности различных правовых культур. Целесообразно выделить четыре региональные правовые системы:

- европейскую;
- североамериканскую;
- азиатскую;
- и ближневосточную [15, с. 209].

Все группы по различным классификациям направлений семейно-правовой политики можно удобно объединить в сферы. Так, например, направления по трем различным основаниям (целям, отношениям и субъектам) семейно-правовой политики — демографическая семейная политика, семейная политика в области отцовства и материнства и меры защиты родителей при описании конкретных мер можно объединить и выявить общую тенденцию. При описании общих длительных тенденций в отношении мер социальной защиты семей с детьми в праве зарубежных стран возможно группировать их по трем категориям:

- стимулирующие меры;
- сдерживающие меры;
- пролонгирующие меры социальной защиты [13, с. 352–356].

Итак, для описания Европейской системы социальной защиты семей с детьми можно обратить внимание на главные источники правового регулирования в данном регионе. Помимо триады главных международных актов в сфере защиты институтов семьи и детства — Декларации прав ребенка (1959 г.) [2], Конвенции ООН о правах ребенка (1989 г.) [3] и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990 г.) [4], а также собственно национального законодательства стран-членов европейское право включает в себя специализированные стратегии развития:

- Стратегия Совета Европы в поддержку прав ребенка [5];
- Стратегия гендерного равенства на 2020–2025 гг. [6];
- Стратегия программы «Права, равенство и гражданство» (2021–2027 гг.) [7].

Несмотря на наличие в правовой системе европейских стран собственного национального законодательства, правила о мерах социальной защиты институтов семьи и детства являются общими и обязательными для всего европейского правового пространства. В основе семейно-правовой политики Европы лежит инициатива Еврокомиссии под названием «Гарантия детства» (ориг. англ. «Child Guarantee»). Декларируемой целью европейской программы «Гарантия детства» является «предотвращение социальной изоляции и борьба с ней путем обеспечения эффективного доступа нуждающихся детей к набору самых важных и необходимых социальных благ». Программа включает в себя такие меры социальной защиты семей с детьми, как:

- бесплатное предоставление услуг учреждений дневного пребывания и ухода за детьми в раннем возрасте (яслей, детских садов, школ раннего развития ребенка);
- бесплатное общее образование (включая бесплатное питание);

– бесплатное медицинское обслуживание и здоровое питание;

– бесплатное обеспечение жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [16, с. 34–36].

Для реализации «Гарантии детства» государства-члены ЕС также принимают собственные национальные стратегии и инициативы. Вот лишь некоторые из социально-правовых программ, направленных на разрешение проблем семей с детьми в странах ЕС:

– социально-ориентированная программа правительства Кипра Baby's Downy помогла более чем 1200 семьям, предоставив детское оборудование, постельное белье, подгузники и бытовые предметы для ухода за ребенком [7];

– другой европейский проект — Support to Reduce Early School Leaving под патронажем властей Латвии помогает малоимущим учащимся в возрасте до 12 лет продолжать учебу, возмещая им расходы на питание и транспорт до школы [5];

– социальный фонд Digital Inclusion подарил более 300 персональных компьютеров для дистанционного обучения детей нуждающимся семьям [14, с. 277–283].

В целом, оценивая европейскую правовую политику в сфере защиты семей с детьми, можно отметить следующие признаки:

– европейская семейно-правовая политика в сфере демографии опирается на интеграцию иммиграционного населения как на способ решения проблем падения рождаемости и старения населения, предоставляя беспрецедентные условия социальной адаптации семей эмигрантов, беженцев и репатриантов, особенно — в отношении семей с детьми;

– несмотря на то, что по данным Еврокомиссии, в 2021–2022 гг. количество детей, родившихся вне брака, превысило показатели рождения детей внутри брака в семи государствах членах ЕС (во Франции, Португалии, Болгарии, Словении, Нидерландах, Эстонии и Дании), европейское правительство не имеет специальных мер социально-правового воздействия на динамику заключения и расторжения браков [11, с. 180–183];

– в сфере социальных выплат и субсидий правительство страны-члена ЕС определяет размер таких выплат в соответствии с местом жительства и социальным положением взрослых членов семьи с детьми, в большинстве стран Европы существуют следующие виды социальных выплат: разовые выплаты или пособия по рождению ребенка; разовые выплаты на сборы ребенка в школу; пособия родителям-одиночкам; пособия в связи с утратой кормильца; разовые вознаграждения за усыновление, оформление опеки и попечительства; пенсии детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей;

– главными направлениями семейно-правовой политики ЕС в сфере защиты семей с детьми выступают инициативы по достижению гендерного равенства в семье, образовании и трудовой деятельности, интеграция иммиграционного населения и обеспечение инклюзивности в социальных услугах и образовании [16, с. 34–36].

Обращаясь к современным мерам социальной защиты семей с детьми в праве стран американского континента — США, Мексики и Канады, необходимо отметить, что при изучении данных правовых систем куда целесообразнее было бы обратиться не к источникам правового регулирования семейных от-

ношений в данных странах, а изучить основные стратегические элементы и направления социально-правовой политики этих стран. В частности, можно выделить следующие национальные стратегии и программные документы в качестве системообразующих для семейно-правовой политики указанных стран:

– так, для США роль главного стратегического документа выполняет «Американский семейный план» на 2021–2030 гг. (ориг. англ. «The American Families Plan») [18, с. 264];

– в Канаде наиболее актуальным и новым из стратегических документов выступает проект «Федеральной информационной семейной политики» (ориг. англ. «Federal Family-Formation Policy»), возглавляемый директором семейной программы аналитического центра Cardus П. Дж. Митчеллом;

– в Мексике главным стратегическим документом в сфере социального обеспечения институтов семьи и детства выступает «Национальная система комплексного развития семьи» 2018 г. (ориг. исп. «El Sistema Nacional DIF») [18, с. 264].

Можно отметить следующие черты указанной американской правовой культуры:

– демографическая семейно-правовая политика в США, Канаде и Мексике существенным образом различается и является предметом межгосударственных отношений (так, например, между США и Мексикой существуют напряженные отношения вокруг проблемы незаконной миграции и контрабанды на границе штатов Техас, Нью-Мексико, Аризона и Калифорния), тем не менее, можно выделить общие тенденции в семейно-правовой политике каждой из стран [19, с. 2–24]; так, правительства США и Канады официально не поддерживают политику «стабилизации» или «контроля» численности населения, публичные спикеры США публично выступают против принудительных программ контроля народонаселения; правительство Мексики воспринимает всплески рождаемости среди малоимущих слоев населения как один из основных факторов распространения бедности в регионе, в связи с чем практикует демографическую политику «ограниченного сдерживания» рождаемости популяризацией полового воспитания среди половозрелых подростков, пропаганды контрацепции и осознанного планирования семьи [18, с. 264];

– в большинстве штатов США существует обособленная политика популяризации брака и профилактики разводов (так, например, в штатах Дакота и Теннесси развод возможен только по взаимному согласию супругов во всех случаях), федеральное правительство не проводит централизованную политику в данной сфере, стандартный брачный возраст в США составляет 18 лет, в штатах Небраска и Миссисипи этот возраст повышен — до 19 лет и 21 года соответственно, кроме того, все штаты, за исключением Делавэра, разрешают несовершеннолетним вступать в брак при определенных обстоятельствах, таких как согласие родителей, согласие суда, беременность или сочетание этих ситуаций; в Канаде отсутствует практика системной государственной политики популяризации браков или профилактики разводов, общий возраст вступления в брак также составляет 18 лет, но может быть снижен в случае ранней беременности или института ранней эмансипации (с 16 лет); на фоне демографического всплеска 1990-х — 2000-х гг. правительство Мексики не осуществляет семейно-правовую политику

в сфере популяризации или профилактики разводов, сосредоточившись на повышении сексуального образования молодежи [20, с. 107–108];

– по сравнению с социальными выплатами в ЕС в отношении США, Канады и Мексики справедливы следующие уточнения: в США реализуются аналогичные выплаты, за исключением выплат по рождению ребенка и для сборов в школу, вместо этого в США практикуются налоговые льготы и повышенное пособие по безработице родителям-одиночкам; в Канаде дополнительно выплачиваются государственные стипендии несовершеннолетним; в Мексике не предусмотрены выплаты по рождению ребенка, выплаты на сборы ребенка в школу и вознаграждения за усыновление, оформление опеки и попечительства.

Выделяя особенности азиатского и ближневосточного регионов, можно отметить отсутствие характерной для западных стран четко выстроенной модели стратегического планирования и публичного целеполагания семейной политики. В Азии это связано с культурной и экономической спецификой Китая, Южной Кореи и Японии, правовые системы которых крайне необычны и сложны для описания. В странах Ближнего Востока, таких как Кувейт, Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ, семейная политика остается верна нормам шариата и традиционным патриархальным моделям семьи, т.е. остается в рамках религиозного дискурса.

По мнению В.Ю. Панченко, А.А. Петрова и А.В. Деминина, ввиду того, что в семейных отношениях тесно переплетены моральные, духовные, культурные, экономические, бы-

товые и иные аспекты социальных взаимодействий, в этой области как, наверное, ни в какой другой «важно найти тонкую грань между политико-правовыми ожиданиями и реальными возможностями права». Как пишут авторы, в случаях, когда находящиеся в распоряжении государств правовые средства «оказываются бессильными или недостаточно эффективными, необходимо подключать средства иных видов государственной политики (прежде всего экономической, а также социальной, культурной, идеологической и т.д.)», поскольку право является формой их выражения [12, с. 19–20].

Как правило, традиционные религиозные или патерналистские правовые системы — как в странах Ближнего Востока и Азии соответственно, придерживаются именно такого подхода в обоснование более консервативного и закрытого подхода к публичной правовой политике. Можно предположить, что активная ревизия традиционных представлений о семье и родительских отношениях в патриархальных обществах Азии и Востока, вопреки некоторым поверхностным оценкам и представлениям о мнимой «реставрации» традиционных институтов, свидетельствуют о тенденции к пересмотру и гуманизации правил регулирования семейных отношений и правовых гарантий в отношении уязвимых социальных групп.

С учетом изложенного, к наиболее важным достижениям современного права социального обеспечения в сфере защиты семей с детьми можно отнести закрепление базовых прав ребенка, а также создание системы социальной защиты наиболее уязвимых участников семейных правоотношений.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10.12.1948).
2. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).
4. Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (Принята в г. Нью-Йорке 30.09.1990).
5. Стратегия Совета Европы в поддержку прав ребенка // Официальный правовой портал Совета Европы [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/-/2016-2021-/1680931c99>.
6. The Gender Equality Strategy 2020–2025. Adopted in Brussels, March 5 2020 by the European Commission // Официальный правовой портал Европейской Комиссии [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/just/items/682425/en#:~:text=The%20Gender%20Equality%20Strategy%202020%2D2025%20sets%20out%20key%20actions,in%20all%20EU%20policy%20areas.&text=Striving%20for%20a%20Union%20of,all%20their%20diversity%20%2D%20are%20equal.>
7. Rights, Equality and Citizenship Programme // Официальный правовой портал Европейской Комиссии [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2020-06/db_2021_programme_statement_rights_equality_and_citizenship_programme.pdf.
8. Воробьев Д. И., Григорьянц И. А. Отечественный и зарубежный опыт реализации государственной семейной политики // Гуманитарный научный журнал. 2023. № 1 (1). С. 91–96.
9. Грибовский В. Семейная политика евроскептиков Германии, Австрии и Швейцарии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 3. С. 54–57.
10. Клупт М. А. Теории и практики семейной политики в XX и XXI столетиях // Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 5–22.
11. Мосиенко Т. А., Меркулов М. М. Судебная и административная защита прав детей в России и за рубежом // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 180–183.
12. Панченко В. Ю., Петров А. А., Деминин А. В. Правовая политика: базовый курс. — М.: Инфра-М, 2020. — С. 19–20.
13. Тербежеков К. В. Зарубежный опыт социальной поддержки и защиты семьи // Образование и право. 2023. № 2. С. 352–356.
14. Шпильчак Л. Я. Особенности развития и поведения детей из дистантных семей // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 3–2. С. 277–283.

15. Dimitrova R., Wium N. Handbook of Positive Youth Development: Advancing Research, Policy, and Practice in Global Contexts.— New York City: Springer, 2022.— 679 p.
16. Gibson M. The Emotions of Pride and Shame in Child and Family Social Work.— Bristol: Policy Press, 2020.— 265 p.
17. Nieuwenhuis R., Van Lancker W. The Palgrave Handbook of Family Policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2021.— 718 p.
18. Tarrant A. Fathering and Poverty: Uncovering Men's Participation in Low-Income Family Life.— Bristol: Policy Press, 2021.— 264 p.
19. Trask B. Sh. Family Policy in the U. S.: Some Examples Some Examples // Human Development and Family Studies.— Delaware: University of Delaware, 2020.— P. 2–24.
20. Winton S., Parekh G. Critical Perspectives on Education Policy and Schools, Families, and Communities.— Charlotte: Information Age Publishing, 2020.— 240 p.

Основания прекращения правоотношений в рамках особых завещательных распоряжений

Минигулова Аделина Рустемовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Федерова Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет

В статье автором предпринята попытка исследования вопросов оснований прекращения правоотношений в рамках особых завещательных распоряжений.

Ключевые слова: наследодатель, завещание, особые распоряжения, возникновение правоотношений, прекращение правоотношений, отказополучатель.

Тенденция к увеличению практики применения завещательных распоряжений наблюдается за последние несколько лет в современном обществе. Возникновение правоотношений из особых завещательных распоряжений — случай нередкий, так же как и прекращение этих правоотношений. Анализируемым отношениям присуща причинно-следственная связь, которая зависит от рода отношений, формируемых в результате особых завещательных распоряжений. Основания прекращения таких отношений могут быть разнообразными.

Следует обратить внимание на пример завещательного отказа (ст. 1138 ГК РФ) [2], который может служить доказательством утверждения выше. Имеется в виду ситуация, когда наследодатель в своем завещательном распоряжении просит наследника выполнить определенные имущественные действия в пользу отказополучателя. Объектами такого завещательного отказа могут быть разнообразные вещи: от предоставления услуг и передачи в собственность до денежных выплат.

При принятии наследства наследник формально принимает обязательства по исполнению завещательного отказа. Правоотношения возникают в результате этого факта. Прекращение отношений, связанных с завещательным отказом, произойдет только после полного исполнения наследником своих обязательств. Это обстоятельство обусловлено необходимостью выполнения предписанных завещательным отказом условий, что является основанием для прекращения правоотношений [7, с. 258].

Легатарии, как сторона в правоотношениях с наследниками, требуют особого внимания. Завещательный отказ, содержащий условия и обязательства наследника перед легатарием, является основанием для возникновения этих правоотношений. Длительность таких отношений зависит от условий, установленных в завещательном отказе. В практике встречаются случаи, когда

они имеют продолжительный характер, однако это не является частым явлением. Это обусловлено тем, что наследник должен исполнять свои обязательства, предусмотренные завещательным отказом, в определенный, заранее установленный период времени. В связи с этим возникает важная проблема — необходимость контроля исполнения наследником своих обязательств перед легатарием.

Обозначим, что данное явление представляет собой характерный пример, который требует научного исследования. Речь идет о составлении завещания, в котором указывается, что квартира гражданки должна быть передана ее мужу. В этом же документе прописывается условие, согласно которому муж обязан предоставить возможность проживания в данной квартире 18-летнему племяннику гражданки до тех пор, пока он не достигнет 25 лет. Необходимо отметить, что если у этого племянника появятся дети, также возможно их проживание в этой жилой площади до момента, когда племянник достигнет 25-летия. Таким образом, данные условия предоставляют определенный срок, в течение которого легатарий может владеть и использовать данную собственность, а наследник обязан предоставить ему такую возможность. Данное явление нуждается в подробном исследовании в рамках научного анализа [3, с. 79].

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, прекращение правоотношений, проистекающих из данного завещательного отказа, осуществляется на основании исполнения племянником, достигшим возраста 25 лет, своих обязательств перед отказополучателем. Фактически племянник выполняет данные обязательства перед отказополучателем в полном объеме. Таким образом, между ними существовавшие правоотношения прекращаются в результате должным образом выполненных обязательств, согласно статье 408 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Обязательства, вытекающие из завещательного отказа, имеют незначительный срок исполнения по сравнению с обязательствами, которые продолжают в течение длительного времени. В частности, наследодатель может в своем завещании обязать наследника предоставить отказополучателю пожизненное право на пользование жилым помещением. Однако, прекратить такие правоотношения довольно проблематично. Практически отказополучатель пользуется правом на жилое помещение в течение всего своего срока жизни, согласно завещательному отказу. Завершение этих правоотношений происходит только в случае смерти отказополучателя, при этом права не переходят к другим наследникам. Согласно пункту 2 статьи 418 Гражданского кодекса РФ, основанием прекращения правоотношений является «смерть кредитора, если исполнение предназначено лично для кредитора».

Вопрос прекращения правоотношений между наследником и отказополучателем является важным и длительным. В некоторых случаях стороны приходят к единому мнению о необходимости прекратить данные правоотношения. В настоящее время отсутствуют препятствия для согласованного прекращения этих правоотношений между сторонами. Однако на законодательном уровне нет установленной формы для такого соглашения. Рекомендуем сделать изменения в статье 1138 Гражданского кодекса РФ, включив пункт 3, который бы предусматривал прекращение правоотношений при заключении обоюдной сделки о прекращении прав, вытекающих из отказа от наследства по завещанию. Освещение этой проблемы законодателем будет наиболее целесообразным.

Обязательная нотариальная форма для подобных сделок не предусмотрена законодателем, поэтому достаточно простой письменной формы. Однако, для внесения записи в государственный реестр о прекращении правоотношений по обоюдному согласию необходимо основание в виде соответствующей сделки. Это требуется для отмены права отказополучателя на использование предоставленного наследодателем жилого помещения в случае отказа в пользу наследника по завещательному отказу. Отмена обременения будет осуществляться через его регистрацию на основании сделки, заверенной нотариально или подлежащей государственной регистрации. Вместе с тем, законом не предусмотрена государственная регистрация сделок данного вида, что означает, что это осуществляется только по желанию сторон.

В целях оптимизации законодательства предлагается ввести обязательное нотариальное удостоверение сделки между отказополучателем и наследником. Это позволит основать запись об отмене права пользования жилым помещением отказополучателем в государственном реестре, если такое право было предоставлено ему в соответствии с завещательным отказом.

Важно отметить, что при удостоверении данной сделки нотариус должен осуществить проверку насколько стороны согласились между собой добровольно, а также проинформировать стороны о последствиях, возникающих в связи с этим соглашением. Тем самым будет обеспечена правовая ясность и защита интересов всех сторон в процессе совершения отказа от наследства.

Прекращение правоотношений, возникающих из завещательного отказа, основывается не только на непосредственном

исполнении наследником своих обязательств. В законодательстве прописаны основания, по которым такие правоотношения могут быть прекращены. Если отказополучатель умер до открытия наследства или одновременно с завещателем, то анализируемые правоотношения также прекращаются. Важным моментом является момент смерти, так как согласно статье 1138 Гражданского кодекса Российской Федерации, наследник, обязанный исполнить завещательный отказ, освобождается от этой обязанности.

В юридической литературе данное обстоятельство довольно часто поддается анализу и вызывает противоречия. Согласно мнению некоторых авторов, смерть отказополучателя не является основанием прекращения правоотношений, а юридическим фактом, который препятствует их возникновению.

Различные авторы в юридической литературе часто обращаются к данному вопросу, анализируя его и выражая противоречивые мнения. Существует точка зрения, согласно которой смерть отказополучателя не является основанием для прекращения правоотношений, а скорее является юридическим фактом, который препятствует их возникновению. Это мнение вызывает дискуссии и подвергается анализу в контексте юридических норм и прецедентов. Возникает вопрос о том, какова природа такой смерти и как она влияет на дальнейшие правовые отношения сторон. Важно исследовать возможные последствия данного обстоятельства и рассмотреть примеры из судебной практики, чтобы понять его значение и роль в правовой системе. Такой подход требует глубокого анализа и обязательного привлечения теоретических концепций, статей и исследований, которые помогут уяснить вопрос о влиянии смерти отказополучателя на правоотношения [4, с. 62].

Анализируемые правоотношения могут быть прекращены по разным основаниям в соответствии с действующим законодательством. Одно из таких оснований — отказ легатария от получения завещательного отказа, вызванного определенными обстоятельствами. Ранее проведенный анализ подтверждает, что указанное обстоятельство является логическим основанием для прекращения обязательства по завещательному отказу.

Отказ от наследства считается правоотношением, возникающим только после открытия наследства и если отказополучатель не совершил действий для принятия обязательств. Правоотношения легатария не могут быть отменены до их возникновения, поэтому легатарий не может отказаться от своих прав. Следует отметить, что отказ от получения легата является одним из оснований для прекращения правоотношений. Это указывает на то, что права легатария являются личными до момента принятия завещательного отказа, несмотря на существующее обязательство. Согласно статье 1160 ГК РФ, отказополучатель не имеет возможности передать права получения легата другим лицам.

Одно из оснований, приводящих к прекращению правоотношений, связанных с завещательным отказом, многим известно. А именно, ситуация, когда наследник больше не обязан исполнять условия, установленные в завещательном отказе. В соответствии с пунктом 3 статьи 1138 Гражданского кодекса РФ, такая ситуация возникает в случаях, когда лицо, имеющее право

на получение завещательного отказа, лишено этого права. Закрепление положения о недостойных наследниках имеет место в статье 1117 Гражданского кодекса РФ. Важно отметить, что описанные в данной статье обстоятельства часто возникают после открытия наследства, а не только до его открытия.

В настоящем аспекте исключительно важно отметить тот факт, что в случае, когда обусловленные законодательством условия возникают до времени открытия наследства, они ни в коей мере не являются основанием для прекращения правовых отношений и препятствующим фактом. Это обосновывается тем, что правовые отношения в отношении отказа от наследства не могут возникнуть в силу наличия имеющихся препятствий. Что касается препятствующего факта, то им будет являться ситуация, когда условия, регламентированные законодателем, возникают после открытия наследства. Важно подчеркнуть, что такое положение также должно иметь место до принятия наследниками данного наследства [6, с. 275].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. № 238–239.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Российская газета. 28.11.2001. № 233.
3. Ананьева Е. О., Бондаренко И. В. Завещательный отказ и завещательное возложение: проблемы правоприменения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 10–7(78). С. 79–81.
4. Аскарлов А. З. Завещательный отказ в российском гражданском праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10–2 (49). С. 62–64.
5. Демина И. А., Омельченко Е. С. Завещательный отказ в наследственном праве: теория, практика и проблемы применения // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 1 (25).
6. Евпринцев И. С. Правовая природа института недостойных наследников // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 1–2. С. 275–280.
7. Тужилова-Орданская Е. М. Проблемы применения завещательного отказа в наследственном праве России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 7(58). С. 258–259.

Лесной участок как объект гражданских прав

Михайлова Наталья Васильевна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье автор исследует особенности правового режима лесных участков в гражданском обороте.

Ключевые слова: лесной участок, земельный участок, гражданский оборот, права пользования.

Российская Федерация является мировым лидером по площади лесов и лесные участки активно используются в гражданском обороте.

По своей природе лесной участок — это земельный участок, который расположен в границах лесничеств и образован в соответствии с требованиями земельного законодательства и Лесного кодекса Российской Федерации (ст. 7 ЛК РФ).

Однако лесной участок имеет ряд отличий от земельного участка. Лесные участки в обязательном порядке подлежат лесоустройству (ст. ст. 67, 23 ЛК РФ) и проектирование таких участков происходит с составлением специального установлен-

Признание участника правоотношений недостойным представляет собой сложность в правоприменительной практике, несмотря на то что законодатель в общих чертах определил круг лиц, попадающих под эту категорию. Такие трудности могут препятствовать выполнению обязательств, возникающих из отказа от наследства по завещанию, а также могут влиять на возникновение самих правоотношений. В связи с этим, необходимо усовершенствование норм, касающихся наследования. Один из возможных путей улучшения ситуации заключается в закреплении законодателем положений о толковании действий и бездействий недостойных наследников, с учетом правоприменительной практики. Проведенный анализ показывает наличие определенных пробелов в законодательстве, регулирующем особые завещательные распоряжения и вопросы прекращения правоотношений. В связи с этим возникает необходимость проведения более подробного анализа проблематики и дальнейшего совершенствования законодательства.

ного для лесных земель документа — проектной документации на лесной участок (ст. 70.1 ЛК РФ).

Лесной участок, как объект гражданских прав является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить его в качестве индивидуально определенной вещи. В соответствии с ч. 2 ст. 72 ЛК РФ объектом права могут быть только лесные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и прошедшие государственный учет. Но есть ряд исключений, предусмотренных федеральным законом от 16.06.2023 № 248-ФЗ, согласно ст. 4.8 которого до

1 января 2026 года допускается предоставление юридическим лицам в аренду частей лесных участков в составе земель лесного фонда без проведения государственного кадастрового учета, для целей осуществления геологического изучения недр, разведки и добычи полезных ископаемых, размещения линейных объектов, их неотъемлемых технологических частей использования лесов для выполнения работ по геологическому изучению недр, разработки месторождений полезных ископаемых на срок до 1 года.

Однако, для гражданского права основное значение имеет не физические свойства различных объектов гражданского оборота, а правовой режим, который определяет возможность или невозможность совершения с объектами гражданских прав определенных действий (сделок), ведущие к определенному юридическому результату [7, с. 298].

Правовой режим лесных участков может определяться как межотраслевой институт, который регулируется нормами различных отраслей права, как гражданско-правовой институт либо как объект правоотношений [5, с. 54].

Имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков, регулируются гражданским законодательством, Земельным кодексом Российской Федерации, если иное не установлено Лесным кодексом Российской Федерации (ст. 3 ЛК РФ).

Лесные участки находятся в собственности Российской Федерации (ст. 8 ЛК РФ), относятся к землям, ограниченным в обороте, и не могут быть предоставлены в частную собственность (ч. 2 ст. 27 ЗК РФ). Однако, в соответствии со ст. 9 ЛК РФ, лесные участки могут быть предоставлены в пользование юридическим лицам в постоянное (бессрочное) пользование, аренду, безвозмездное пользование, гражданам — в аренду, безвозмездное пользование. Так же на лесные участки может быть установлен сервитут, публичный сервитут. Предоставление лесов в пользование органам государственной власти, органам местного самоуправления недопустимо (ч. 10 ст. 1 ЛК РФ).

Определение границ свободы пользования лесными участками и природными объектами имеет свои специфические особенности и зависит от субъективного состава отношений [8, с. 115]. Пределы хозяйственной свободы владения и пользования землей и иными природными ресурсами, к которым относятся и лесные участки, закреплены в ст. 36 Конституции Российской Федерации — пользователи обязаны выбирать методы фактического использования природных ресурсов так, чтобы не наносить ущерб окружающей среде и не нарушать

права и законные интересы иных лиц. Использование лесного участка должно строиться на понятии отношения к природным ресурсам, как к основе жизни и деятельности народов, проживающих на конкретной территории.

Оборотоспособность лесного участка зависит от формы собственности, категории защитности лесного участка, возможного вида пользования [1, с. 54].

Виды пользования лесными участками определены ст. 25 Лесного кодекса Российской Федерации, а ряд подзаконных нормативно-правовых актов — правил использования лесов для конкретного вида пользования лесами — определяют вероятный вид субъективного права, основания, порядок приобретения и прекращения прав на конкретный лесной участок, а так же форму и направление контроля со стороны государства [3, с. 1188].

Еще одной отличительной чертой лесного участка от земельного участка является возможность передачи одного и того же лесного участка в пользование одному, либо разным лицам для различных целей на принципе многоцелевого, рационального, непрерывного использования (п. 4 ст. 1 ЛК РФ, ч. 1 ст. 25 ЛК РФ), а как следствие двойная аренда лесного участка. Однако данная норма закона до сих пор вызывает споры между органами государственной регистрации прав и органами государственной власти, исполняющими полномочия Российской Федерации в области лесных отношений.

Лесной кодекс Российской Федерации не устанавливает особого регулирования перехода прав и обязанностей арендатора лесного участка, за исключением запрета на сдачу лесного участка в субаренду, а так же передачу прав и обязанностей по договорам аренды лесных участков, заключенных для заготовки древесины (ч. 6 ст. 71 ЛК РФ). В связи с чем, при урегулировании данного вопроса применяется положение об аренде, предусмотренное п. 2 ст. 615 ГК РФ, согласно которого для цессии требуется согласие арендатора.

Таким образом, учитывая важную многофункциональную роль лесов и их большую значимость для общества в целом, при определении правового положения лесного участка основными являются нормы лесного и земельного права, а нормы гражданского права выступают как дополнительные нормы регулирования гражданских отношений.

Понятие «лесной участок» в системе гражданских прав в Российской Федерации не имеет четного определения, а правовые механизмы регулирования гражданского оборота лесных участков нуждаются в развитии и совершенствовании.

Литература:

1. Андреева Г.Н. Объекты права собственности в конституциях зарубежных стран: ретроспективный взгляд // Конституционное и муниципальное право, 2012. № 1, 2.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 16.05.2023).
3. Гринь Е. А., Сиденко А. А. Процедура проведения аукциона по предоставлению лесных участков в аренду // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2015. № 109. С. 1181–1190.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44.
5. Зырянов, А. И. Понятие правового режима земельного участка как объекта права собственности граждан // Юридическая наука. — 2016. — С. 51–57.

6. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 50.
7. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I./ Отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2011. — 958 с.
8. Рудчик А. А., Гринь Е. А. Источники экологического права: сложности применения на практике // В сборнике: Право: современные тенденции. Материалы III Международной научной конференции. Краснодар, 2016. — С. 114–117.
9. Федеральный закон от 16.06.2023 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 25.

Место понятых в современном уголовном процессе России

Морозов Денис Сергеевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье автором современная потребность привлечения в рамках в уголовно-процессуальной деятельности понятых.

Ключевые слова: иные участники уголовного судопроизводства, понятые, следственные действия, следователь.

Необходимость привлечения к современному уголовному процессу понятых объясняется неспособностью дознания и следствия установить объективную истину по уголовному делу: «В современный период с учетом состояния нашего следствия, дознания и правосудия, которые еще далеки до идеального, рано отказываться от института понятых. Нарушений в ходе следствия допускается немало. Поэтому речь должна идти не об упразднении института понятых, а о его совершенствовании» [1, с. 53].

В сохранившуюся систему оснований привлечения к участию в уголовном процессе понятых внесены значительные изменения Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [5]. Теперь группу обязательных оснований привлечения понятых составляют производство обыска (ч. 10 ст. 182 УПК РФ), личного обыска (ч. 3 ст. 184 УПК РФ), предъявления для опознания (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). По усмотрению следователя понятые привлекаются к участию в следующих следственных действиях:

- наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ);
- осмотр (ст. 177 УПК РФ);
- осмотр трупа и эксгумация (ст. 178 УПК РФ);
- следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ);
- выемка (ст. 183 УПК РФ);
- осмотр, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений (ч. 5 ст. 185 УПК РФ);
- осмотр и прослушивание фонограммы (ч. 7 ст. 186 УПК РФ);
- проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ) [4].

В труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, следственные действия, обязательность участия понятых в которых определяется законом, могут производиться без них, о чем в протоколе следственного действия делается соответствующая запись. При отсутствии в следственном

действии понятых в обязательном порядке используются технические средства фиксации его хода и результатов, а при невозможности их использования — следователь делает в протоколе соответствующую запись [3, с. 140].

Привлечение к участию понятых осуществляется при соблюдении ограничений. Так, лицо не допускается к уголовному судопроизводству в качестве понятого, если оно:

- не достигло совершеннолетия;
- является действующим участником уголовного судопроизводства, его близким родственником и родственником;
- несёт службу в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и (или) предварительное расследование (ч. 2 ст. 60 УПК РФ).

Участие лица в уголовном процессе в статусе понятого не следует трактовать в качестве формы общественного контроля за законностью производства следственных действий, т.к. случайные люди из общества не могут быть его представителями. Сохранение в тексте действующей редакции УПК РФ института понятых, как пишут В. А. Семенцов и А. Р. Белкин, расценивается как форма недоверия объективности следователя [2, с. 453]. Впрочем, наблюдается постепенное вытеснение участия понятых техническими средствами фиксации хода и результатов следственных действий, что объясняется следующим:

Во-первых, активным научно-техническим развитием средств фиксации хода и результатов следственных действий, что более приемлемо для целей подтверждения законности и объективности проведенного следственного действия, а также воспроизведения на последующих этапах расследования.

Во-вторых, временными издержками, требуемыми для поиска подходящих лиц.

В-третьих, низкой вовлеченностью понятых в следственные действия. Как правило, постороннее лицо, вовлеченное в процесс в качестве понятого, относится к своим процессуальным правам и обязанностям формально, удостоверяя своей подписью любое следственное действие. Такой понятой губит важный аспект процессуального доказывания — этап фикс-

сации доказательств, позволяя использовать свою процессуальную фигуру не в целях содействия в поиске объективной истины, а реализации внутриведомственных интересов следственного органа, проецируемого через следователя.

Таким образом, привлечение понятых в производство следственных действий определяется законодательной необходимостью сторонней проверки соблюдения законности и обоснованности следователем, производящим следственные действия. На сегодняшний день определяются обязательные и факультативные случаи привлечения к производству след-

ственных действий понятых: при производстве обыска, личного обыска, предъявления для опознания их участие является обязательным; по иным следственным действиям следователь самостоятельно принимает решение о привлечении понятых. На фоне незаинтересованности и слабой гражданской позиции граждане РФ избегают оказания содействия уголовному судопроизводству в роли понятого, что служит основанием для научного обоснования о вымещении института понятых обязательностью использования технических средств фиксации хода и результатов по всем следственным действиям.

Литература:

1. Багаутдинов Ф. Н. Институт понятых: совершенствовать, а не упразднить // Законность. 2012. № 4. С. 50–53.
2. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. 226 с.
3. Никулина В. В. Роль института понятых в уголовном процессе России // Молодой ученый. 2020. № 40 (330). С. 139–141.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства РФ. № 52. 24.12.2001. ст. 4921.
5. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.06.2001. № 23. ст. 2291.

Развитие мошенничества как одного из видов преступления общеуголовной направленности на территории РФ с 2019 по 2023 год

Мубаракова Елизавета Николаевна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье рассматривается мошенничество как уголовно наказуемое деяние, занимающее высокое место среди преступлений общеуголовной направленности. Число преступлений, связанных с мошенническими действиями, значительно возросло за последние несколько лет. В связи с этим органам внутренних дел Российской Федерации необходимо обратить особое внимание на данную категорию дел.

Ключевые слова: мошенничество, преступность, информационно-телекоммуникационные технологии, правоохранительные органы.

В настоящее время мошенничество является одним из самых распространенных видов преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации. С каждым годом количество преступлений, связанных с совершением мошеннических действий, растет, а раскрываемость данного вида преступлений остается на низком уровне. В связи с этим можно сказать, что данная тема в настоящее время является актуальной.

Так что же такое мошенничество? Согласно ч. 1 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 года, под мошенничеством принято понимать хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Преступления в сфере мошенничества отличаются большим многообразием, адаптивностью, динамизмом и способностью к модернизации в зависимости от сферы проникновения. Среди способов хищения по размеру ущерба, причиненного личности, обществу и государству в нашей стране, а также во всем мире, мошенничество занимает лидирующую позицию.

Согласно статистических данных МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» о состоянии преступности в России за три года установлено, что: больше половины всех зарегистрированных преступлений (55,3%) за 2020 год составляют хищения чужого имущества, из которых 30,5% совершены путем мошенничества (335 631), что на 30,5% выше, чем за 2019 год. Раскрыто 67 476, что на 4,8% выше предыдущего отчетного периода. Преступления, совершенные путем мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, составляют 210 493, что на 75,6% выше, чем за аналогичный отчетный период за 2019 год. Практически все такие преступления (209 809) выявляются органами внутренних дел.

Темп роста зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, замедлился. По итогам 12 месяцев 2021 года их количество выросло незначительно — на 1,4%.

За 2021 год больше половины преступлений, также 55,3% составляют хищения чужого имущества, из которых кражи, совершенные путем мошенничества, составляют 31,7% (339 606) что на 1,2% выше, чем за 2020 год. Раскрыто 66 690 преступлений, что на 1,2% ниже прошлого отчетного периода. Преступления, связанных с мошенничеством, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации составляют 249 249, что на 5,1% выше чем за аналогичный отчетный период за 2020 год. Практически все такие преступления (248 497) выявляются органами внутренних дел.

За 2022 год больше половины всех зарегистрированных преступлений (54,6%) составляют хищения чужого имущества, из них совершенные путём мошенничества составляют 343 085, что на 1,0% выше отчетного периода за 2021 год. Раскрыто 70 035 преступлений, что на 5% выше аналогичного прошлого отчетного периода. Преступлений, связанных с мошенничеством, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации зарегистрировано 522,1 тысяча, что на 0,8% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Практически все такие преступления 98,7% выявляются органами внутренних дел.

За январь — сентябрь 2023 года так же больше половины всех зарегистрированных преступлений (53,1%) составляют хищения чужого имущества, из них совершенные путём мошенничества составляют 319 445, что на 27,4% выше аналогичного отчетного периода за 2022 год. Раскрыто 59 962 преступления, что на 7,9% выше аналогичного прошлого отчетного периода. Преступлений, связанных с мошенничеством, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации зарегистрировано 489 044, что на 29,2% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25,3% в январе — сентябре 2022 года до 33,3%. Практически все такие преступления 98,8% выявляются органами внутренних дел.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, №25, ст. 2954, «Российская газета», №113, 18.06.1996, №114, 19.06.1996, №115, 20.06.1996, №118, 25.06.1996.
2. Благодатин А. Б. Уголовное право РФ / А. Б. Благодатин // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 6 (15). с. 327.
3. mvd.ru — архив состояния преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://mvd.ru/reports/item/42989123/>
4. Новоселов Г. П. Алгоритм уголовно-правовой квалификации преступления / Г. П. Новоселов // Вятский государственный университет. 2017. С. 221.

Принимая во внимание высокую латентность мошеннических посягательств, специфические личностные характеристики преступников и потерпевших, увеличение количества преступлений, совершенных организованными преступными группами, использование преступниками новых, все более изощренных способов обмана и тщательной разработкой мер по противодействию разоблачения и привлечению к уголовной ответственности, значительный материальный ущерб от этих преступлений, следует констатировать, что предпринимаемые правоохранительными органами меры по их раскрытию и расследованию нельзя признать удовлетворительными.

В этих условиях своевременное выявление, раскрытие и расследование мошенничества требуют применения адекватных профессиональных мер всеми службами и подразделениями органов внутренних дел, а также обуславливают необходимость отнесения борьбы с мошенничеством к приоритетным направлениям деятельности оперативных аппаратов и следственных подразделений.

В последние годы и в теории оперативно-розыскной деятельности активно разрабатывается проблема оперативно-розыскного обеспечения расследования отдельных видов преступлений как организационно-тактического комплекса оперативных мер, направленных на создание оптимальных условий, способствующих решению задач уголовного судопроизводства: Э. И. Бордиловский, А. И. Глушков, С. Н. Иванов, И. А. Климов, Г. К. Синилов и др., в том числе и по делам о мошеннических посягательствах на различные формы собственности: А. М. Абрамов, Я. В. Литвинов и др.

Отмечая несомненную полезность исследований названных авторов, необходимо констатировать, что они далеко не полностью исчерпали все важные аспекты данной проблематики. Кроме того, по отдельным позициям их рекомендации устарели и нуждаются в корректировке. Наряду с этим, деятельность по раскрытию и расследованию мошенничества непрерывно обогащается практическим опытом, который все глубже раскрывает все стороны методики расследования, нуждающиеся в теоретическом осмыслении и освещении.

Профилактика мошенничества в органах внутренних дел Российской Федерации

Мубаракова Елизавета Николаевна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В данной статье рассматриваются профилактические мероприятия по предупреждению мошенничества. Дается определение понятия «мошенничество». Уделяется внимание деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению мошенничества.

Ключевые слова: мошенничество, мошеннические действия, профилактика мошенничества, информационно-телекоммуникационные технологии, правоохранительные органы, органы внутренних дел.

Преступность на территории Российской Федерации продолжает активно развиваться. Несмотря на то, что, согласно краткой характеристики состояния преступности в России за январь — сентябрь 2023 года статистических данных МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» зарегистрировано 14704449 преступлений, что на 1,8% меньше, чем заре-

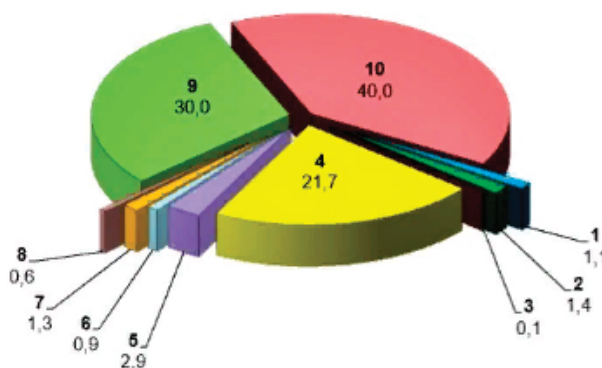
гистрированных преступлений за отчетный период в 2022 году. Общее число зарегистрированных преступлений превышает 14 млн 92,7% зарегистрированных преступлений выявляется сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации.

Ниже расположена круговая диаграмма состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2023 года.

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ (в %)

январь - сентябрь

- 1 - взяточничество
- 2 - убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование
- 3 - хулиганство
- 4 - мошенничества ст. 159-159.6 УК РФ
- 5 - управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость
- 6 - нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств
- 7 - грабеж, разбой
- 8 - присвоение или растрата
- 9 - кража
- 10 - прочие

Согласно данной диаграммы большую часть совершенных преступлений за указанный период времени составляют преступления против собственности, из которых 30% это преступления, предусмотренные ст. 158 УК РФ, то есть кража;

21,7% это преступления, предусмотренные с. 159–159.6 УК РФ, то есть мошенничества. Всего за январь — сентябрь 2023 года зарегистрировано 319445 преступлений, связанных с мошенничеством.

Так что же такое мошенничество? Понятие мошенничества закреплено в ч. 1 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 года. Так, мошенничеством признается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Не для кого не секрет, что XXI век является веком информационный технологий. Учитывая это, каждое третье преступление совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В данной сфере на территории РФ зарегистрировано 489044 преступления, это на 29,2% преступлений больше, чем в отчетный период прошлого года. Большинство преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий совершены с использованием или применением сети «Интернет», их количество составило 377608 преступлений, и средств мобильной связи, их количество составило 220258 преступлений. Если рассматривать вопрос использования информационно-телекоммуникационных технологий в мошенничестве, то число преступлений с их использованием составляет 258373, что на 40,3% выше, чем в январе — сентябре 2022 года. Таким образом, 80,9% мошенничеств на территории РФ в период с января по сентябрь 2023 года совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Учитывая вышеизложенное, в настоящее время существует великое множество видов мошенничества в сети «Интернет». К ним могут относиться многочисленное количество сайтов-клонов различных интернет — площадок, реализующих продажу товаров и услуг, кроме того, часто встречаются различные акции и лотереи, которые привлекают граждан высокими скидками и невысокими ценами на ту или иную услугу или товар. Все это мошенники используют при помощи сети «Интернет».

Наиболее распространенным способом пресечения преступлений, связанных с мошенничеством, является их предупреждение. Так, основным методом борьбы с мошенничеством является профилактика.

Профилактические мероприятия, направленные на предупреждение мошенничества, проводятся различными организациями. К ним относятся банки, компании, предоставляющие услуги сотовых связей, образовательные учреждения, общественные объединения и организации и т.д. Также проведение профилактических мероприятий не обошло стороной и правоохранительные органы.

Так, например, на территории Свердловской области ежедневно сотрудниками органов внутренних дел РФ проводятся

профилактические мероприятия «Осторожно, мошенники!». Одним из направлений является проведение разъяснительных и тематических бесед с гражданами, коллективами организаций о том, как не быть обманутым мошенниками. Кроме того, каждому гражданину выдается памятка «Осторожно, мошенники!».

В сети «Интернет» на официальных источниках Министерства внутренних дел Российской Федерации в разделе «Для граждан», либо «Дополнительные страницы», выкладываются информативные видеоролики о том, как защитить себя от мошенников, и что необходимо делать, если все же вы стали жертвой мошенников. Данные разделы Интернет-ресурсов регулярно обновляются, добавляются новые способы мошенничества, а также основные способы и рекомендации по их предупреждению.

Подобные профилактические мероприятия проводятся сотрудниками органов внутренних дел на территории всей Российской Федерации. Целью данных мероприятий является предупреждение мошенничества, привлечение внимания граждан к проблемам, связанным с мошенническими действиями. Ведь для того, чтобы не стать жертвой мошенничества, необходимо знать о видах мошенничества и алгоритме действия мошенников.

Большую часть профилактических бесед проводят участковые уполномоченные полиции, а также сотрудники уголовного розыска, так как именно они ведут непосредственную ежедневную работу с населением. Во время проведения данных бесед сотрудники полиции информируют граждан об основных способах мошенничества реализующихся на территории РФ, а также рассказывают о мерах предосторожности и недопущения совершения в отношении них мошеннических действий как контактных, так и бесконтактным, связанных с использованием сети «Интернет» либо средств мобильной связи. Кроме того, участковые уполномоченные полиции распространяют памятки «Осторожно, мошенники» на своих административных участках, а также в местах массового скопления граждан, таких как магазины, торговые центры, отделения почты, места общепита, входные группы в организации.

Несмотря на профилактические мероприятия, проводимые сотрудниками органов внутренних дел, число преступлений, связанных с мошенничеством, продолжают расти. В связи с этим необходимо усилить взаимодействие правоохранительных органов с банковскими учреждениями, компаниями, связанными с оказанием услуг сотовой связи, интернет-платформами, реализующими платежные системы.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N25, ст. 2954, «Российская газета», N113, 18.06.1996, N114, 19.06.1996, N115, 20.06.1996, N118, 25.06.1996.
2. Биликтуев А. В. О способах совершения мошенничеств с использованием средств мобильной связи и возможностях их профилактики // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (5). с. 30–36.
3. Министерство внутренних дел Российской Федерации — архив состояния преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/reports/item/42989123/>
4. Главное управление МВД России по Свердловской области [Электронный ресурс] URL: <https://66.мвд.рф/осторожно-мошенники-видеоролики>.

5. Управление МВД России по г. Екатеринбург [Электронный ресурс] URL: <https://екб.66.мвд.рф/для-граждан/профилактика-мошенничества>.

Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: некоторые вопросы совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики

Мыдыгмаева Бутит Зоригтуевна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В данной статье затронуты актуальные вопросы уголовного производства в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ), выявлены имеющиеся пробелы и несовершенства правового регулирования, сформулированы соответствующие рекомендации и предложения.

Ключевые слова: производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, порядок возбуждения уголовного дела в отношении лиц, обладающих особым статусом, член территориальной избирательной комиссии, депутат, следователь, статус судьи.

Напомним, что главой 52 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) [1] урегулированы особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, которые касаются порядка возбуждения уголовного дела, задержания, предъявления обвинения, избрания меры пресечения, а также проведения отдельных следственных действий.

Особенность уголовного производства в отношении указанных лиц обусловлен их особым процессуальным статусом, который складывается из характера выполняемых ими обязанностей и значения их деятельности для общества. В одном из определений Конституционного суда указано: «...нормы главы 52 УПК Российской Федерации в целом... предусматривает специальный — усложненный — порядок возбуждения уголовных дел и производства по ним в отношении указанной категории лиц, предоставляющий им дополнительные процессуальные гарантии, которые, не исключая уголовную ответственность за совершенные преступления, посредством определенного усложнения процедур уголовного преследования обеспечивают их защиту при осуществлении публичных профессиональных обязанностей» [2].

Несмотря на то, что применение данных норм является нередким, на практике зачастую органами предварительного расследования допускаются ошибки при расследовании уголовного дела в отношении лиц, относящихся к отдельной категории.

Так, частой ошибкой органов предварительного расследования является неполное установление анкетных данных подозреваемого лица, которые могут свидетельствовать о наличии у него особого статуса. На практике встречаются случаи, когда лица имеющий особый статус (а именно, депутаты органов местного самоуправления, члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса) не сообщают о своем статусе, в связи с тем, что не придают этому значения или намеренно скрывают. Например, в одном из районов За-

байкальского края стороной защиты в ходе рассмотрения уголовного дела в отношении гражданина N. по ч. 2 ст. 228 УК РФ, расследованного в общем порядке, указано о наличии у подсудимого особого статуса, в связи с занимаемой должностью депутата совета сельского поселения, при этом в ходе предварительного расследования об этом не упоминалось, соответствующих сведений в деле нет, для выяснения обстоятельств судебное заседание отложено. По результатам запросов установлено, что подсудимый ранее, действительно, являлся депутатом сельского поселения, однако, как на момент совершения преступления и возбуждения уголовного дела, так и на момент рассмотрения дела в суде, данный статус им был утрачен, в связи с чем нарушений уголовно-процессуального законодательства не установлено, судом вынесен обвинительный приговор.

Следовательно, дабы избежать нарушения норм и правил расследования уголовного дела, а также затягивания судебных процессов, органам предварительного расследования необходимо уточнять у подозреваемых о наличии или отсутствия особого статуса, кроме того, подтверждать данные путем осуществления запросов в соответствующие органы по месту постоянного жительства с приложением соответствующих справок в материалы уголовного дела. Кроме того, на постоянной основе иметь актуальный список всех лиц, обладающих особым статусом на поднадзорной территории.

Также затруднения вызывают случаи, когда совершенное специальным субъектом преступление выявляется уже после снятия особого статуса, но преступление совершено в период занятия особого статуса и связано с выполнением им соответствующих обязанностей по этой должности. В данном случае, полагается, правильно соблюдать требования гл. 52 УПК, чтобы обеспечить права указанных лиц.

Однако на практике встречаются и обратные случаи, к примеру, следователь СК одного из районов Республики Татарстан расследовал уголовное дело по факту мошенничества, в котором имелись данные о причастности к совершению преступ-

ления депутата местного сельского поселения М. Следователь СК пригласил М. к себе, рассказал ему о расследовании уголовного дела и о том, что он подозревается в участии в совершении мошенничества, после чего посоветовал М. написать в Совет сельского поселения заявление о добровольном сложении полномочий депутата. В последствии гражданин М. согласился, написал и отнес в Совет требуемое заявление. Следователь задержал М., вынес постановление о привлечении Ш. в качестве обвиняемого, допросил и обратился в суд для избрания меры пресечения М. в виде домашнего ареста. Суд, не разобравшись, избрал такую меру пресечения. При этом заявление М. о сложении депутатских полномочий Советом не было рассмотрено, соответствующее решение не вынесено. Более того, гражданин М. через некоторое время передумал и отозвал свое заявление, остался в статусе депутата. Соответственно, нарушены требования уголовно-процессуального законодательства, в конечном итоге расследование уголовного дела закончилось ничем — состава преступления в действиях М. не было усмотрено.

Таким образом, указанные обстоятельства требуют от надзирающих прокуроров принятия исчерпывающих мер для выявления лиц, имеющих особый статус, и обеспечения производства по таким делам в соответствии с требованиями гл. 52 УПК РФ.

Помимо этого, интересными представляются предложения по передаче определенных категорий дел для проведения предварительного следствия прокуратуре. Например, такие рекомендации высказывались Федеральной палатой адвокатов на рабочем совещании Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, которое состоялось 25 сентября 2017 года, на котором было предложено закрепить в ст. 37 УПК РФ право прокурора на возбуждение уголовных дел по определенным категориям преступлений и в отношении определенных категорий лиц. К таким категориям преступлений отнесены: совершенных

в отношении несовершеннолетних и иных социально незащищенных групп граждан; в сфере предпринимательской деятельности; совершенных в отношении неопределенного круга лиц; а также, совершенные специальными субъектами. Кроме того, отмечена необходимость создания нового института специального прокурора, избираемого из числа авторитетных представителей юридического сообщества и наделяемого особыми полномочиями, обеспечивающими его полную независимость и широкие права в проведении полномасштабных расследований по обстоятельствам, получившим особый резонанс в обществе, имеющим политическую окраску, и в отношении ряда высших должностных лиц [3].

Исходя из ст. 2 Федерального закона «О прокуратуре РФ» основной функцией органов прокуратуры является осуществление надзора за исполнением законов, и соблюдением прав и свобод человека и гражданина различными органами и организациями, в том числе и органами предварительного расследования. В случае надления органов прокуратуры правом на возбуждение уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц, возникает вопрос, а кем будет осуществляться надзор за ходом предварительного расследования? Означает ли это возвращение к истокам, к временам, когда следственный комитет существовал при органах прокуратуры? Будет ли это целесообразным с учетом нагрузки органов прокуратуры? Вопрос остается открытым...

Учитывая вышеизложенное, можно отметить, что усложнение процессуальной формы при производстве по уголовным делам в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом, является достаточно комплексным правовым явлением, которое требует более тщательного исследования. Однако несомненным остается тот факт, что наличие данного института в УПК РФ позволяет рассматривать уголовные дела в отношении специальных субъектов, на более высоком профессиональном уровне и обеспечивать соблюдение прав таких лиц.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // СПС «Консультант-Плюс»;
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2012 г. №581-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бакаева Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 части первой статьи 448
3. Больше прав прокуратуре // Адвокатская газета. 2017. 25 сентября.

Особенности содержания договора по российскому и зарубежному законодательству

Нагапетян Мария Аветесовна, студент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Целью данной научной статьи является анализ и сравнение особенностей содержания договоров согласно российскому и зарубежному законодательству. Договоры являются важным инструментом в сфере юриспруденции и международных отношений, и понимание различий между правовыми системами может содействовать успешному ведению бизнеса и разрешению споров. В статье

рассматриваются такие аспекты, как форма договоров, их содержание, обязательные и дополнительные условия, а также процедуры и механизмы исполнения.

Ключевые слова: договоры, зарубежное законодательство о договорах, форма договоров, содержание договоров, механизмы исполнения договоров, обязательные условия договора, дополнительные условия договора, российское законодательство о договорах.

Features of the content of the treaty on Russian and foreign legislation

Nagapetian Maria Avetisovna, student
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

The purpose of this scientific article is to analyze and compare the features of the content of treaties according to Russian and foreign legislation. Treaties are an important tool in the field of jurisprudence and international relations, and understanding the differences between legal systems can facilitate successful business and dispute resolution. The article deals with such aspects as the form of contracts, their content, mandatory and additional conditions, as well as procedures and mechanisms of execution.

Keywords: contracts, foreign legislation on contracts, form of contracts, content of contracts, mechanisms of execution of contracts, obligatory terms of contract, additional conditions of contract, Russian legislation on contracts.

Цель исследования: выявление проблемных аспектов особенностей содержания договора по российскому и зарубежному законодательству.

Научная новизна — исследование объединяет анализ правовых аспектов содержания договоров с их деловой значимостью, что помогает более полно осознать практические последствия для бизнеса и торговых отношений. Результаты данного исследования могут быть использованы как для улучшения деловой практики в международных сделках, так и для разработки рекомендаций и стратегий по соблюдению законодательства в различных юридических системах. Учитывая изменчивость юридических систем и регулятивных требований, исследование предоставляет актуальную информацию и анализ на момент своего создания, что помогает академическому и деловому сообществу оставаться в курсе последних изменений и трендов в данной области.

В результате исследования — выявлены проблемы различного содержания договора по российскому и зарубежному законодательству. Проведена правовая оценка актуального законодательства в сфере договорного регулирования.

Особенности содержания договора по российскому и зарубежному законодательству

Договоры представляют собой юридически значимые соглашения, которые регулируют отношения между сторонами и обязывают их выполнять определенные действия или предоставить определенные услуги. В данной статье мы проведем сравнительный анализ особенностей содержания договоров в российском и зарубежных правовых системах, выявив ключевые различия и сходства.

Исторический контекст развития принципа свободы договора тесно связан с эволюцией экономических отношений в определенной стране в определенный исторический период. В зависимости от характеристик экономической системы, понимание и закрепление данного принципа в нормативных актах могут различаться [3].

Одним из первых аспектов, на который следует обратить внимание, является форма договоров. В российском праве дей-

ствует принцип свободы договора, что означает, что договор может быть заключен в любой форме, если иное не установлено законом. Зарубежные правовые системы, напротив, могут иметь более жесткие требования к форме договора, например, требование письменной формы.

Содержание договоров в российском законодательстве подвергается общим нормам о добросовестности и справедливости, а также основным принципам гражданского права. В зарубежных системах права часто существуют более детализированные законы, регулирующие содержание договоров. Например, в США распространено использование образцовых договоров и стандартных условий, что может ограничивать возможности сторон в изменении условий договора [4].

В российском праве существует принцип обязательных и дополнительных условий. Обязательные условия, такие как указание сторон и предмета договора, являются обязательными для заключения договора. Дополнительные условия, такие как сроки и цена, могут быть согласованы сторонами. В зарубежных правовых системах также существует разделение на обязательные и дополнительные условия, однако их содержание и степень детализации могут различаться.

Исполнение договоров также подвергается различным правилам и процедурам в российском и зарубежных правовых системах. В российском праве исполнение договора может быть осуществлено по общим правилам гражданского законодательства [1]. В зарубежных системах существуют более сложные механизмы, такие как арбитражные суды и альтернативные методы разрешения споров.

В Соединенных Штатах Америки принцип свободы договора имеет значительное историческое значение и является одним из фундаментальных принципов американской юридической системы. Этот принцип связан с эволюцией экономических и общественных отношений в США на протяжении всей истории страны.

Принцип свободы договора в контексте США подразумевает, что стороны имеют право заключать соглашения (договоры) на условиях, которые они считают наиболее выгодными, и в рамках закона. Государство ограничивает эти права только

в случаях, когда договор нарушает общественный порядок, государственный закон или иные общественные интересы.

Важно отметить, что американская система правоприменения имеет значительную юридическую автономию. Это означает, что каждый штат имеет свой собственный набор законов и прецедентов, что может привести к некоторым различиям в интерпретации и применении принципа свободы договора.

Принцип свободы договора в США также тесно связан с концепцией добросовестности и справедливости в договорных отношениях. Это означает, что договор должен быть заключен добросовестно, а его условия не должны быть недобросовестными или несправедливыми [5].

Кроме того, США имеют развитую систему альтернативных методов разрешения споров, таких как арбитраж, что позволяет сторонам находить внесудебные способы разрешения конфликтов в рамках заключенных договоров.

В целом, принцип свободы договора в США является важной составной частью американской юридической культуры, и он

продолжает оставаться ключевым элементом в сфере бизнеса и торговли в стране.

Анализ особенностей содержания договоров по российскому и зарубежному законодательству позволяет выявить ключевые различия и сходства между этими правовыми системами [2, с. 45]. Эти различия могут оказать существенное влияние на бизнес-процессы и разрешение споров в международных отношениях. Понимание этих особенностей является важным инструментом для успешного ведения деловой деятельности и обеспечения соблюдения законодательства.

Сравнительный анализ правовых систем позволяет сторонам, заключающим договоры с зарубежными партнерами, более эффективно управлять рисками и обеспечивать соблюдение юридических норм. Важно помнить, что детали и особенности могут варьироваться в зависимости от конкретных стран и регионов, поэтому всегда рекомендуется консультироваться с квалифицированными юристами и специалистами в области международного права.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2023);
2. Варавенко В. Е. Правовое регулирование управления изменениями в международном инвестиционно-строительном проекте: сравнительно-правовой анализ типовых договоров FIDIC и российского права // Международное право и международные организации. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-upravleniya-izmeneniya-mi-v-mezhdunarodnom-investitsionno-stroitelnom-proekte-sravnitelno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 23.10.2023).
3. Волос Алексей Александрович Свобода договора в праве зарубежных государств: некоторые аспекты // Евразийская адвокатура. 2014. № 3 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-dogovora-v-prave-zarubezhnyh-gosudarstv-nekotorye-aspekty> (дата обращения: 24.10.2023);
4. Stone R. The Modern Law of Contract. — Fifth Edition. — London: Sydney: Portland: Oregon, 2022. — P. 2.
5. Осаке К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. — 2006. — № 7, 8 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).

Особенности применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим преступление в состоянии невменяемости

Нафигова Гузель Абдулмеликовна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Статья посвящена рассмотрению специфике применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, которые в силу своего психического состояния или расстройства не могли в полной мере осознавать фактический характер своих действий и руководить ими. Также рассмотрены основные виды таких мер и дана краткая характеристика.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, невменяемость, лечение, психические расстройства, стационар, наблюдение.

Features of the application of compulsory medical measures to persons who have committed a crime in a state of insanity

The article is devoted to the consideration of the specifics of the use of compulsory medical measures against persons who, due to their mental state or disorder, could not fully realize the actual nature of their actions and direct them. The main types of such measures are also considered and a brief description is given.

Keywords: compulsory medical measures, insanity, treatment, mental disorders, hospital, observation.

Принудительные меры медицинского характера в отношении невменяемых — это специальные процедуры, которые суд может применить к лицам, неспособным осознавать свои действия и представляющим опасность для общества из-за своего психического состояния [4, с. 102].

Ежегодно около 1% поступающих в суд уголовных дел связано с применением принудительных мер медицинского характера в отношении невменяемых лиц. На первый взгляд, это небольшие цифры, однако, с учетом того, что в период пандемии 2020 года нагрузка на суды не только не уменьшилась, а даже увеличилась (было рассмотрено 38,4 миллионов дел российскими судами), цифры представляются весьма и весьма существенными [10].

Понятие «невменяемость» подробно описывается в статье 21 УК РФ, которая определяет его как состояние, при котором лицо не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или бездействия, а также не может ими руководить во время совершения преступления [1].

Существует перечень факторов, в силу которых физическое лицо может быть признано невменяемым [4, с. 105]:

- а) хроническое психическое расстройство;
- б) временное психическое расстройство;
- в) слабоумие;
- г) иное болезненное состояние психики.

Однако, законодатель оставил некоторую неполноту в определении невменяемости, поскольку невозможно учесть все возможные психические состояния, при которых человек не способен понимать свои действия и их последствия. Для установления факта невменяемости проводится медико-судебная экспертиза, в ходе которой осуществляются различные тесты и наблюдения.

Согласно нормам уголовного права, состояние невменяемости включает два основных элемента: юридический и медицинский.

Юридический критерий определяется двумя признаками в соответствии со статьей 21 УК РФ: невозможностью осознания своих действий или бездействия и их опасности для общества, а также неспособностью руководить ими.

Медицинский критерий включает наличие у субъекта психического расстройства, которое может быть хроническим, временным, связанным со слабоумием или другими болезненными состояниями психики, такими как травмы головного мозга, опухоли мозга, брюшной тиф и другие заболевания.

Применение принудительных мер медицинского характера в отношении невменяемых лиц выполняется с целью защиты общества от возможных опасностей, которые они могут представлять. Такие меры включают госпитализацию в психиатрическое учреждение, принудительное лечение и реабилитацию, а также другие необходимые медицинские процедуры. Однако, применение этих мер требует строгого соблюдения процедур и защиты прав и интересов невменяемых лиц.

Важно отметить, что принудительные меры медицинского характера должны быть применены только в случаях, когда нет других эффективных способов обеспечить безопасность общества и помочь невменяемому лицу. При этом, решение о приме-

нении таких мер принимается судом на основе достоверных доказательств, предоставленных медико-судебной экспертизой. В общем, принудительные меры медицинского характера в отношении невменяемых являются важным инструментом в правовой системе, который позволяет обеспечить безопасность общества и одновременно обеспечить помощь и реабилитацию лицам, страдающим от психических расстройств [2, с. 163].

В настоящее время ведется очень много споров о том, кто в действительности должен устанавливать невменяемость лица — эксперт, который с большей вероятностью может быть подкуплен, дать неверное заключение или суд, прокурор. В случае, если такие полномочия будут отданы органам правопорядка, экспертное бюро будет только выносить заключение о том, могло ли лицо в момент совершения общественно опасного деяния осознавать характер своих действий и руководить ими, а, например, суд на основании заключения фактических данных по делу будет самостоятельно принимать решение о невменяемости [7, с. 112].

Стоит заметить, что принудительные меры медицинского характера в отношении невменяемых лиц не являются наказанием, о чем говорит и Пленум Верховного Суда России в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. №6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [9]. Они могут быть назначены лишь лицам, которые совершили общественно опасное деяние в таком состоянии и есть основания восстановить психическое здоровье и предупредить совершение ими новых общественно опасных деяний. Применяемые к невменяемому лицу принудительные меры медицинского характера должны соответствовать состоянию его здоровья, с учетом всех обстоятельств, характеризующих поведение такого лица.

Как верно отмечает Гризодубова А. А., меры принудительного лечения не соотносятся с мерами уголовного характера, так как [3, с. 181]:

- 1) не содержат элемента наказания;
- 2) не выражают отрицательной оценки за содеянное со стороны властно — распорядительного аппарата;
- 3) не направлены на восстановление социальной справедливости;
- 4) не влекут правовые ограничения, связанные с судимостью.

Принимая во внимание законодательно закрепленный принцип гуманизма, то целесообразность применения принудительных мер медицинского характера, как мер безопасности обеспечивает эффективное оказание лицу психиатрической помощи, при необходимости изоляция его от общества, так обеспечивается безопасность самого лица с психическим расстройством и других людей.

В отношении невменяемых могут применяться такие виды принудительных мер медицинского характера [8, с. 91]:

— в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра;

— принудительного лечения в психиатрическом стационаре (общего типа, специализированного типа или специализированного типа с интенсивным наблюдением).

Принудительные меры медицинского характера могут быть применены только в том случае, если они не нарушают права и свободы человека. К таким ограничениям относятся:

— принцип законности: принудительные меры медицинского характера могут быть назначены только на основании закона;

— принцип гуманности: принудительные меры медицинского характера должны соответствовать принципам гуманности и уважения к личности;

— принцип индивидуальности: принудительные меры медицинского характера должны назначаться с учетом индивидуальных особенностей пациента;

— принцип справедливости: принудительные меры медицинского характера должны применяться справедливо и не должны быть дискриминационными.

Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра подразумевает постоянные посещения или проведение мероприятий с целью устранения основной причины психического заболевания в медицинских учреждениях, санаториях и специализированных клиниках, имеющих соответствующее разрешение от государственных и негосударственных психиатрических и психоневрологических организаций. Эти посещения предполагают проведение разнообразных тестов для оценки реакции организма на внешние раздражители и изменения умственно-эмоциональных возможностей. Лечение пациентов, страдающих от невменяемости, основывается на регулярном приеме лекарственных препаратов [5, с. 103].

Принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа предполагает лечение в обычной психиатрической больнице или иной медицинской организации, оказывающей соответствующую помощь в стационаре. Прохождение лечения в подобных учреждениях назначается невменяемым, совершившим противоправное деяние, которое не связано с посягательством на жизнь других людей. Они по своему психическому состоянию никакой опасности для окружающих не несут, однако нуждаются в принудительном больничном содержании. Интенсивного наблюдения такие больные не требуют [3, с. 182].

Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа реализуется в виде пребывания пациентов с особенностями в психиатрическом отделении (редко в самостоятельной больнице), предназначенные исключительно для принудительного лечения определенного контингента пси-

хически больных. Специализированный тип учреждений связан с более строгим контролем (охрана, пункт контроля и досмотра), наблюдением со стороны администрации учреждения за пациентами, наиболее существенная роль в таких стационарах отводится психокоррекционным, трудотерапевтическим, социокультуральным мероприятиям [7, с. 113].

Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением соотносится по функциям со вторым типом таких учреждений. Здесь содержатся лица, которым медикаментозное лечение в принципе не помогает, они нацелены на причинение вреда себе и окружающим (имеют предрасположенность к насилию на основании лично — эмоциональных факторов). Однако, контроль за ними производится круглосуточно, за счет наблюдения специалистами и видео фиксации [6, с. 5].

Принудительное лечение лиц с психическими расстройствами имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать:

— лица с психическими расстройствами могут не осознавать необходимость лечения, это может затруднять их лечение и реабилитацию;

— лица с психическими расстройствами могут быть склонны к агрессии, это может представлять опасность для них самих и окружающих;

— лечение лиц с психическими расстройствами может быть длительным и сложным, это требует от медицинских работников высокой квалификации и профессионализма.

Можно сделать вывод, что принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам в состоянии невменяемости могут быть применены только в случае совершения ими общественно опасных деяний и преследуют своей целью лечение, а также ограждение их от общества в специализированных учреждениях. В отношении невменяемых могут применяться такие меры: в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра; принудительного лечения в психиатрическом стационаре (общего типа, специализированного типа или специализированного типа с интенсивным наблюдением).

Принудительные меры медицинского характера являются важной мерой защиты общества от лиц с психическими расстройствами, представляющих опасность для себя или окружающих. Однако при их применении необходимо соблюдать права и свободы человека.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г. №413-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — №25. — Ст. 2954.
2. Галкин, В. В. Особенности реализации принципов уголовного права в отношении невменяемых лиц / В. В. Галкин // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 2 (44). — С. 162–173.
3. Гризодубова, А. А. Применение принудительных мер медицинского характера к невменяемым лицам / А. А. Гризодубова // Юридические науки. — 2019. — № 3–2. — С. 180–182.
4. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / отв. ред. В. М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2021. — 316 с.
5. Костюк, М. Ф., Кунц, Е. В. Некоторые вопросы института принудительных мер медицинского характера / М. Ф. Костюк, Е. В. Кунц // Евразийская адвокатура. — 2022. — № 1 (56). — С. 101–105.
6. Назаренко, Г. В. Принудительные меры медицинского характера: проблемы и решения / Г. В. Назаренко // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2022. — № 1. — С. 4–8.

7. Тяжельникова, Д. А. Применение принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости / Д. А. Тяжельникова // Вестник магистратуры. — 2021. — № 5–4 (116). — С. 112–113.
8. Шаталов, А. С. Производство о применении принудительных мер медицинского характера / А. С. Шаталов. — М.: Директ-медиа, 2017. — 116 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (ред. от 03.03.2015 N9) [электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100902/> (дата обращения 23.10.2023).
10. Верховный Суд подвел итоги работы судов за 2020 год [электронный ресурс] // Режим доступа URL: <https://www.vsrfl.ru/press center/mass media/29651/> (дата обращения 23.10.2023).

Правовое регулирование защиты персональных данных в сети Интернет

Петрищева Екатерина Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Егерва Олеся Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Московский университет имени С. Ю. Витте

В статье рассматривается понятие и сущность персональных данных, а также характеризуется механизм их защиты в сети «Интернет». Немаловажное внимание в статье уделяется правовому регулированию защиты персональных данных в сети Интернет, а также определяется его место и роль в обеспечении защищенности персональных данных пользователей сети Интернет.

Ключевые слова: персональные данные; защита персональных данных; сеть Интернет.

Персональные данные определяются как сведения, которые могут прямо или косвенно относиться к определенному физическому лицу и предоставлены другим лицам по запросу. К персональным данным физического лица могут быть отнесены: ФИО, паспортные данные, уровень образования и др. Персональные данные являются разновидностью секретной информации, а значит они в обязательном порядке подлежат защите [6, с. 2]. Причем сама по себе защита персональных данных определяется как совокупность мероприятий, направленных на обеспечение защищенности, сохранности персональных данных от неправомерного их использования [8, с. 88].

На настоящий момент времени в век развития информационных технологий персональные данные просачиваются в информационную среду. Например, большой объем персональных данных содержится в сети «Интернет». Это данные о пользователях данной сети. Персональные данные оставляются пользователями сети «Интернет», например, при регистрации в мессенджерах, на площадках по продажам товаров или оказания услуг и др. Обработка персональных данных должна протекать только при наличии соответствующего разрешения от их владельца. Он подписывает соответствующее соглашение об обработке персональных данных, давая тем самым согласие, что передает другим лицам своим персональные данные [7, с. 65].

Для гарантирования защиты персональных данных в данной сети действует механизм правового регулирования. Он представлен совокупностью соответствующих нормативных правовых актов:

1) Конституция РФ [1].

Нормы и положения Конституции РФ устанавливают право граждан на информацию, т.е. право на свободный поиск, использование, распространение и осуществление иных действий, связанных с информацией. Причем данные действия

с информацией могут быть осуществлены только на законных основаниях. В случае получения несанкционированного доступа к информации и данным субъект может подлежать юридической ответственности и наказанию, размер которых зависит от степени тяжести совершенного им противоправного и наказуемого впоследствии деяния.

2) Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N149-ФЗ [3].

Положения и нормы ст. 2 данного нормативного акта устанавливает, что распространение информации определяется как действие, направленное на получение и передачу информации неопределенному кругу лиц. Данный нормативный правовой акт как был расширяет содержание и сущность конституционного права граждан на информации, характеризуя:

- порядок передачи информации;
- условия и основания передачи информации;
- способы обеспечения сохранности информации и др.

Причем данный нормативный правовой акт характеризует информационные технологии, в рамках которых осуществляется «движение» информации. Это в том числе и сеть «Интернет». «Движение» информации в данной сети постоянное, а ее поток нескончаемый.

3) Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [4].

Данный нормативный акт регламентирует следующие вопросы:

- принципы и условия обработки персональных данных;
- понятие и содержание персональных данных;
- правовой статус сторон обработки и защиты персональных данных и т.д.

Именно данный нормативный правовой акт также впервые регламентирует содержание и порядок защиты персональных

данных. Например, им определяются степени защиты персональных данных в зависимости от разновидности таких данных:

– Общедоступные персональные данные — нуждаются в слабой защите. Доступ к ним свободно получается, а сами по себе данные не скрываются.

– Биометрические персональные данные — нуждаются в серьезной защите, так как доступ к ним чаще всего получают несанкционированным путем.

– Специальные персональные данные — нуждаются в самой серьезной и усиленной защите, так как получение к ним доступа чаще всего осуществляется в целях нанесения вреда владельцу. К таким персональным данным относят, например, информацию о расовой и национальной принадлежности субъекта, информацию о политических взглядах субъекта, информацию о религиозных убеждениях субъекта и др.

Представленные выше виды персональных данных и степени их защиты применимы и по отношению к тем данным, которые находятся в сети «Интернет». В сеть просачиваются огромный поток персональных данных. Это в том числе и общедоступные персональные данные, биометрические и специальные персональные данные.

4) ТК РФ [2].

Гл. 14 ТК РФ регламентирует вопросы защиты персональных данных работников. Так, законом определены права и обязанности работодателя при обработке персональных данных работника. Например, работодатель обязуется:

– разрешать доступ к персональным данным работников только специально уполномоченным лицам;

– предупредить лиц, получающих персональные данные работника, о том, что эти данные могут быть использованы лишь в целях, для которых они сообщены;

– осуществлять передачу персональных данных работника в пределах одной организации и др.

Кроме того, ст. 90 ТК РФ характеризует ответственность работодателя за утечку или неправомерное использование конфиденциальных сведений, предоставляемых сотрудниками. Это может быть дисциплинарная, административная, уголовная и гражданская ответственности, распределяемые в зависимости от тяжести совершенного противоправного деяния.

5) Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» [5].

Данный нормативный акт устанавливает перечень сведений конфиденциального характера, которые подлежат обязательной защите. К такому перечню относят и персональные данные: «Сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность, за исключением сведений, подлежащих распространению в СМИ».

Таким образом, все представленные выше нормативные правовые акты составляют правовую базу и основу защиты персональных данных, в том числе и в сети «Интернет». Это необходимо для гарантирования соблюдения такой защиты и снижения риска получения несанкционированного к ним доступа и неправомерного использования впоследствии.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.10.2022, N0001202210060013.
2. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, N I, (часть I), 07.01.2002, ст. 3.
3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, N31 (ч.1), 31.07.2006, ст. 3448.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. N31 (часть I) ст. 3451.
5. Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 марта 1997 г. N10.
6. Давыдова О. Б. Защита персональных данных / О. Б. Давыдова // Вестник науки и образования, 2018.— С. 1–2.
7. Корнилова, А. А. Защита персональных данных: учебное пособие / А. А. Корнилова, Д. С. Юнусова, А. С. Исмагилова.— Уфа: БашГУ, 2020.— 120 с.
8. Криволапова Л. М. Защита персональных данных / Л. М. Криволапова // Право и государство: теория и практика, 2020.— С. 88–91.

Соотношение понятий «правовая охрана» и «правовая защита»

Волова Арина Андреевна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Пиддубринная Альбина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассмотрены смысл и содержание понятий «правовая охрана» и «правовая защита», их различия и взаимосвязи в контексте законодательства и практики.

Ключевые слова: правовая охрана, правовая защита, права, свободы, нарушение, Российская Федерация, Гражданский кодекс Российской Федерации.

Конституцией Российской Федерации человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью [1]. Личные неимущественные права граждан, такие как право на жизнь и охрану здоровья, занимают особое место среди них. Согласно пункту 1 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации одним из фундаментальных принципов гражданского права является обеспечение восстановления нарушенных прав [2].

Так, в нормативно-правовых актах заложены понятия правовой охраны и правовой защиты, которые в практике нередко подменяются друг другом, смешиваются, противопоставляются, сравниваются по объему (рассматриваются как широкое и узкое понятия) или ставятся в зависимость друг от друга. Отсутствие законодательного закрепления определений данных понятий приводит к необходимости уяснения их содержания путем обращения к научным трудам ученых в области права.

В словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «охранять» определяется как «оберегать, относиться бережно, стеречь» [3]. Понятие «защищать» означает «охранять, ограждать от посягательств, враждебных действий, опасности» [3]. Проанализировав определения данных понятий можно сделать вывод, что более широким по смыслу и содержанию является понятие «защищать», поскольку включает в себя охрану, следовательно понятия «правовая охрана» и «правовая защита» не могут подменять друг друга.

Несмотря на различие лексического значения понятий «правовая охрана» и «правовая защита», в законодательных актах они нередко смешиваются и даже отождествляются. Например, в статье 1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях указано, что «задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений» [4]. Можно предположить, что при написании данной статьи законодатель пытался избежать повторений, пренебрегая юридической техникой, не допускающей подмены, смешения или отождествления различных по значению понятий.

Большинство правоведов противопоставляют понятия «правовая охрана» и «правовая защита», проводя их различие по таким критериям сравнения как цель, начало и продолжительность действия.

В частности, целью правовой охраны является предотвращение, недопущение нарушения права. Как правило, правовая охрана начинает свое действие с момента вступления в силу соответствующего нормативно-правового акта и действует бессрочно. Например, в главе 2 Конституции Российской Федерации закреплены основные права и свободы человека и гра-

жданина, находящиеся под охраной государства, такие как право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на жилище, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на образование и др.

Целью правовой защиты является восстановление нарушенного права, следовательно она начинает свое действие в момент нарушения права или появления угрозы его нарушения и действует вплоть до того момента, как нарушенное право будет восстановлено или использованы все законные средства для его восстановления.

Позиция по разграничению понятий «правовая охрана» и «правовая защита» прослеживается и в судебной практике. Так, в пункте 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» указано, что «если арендодатель до заключения договора аренды с победителем торгов предложил арендатору заключить с ним договор аренды на условиях, предложенных победителем торгов, а арендатор отказался от заключения договора либо не принял этого предложения в названный в нем срок, суд отказывает такому арендатору в защите его преимущественного права» [5].

Помимо противопоставления понятий «правовая охрана» и «правовая защита» их нередко сравнивают по объему. Цивилисты приходят к выводу, что понятие «правовая охрана» является более широким, чем понятие «правовая защита», поскольку включает в себя «весь комплекс мер, направленных на обеспечение соблюдения и реализации закрепленных в нормах прав и законных интересов, а в случае необходимости, в том числе с применением мер государственного принуждения» [6].

Кроме того, некоторые авторы рассматривают правовую защиту в качестве составного элемента правовой охраны наряду с обеспечением соблюдения и реализации прав, свобод и законных интересов субъектов права. Такая позиция находит свое подтверждение и в законодательных актах. Например, в части 1 статьи 5 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» указано, что «мероприятия по охране здоровья должны проводиться на основе признания, соблюдения и защиты прав граждан и в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права» [7]. Также часть 2 статьи 7 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет, что «дети независимо от их семейного и социального благополучия подлежат особой охране, включая заботу об их здоровье и надлежащую правовую защиту в сфере охраны здоровья, и имеют приоритетные права при оказании медицинской помощи» [7].

Наконец, некоторыми учеными понятия «правовая охрана» и «правовая защита» ставятся в зависимость друг от друга. По

их мнению понятие правовой защиты по отношению к конкретному праву не может существовать в отрыве от права, гарантированного правовой нормой и охраняемого государством, то есть понятия правовой охраны. Получается, если бы частью 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации не было бы гарантировано «право каждого на защиту своей чести и доброго имени», и частью 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации не провозглашено, что «достоинство личности охраняется государством» (правовая охрана), то необходимости в институте защиты чести, достоинства и деловой репу-

тации, предусмотренном статьей 152 Гражданского кодекса РФ, не было (правовая защита).

Таким образом, можно констатировать, что права и свободы человека и гражданина соблюдаются, реализуются, а в случае их нарушения восстанавливаются с помощью правовой охраны как пассивной превентивной меры, направленной на недопущение нарушения прав и свобод, и правовой защиты — меры, как правило, представляющей собой совокупность активных действий, направленных на восстановление нарушенных прав и свобод, или устранения угрозы их нарушения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2009 г. № 4. Ст. 445.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994 г. № 32. Ст. 3301.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1990.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002 г. № 1. Ст. 1.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 (ред. от 25.12.2013) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды». — Текст: электронный // www.consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123451/?ysclid=lo7ny7ff0114223807 (дата обращения: 26.10.2023).
6. Мазаев Д. В. Соотношение категорий «Правовая охрана» и «Правовая защита» в контексте отраслей российского права и законодательства // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 25–29.
7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011 г. № 48. Ст. 6724.

Отбор в присяжные заседатели. Ошибки при выборе кандидатов

Руденко Олеся Александровна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

В статье рассматривается порядок формирования коллегии присяжных заседателей с целью рассмотрения уголовного дела по существу, а также анализируются основные ошибки, связанные с формированием коллегии присяжных заседателей.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели.

Selection for jurors. Mistakes when selecting candidates

The article discusses the procedure for forming a jury for the purpose of considering a criminal case on the merits, and also analyzes the main errors associated with the formation of a jury.

Key words: jury trial, jurors.

Закрепляя право каждого на судебную защиту, Конституция Российской Федерации 1993 года также определяет право каждого на рассмотрение дела тем судом, к подсудности и подсудности которого оно отнесено законом, при этом, определив в своем же содержании безальтернативную подсудность к рассмотрению уголовных дел, за совершение

которых уголовным законом предусмотрена смертная казнь, судом с участием присяжных заседателей, что прямо обозначено в ч. 2 ст. 20 Конституции РФ [1]. В то же время, право на суд присяжных не ограничивается исключительно делами представленной группы. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) 2001 года подразумевает обширный пере-

чень составов преступлений, дела по факту совершения которых могут рассматриваться судом присяжных заседателей. Одновременно с этим, право обвиняемому о заявлении ходатайства о рассмотрении его дела судом присяжных одновременно с этим представляет собой и обязанность лица, производящего производство предварительного расследования, разъяснить обвиняемому рассматриваемое право [2].

Далее, необходимо отметить, что если со стороны обвиняемого поступает ходатайство о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей, то в этом случае возникает обязанность суда, в который поступает дело обвиняемого, провести предварительное слушание. Одновременно с этим, необходимо отметить, что указанная обязанность обусловлена более сложным порядком рассмотрения уголовного дела коллегией присяжных заседателей. При этом, важно отметить, что подобное обуславливается, в том числе и спецификой подготовительного этапа, что проявляется, в том числе, в порядке формирования коллегии присяжных заседателей.

Непосредственно первоначальный этап формирования коллегии присяжных заседателей осуществляется в суде на начальном этапе судебного заседания при рассмотрении уголовного дела по существу. Однако, еще до начала данного этапа и до вызова конкретного гражданина к исполнению обязанностей присяжного заседателя, органами публичной власти осуществляется формирование основного и запасного списка кандидатов в присяжные заседатели. Основная роль возлагается на исполнительно-распорядительные органы муниципального образования, непосредственно формируются основной и запасные списки кандидатов, а конечное сведение данных списков осуществляет высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ, закладывая при осуществлении этой деятельности принцип соотношения числа граждан, постоянно проживающих на территории муниципального образования, и числа граждан, постоянно проживающих на территории субъекта РФ [3].

При этом, формирование представленных списков изначально учитывает целый ряд ограничений, в частности:

- невозможности участия гражданина в рассмотрении судом дела ввиду дефектов психики и (или) физиологии;
- факта подозрения или обвинения гражданина в совершении преступления;
- отсутствие у гражданина знания языка, на котором осуществляется судопроизводство.

неспособности к участию в рассмотрении судом дела из-за недостатков физиологического или психического характера, текущее подозрение в совершении преступления или выдвижения обвинения в совершении преступления, незнания языка судопроизводства. Но помимо указанных обстоятельств, Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» определяет и другие ограничения, которые становятся основанием для исключения таких лиц из указанных списков еще на этапе подготовки, при этом основная часть таких обстоятельств представлена отнесения лица к определенной профессиональной или социальной категории (священнослужитель, сотрудник ОВД, судья, следователь, дозна-

ватель, прокурор, адвокат нотариус, сотрудник ФССП России, отставной военнослужащий отдельных воинских формирований и т.д.). Но, в этом случае, закон делает оговорку: «...в случаях подачи гражданином письменного заявления о наличии обстоятельств, препятствующих исполнению им обязанностей присяжного заседателя, если он является...» одним из указанных лиц. То есть, при отсутствии такого заявления ничто не препятствует гражданину, являющемуся, например, судебным приставом-исполнителем, налоговым инспектором, сотрудником полиции и т.п. умолчать о данных фактах и принять участие в качестве присяжного при рассмотрении уголовного дела.

Данное обстоятельство может поставить под угрозу реализацию принципа беспристрастности коллегии присяжных заседателей. В идеале, в нее должны входить лица, максимально далекие по своей деятельности и знаниям от юриспруденции, что позволит исключить, в первую очередь, влияние на вынесение вердикта профессиональной деформации, например, так называемого «обвинительного уклона», присущего сотрудникам органов дознания и следствия, либо же «защитительного уклона», присущего представителям адвокатуры. Как итог, дело рассматривается исключительно с позиции раннего опыта профессиональной и (или) служебной деятельности, который порой может только навредить при вынесении итогового вердикта [8].

Для того, чтобы избежать подобного и иного другого аналогичного влияния на рассмотрение дела коллегией присяжных заседателей, УПК РФ определил стадию «фильтрации» кандидатов в присяжные заседатели. Эта стадия позволяет стороне обвинения и защите осуществить отвод из числа кандидатов лиц до тех пор, пока не остается нужный кворум, необходимый для формирования коллегии. При этом, первоначально проводится мотивированный отвод, а после — немотивированный отвод, которые осуществляются поочередно сторонами обвинения и защиты. Данное действие является своеобразной демонстрацией баланса интересов стороны обвинения и стороны защиты, которые совместно формируют действительно беспристрастную коллегию присяжных заседателей, способную рассмотреть дело качественно, независимо и вынести подсудимому по этим итогам справедливый вердикт [7].

Однако, до начала процедуры отвода кандидатов в присяжные заседатели происходит промежуточный этап, цель которого заключается в том, чтобы стороны могли задать всем кандидатам вопросы с целью выяснения обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении уголовного дела.

Именно на этом этапе и возникает основная проблема: ни одного перечня вопросов или каких-либо рекомендаций по их составлению в настоящее время не предусмотрено. Исключение составляет только позиция Верховного суда РФ, которая указывает, что «...чтобы задаваемые вопросы понимались однозначно, не повторяли ранее заданные вопросы, были конкретными, связанными только с теми обстоятельствами, которые препятствуют участию кандидатов в присяжные заседатели в рассмотрении данного уголовного дела» [4]. Это означает, что данный процесс был полностью передан сторонам обвинения и защиты с обеспечением для них почти что неограниченной возможности получения от кандидатов в присяжные заседа-

тели именно той информации, которая необходима в каждом конкретном случае, которая и интересует стороны. Однако, обратной стороной такого положения является вероятность формирования некорректных вопросов присяжным заседателям, которые не позволят достичь главной цели — исключить из числа кандидатов тех лиц, явно или косвенно находящихся либо на стороне обвинения, либо на стороне защиты [6]. Ответственность за это возлагается на государственного обвинителя и защитника соответственно, однако ввиду ряда обстоятельств (например, недостаточного опыта) достичь такой цели в полной мере не удастся. Как итог, коллегия присяжных получает в свой состав присяжного, не обладающего должной беспристрастностью и объективностью взгляда на доводы обвинения и защиты по ходу рассмотрения дела по существу.

Одним из последствий допущения ошибок при формировании коллегии присяжных заседателей является «ошибка познания фактических обстоятельств преступления». Такое явление выражается в том, что присяжный или несколько присяжных делают некорректные выводы, в первую очередь, о доказанности или недоказанности того или иного обстоятельства. На такой результат оказывают влияние отдельные индивидуальные черты личности присяжного заседателя, в частности:

- степень профессиональной деформации;
- личностно-ценностный уровень личности;
- обостренность чувства социальной справедливости;
- беспрекословное доверие следствию и суду, либо, наоборот, отсутствие доверия к стороне обвинения и суду [5].

Безусловно, что вероятность вынесения вердикта, который будет в той или иной степени противоречить фактическим обстоятельствам дела, а также иметь в себе иные нарушения,

ставшие следствием ошибок при формировании коллегии присяжных заседателей, будет прямо пропорциональна числу отобранных в коллегия присяжных, оценивающих доказательства и иные обстоятельства при рассмотрении уголовного дела по существу с искаженной позиции, вызванной различными факторами объективного и субъективного характера. Исходя из этого, можно сделать логически вывод о необходимости пересмотра текущих правил отбора кандидатов в присяжные заседатели на начальной стадии судебного заседания. Однако, подобное может привести к необходимости более масштабных изменений в рамках уголовно-процессуального законодательства, к чему текущая ситуация пока что не имеет предпосылок, поскольку соотношение уголовных дел, рассматриваемых судом присяжных по отношению к основным составам суда (мировой или федеральный судья единолично), крайне невелико [9].

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть особый статус стадии формирования коллегии присяжных заседателей. Ее значение заключается в допуске к отправлению правосудия объективно беспристрастных лиц, не имеющих интересов поддерживать ни сторону обвинения, ни стороны защиты и готовых рассмотреть любые факты и обстоятельства, на основе которых такой коллегией будет принят справедливый вердикт. В то же время, допускаемые в настоящее время ошибки, вызванные как отдельными пробелами законодательства, так и действиями участников уголовного судопроизводства с обеих сторон при отводе кандидатов в присяжные заседатели, может создать условия для нарушения представленных принципов формирования коллегии присяжных заседателей и вынесению в конечном итоге вердикта, не отвечающего в той или иной мере фактическим обстоятельствам дела.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с учетом поправок и с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — Российская газета. — 04.07.2020. — № 144.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 24.12.2001. — № 52 (часть 1). — Ст. 4921.
3. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 16.02.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 23.08.2004. — № 34. — Ст. 3528.
4. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 28.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — январь 2006. — № 1.
5. Белодед, Д. Р. Психологические особенности формирования предубеждения присяжных заседателей в отношении подсудимого / Д. Р. Белодед, И. Ф. Миненко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 2 (90). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-formirovaniya-predubezhdeniya-prisyazhnyh-zasedateley-v-otnoshenii-podsudimogo> (Дата обращения: 19.10.2023).
6. Бондаренко, О. Г. Ошибки прокурора, допускаемые на стадии формирования коллегии присяжных при опросе кандидатов в присяжные заседатели / О. Г. Бондаренко // Криминалистика. — 2022. — № 3(40). — С. 49–55. — EDN SJCXHL.
7. Борохова, Н. Е. Процессуальные и тактические особенности формирования коллегии присяжных заседателей / Н. Е. Борохова // Проблемы Науки. — 2019. — № 10 (143). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-i-takticheskie-osobennosti-formirovaniya-kollegii-prisyazhnyh-zasedateley> (Дата обращения: 19.10.2023).
8. Пристансков, Е. И. Некоторые проблемы обеспечения беспристрастности коллегии присяжных заседателей путем реализации правовых гарантий на стадии формирования коллегии / Е. И. Пристансков // Вопросы российской юстиции. — 2019. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-obespecheniya-bespristrastnosti-kollegii-prisyazhnyh-zasedateley-putem-realizatsii-pravovyh-garantii-na-stadii> (Дата обращения: 19.10.2023).

9. Шигурова, Е.И. Отдельные проблемы рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей / Е.И. Шигурова, К.О. Пикторова // Гуманитарные и политико-правовые исследования. — 2022. — № 4 (19). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-problemy-rassmotreniya-ugolovnyh-del-s-uchastiem-suda-prisyazhnyh-zasedateley> (Дата обращения: 19.10.2023).

Развитие мирного урегулирования споров: теория и практика

Рысева Кристина Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лебедев Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассматривается развитие одной из задач гражданского судопроизводства — мирного урегулирования споров гражданского судопроизводства на практике. Актуальность данной проблемы вызывает новизна главы 14.1 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, в которой отражены примирительные процедуры, введенные с целью содействия разгрузки судебных органов.

Ключевые слова: *эффективность гражданского судопроизводства, задачи гражданского судопроизводства, мирное урегулирование споров, примирительные процедуры.*

Повышение эффективности правосудия по гражданским делам приобретает основополагающее значение на современном этапе российской судебной реформы (2018–2023 гг.).

Теоретические исследования эффективности правосудия по гражданским делам показывают, что ее достижение находится в прямой зависимости от надлежащей реализации целей и задач гражданского судопроизводства, а именно правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. В действительности вопросы организационного и материально-технического характера остаются преобладающими, поскольку они направлены на снижение нагрузки судей. Важнейшим судопроизводственным проблемам, связанным с обеспечением гарантий справедливого судебного разбирательства, уделяется недостаточно внимания. Во многом так происходит потому, что изменения в гражданское процессуальное законодательство, регулирующие порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел в суде, вносятся без учета содержания задач гражданского судопроизводства, что, в свою очередь, оказывает негативное воздействие на достижение его конечной цели — эффективной судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и иных субъектов гражданских правоотношений.

Проблема телеологических оснований правосудия не нова для юридической науки. На разных этапах развития государственно-правового механизма с опорой на экономический и социальный контекст неизбежно происходит переосмысление целей и задач судебной деятельности. Гражданское судопроизводство не является исключением. Задачи гражданского судопроизводства, сформулированные и законодательно закрепленные в 60-е годы XX века, требуют нового взгляда с учетом изменившихся политико-правовых условий [1, с. 2].

Необходимо отметить, что главной проблемой для судебной системы является предупреждение роста количества дел, поскольку огромная нагрузка на суд, связанная с количеством рассматриваемых дел, влияет на качество и скорость разрешения споров. Казалось бы, решение данной проблемы находит свое отражение в введении законодателем главы 14.1 ГПК РФ в процессе гражданско-процессуальной реформы 2019 года, которая регламентирует досудебные способы урегулирования споров, однако на практике, несмотря на привлекательность примирительных процедур, количество споров, в которых стороны примиряются после обращения в суд, остается крайне низким. Так, судья, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Виктор Момотов отмечает, что с 2011 по 2020 год медиация использовалась при рассмотрении менее 0,01% дел судами общей юрисдикции и при рассмотрении около 0,002% дел арбитражными судами.

Необходимо подчеркнуть, что досудебные процедуры и примирительные процедуры имеют своей основной целью нахождение приемлемых для сторон путей и условий ликвидации конфликтов без суда, влияя тем самым на предотвращение большого количества дел, поступающих в суды.

Так, содействие мирному урегулированию споров как нововведенная задача гражданского судопроизводства осуществляется путем применения примирительных процедур, таких как проведение переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону [2, с. 3].

Однако вопрос осуществления данной задачи путем вышперечисленных способов привлекает особое внимание, поскольку реализация применения примирительных процедур имеет спорадический характер. Неспроста мирное урегулирование споров как нововведенная задача гражданского судопроизводства была внедрена в 2019 г., так законодатель делает акцент на том, что данная задача должна быть

приоритетной для судов на данном этапе развития гражданского судопроизводства, тем не менее фактически мы наблюдаем следующее: нагрузка в судебных органах остается такой же большой, а применение примирительных процедур остается все таким же низким. Этот факт мы можем видеть на примере статистики применения примирительных процедур Нижегородским областным судом. Так, с целью распространения и внедрения реализации примирительных процедур судами общей юрисдикции в мае 2022 года был проведен региональный круглый стол «Судебная медиация в России: опыт, проблемы, перспективы», вследствие которого была определена группа пилотных судов для активизации апробации применения примирительных процедур и формирования методического опыта с целью последующего его распространения среди судов общей юрисдикции Нижегородской области. Позднее, в декабре 2022 года под председательством заместителя председателя Нижегородского областного суда было проведено совещание с руководителями районных судов, где была отмечена положительная динамика внедрения примирительных процедур в судебную практику, так как судейский состав проявил заинтересованность и в целом результативность данных процедур (общее количество с применением альтернативных способов урегулирования составило 115 дел, из которых 71 дело проведено с участием медиатора, 33 дела путем проведения переговоров и 1 дело с участием судебного примирителя). Следствием упомянутого выше пилотного проекта явилась нацеленность судьями Нижегородской области дальнейшего внедрения примирительных процедур в судебный процесс, а также было предложено включить тематику применения примирительных процедур в план семинарских занятий судей Нижегородской области на 2023 год [3, с. 4]. На данном примере мы видим, что тема реализации примирительных процедур в судопроизводстве остается по сей день актуальной, причинами тому являются:

- низкий уровень правовой культуры граждан, проявляющийся в незнании преимуществ мирного урегулирования конфликтов (споров) перед судебным;
- отсутствие информационно-просветительской деятельности, выражающейся в просвещении как граждан, так и членов юридического сообщества;

Литература:

1. Печегина, П. Д. Задачи гражданского судопроизводства: специальность 12.00.15 «гражданский процесс; арбитражный процесс»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Печегина Полина Денисовна; Московский Государственный Университет имени М. В. ЛОМОНОСОВА. — Москва, 2022. — 201 с.
2. «Гражданско-процессуальный кодекс» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — с изм. от 20.07.2023 и допол. в ред. от 24.06.2023.
3. В Совете судей думают о примирении // Обязательный досудебный порядок предложен для трудовых дел, споров об общем имуществе и с налоговыми органами. — Текст: электронный // Верховный суд Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/30049/ (дата обращения: 08.10.2023).
4. Кудрина, А. А. Применение процедуры медиации в РФ / А. А. Кудрина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 19 (466). — С. 359–361. — URL: <https://moluch.ru/archive/466/102595/> (дата обращения: 10.10.2023).

– отсутствие (нехватка) соответствующих кадров в сфере примирения сторон.

По мнению Кудриной А. А., единственное верное решение, которое приведет к активному применению медиации и других видов примирительных процедур, является увеличение минимального размера государственных пошлин за подачу искового заявления [4, с. 5].

На наш взгляд, целесообразно проводить информационную работу, обучать население и создавать условия для использования альтернативных способов урегулирования споров. Также необходимо улучшать законодательство в этой области, чтобы сделать примирительные процедуры более доступными и эффективными, проводить обучение внутри юридического сообщества, ведь именно юрист в наибольшей степени может повлиять на мнение клиента в случае, если физическое лицо или юридическое лицо осуществляет защиту своих прав, свобод и интересов путем привлечения специалиста извне. «Необходимо создать такую экономическую модель правосудия, которая сделает экономически привлекательными досудебные процедуры примирения и будет материальным барьером для необоснованных исковых требований недобросовестных участников судебного процесса», — говорил глава Совета судей. В том числе экономически привлекательным должен стать и процесс получения новых знаний ввиду просветительской деятельности среди юристов, лиц, тесно связанных с осуществлением примирения сторон конфликтов, и граждан, затраты по которому изначально должны быть задействованы из бюджета государства.

Таким образом, одним из актуальных вопросов в рамках теории права и процедур в разрешении конфликтов и споров в гражданско-правовом поле является развитие института примирения в процессуальном праве. Использование и развитие примирительных процедур находится в прямой взаимосвязи с надлежащей реализацией субъектами права своих свобод и законных интересов. Однако применение примирительных процедур с целью реализации одной из задач гражданского процессуального права — содействие мирному урегулированию споров, требует более четкого формулирования законодателями применения данной задачи на практике с целью повышения эффективности гражданского судопроизводства.

Договор конвертируемого займа: проблемы нотариального удостоверения

Сабуров Сергей Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Якубова Татьяна Олеговна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует особенности правового регулирования нотариального удостоверения договоров конвертируемого займа.

Ключевые слова: договор конвертируемого займа, нотариус, нотариальное удостоверение, сделка

Институт конвертируемого займа является сравнительно новым для отечественной правовой системы. Он впервые был установлен Федеральным законом от 02.07.2021 года № 354-ФЗ [3], который предусматривал введение легальной дефиниции данного договора в специализированные законодательные акты об обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах. Согласно п. 1 ст. 19.1. Федерального закона от 08.02.1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [4] указанный договор считается видом договора займа, по которому займодавец вправе получить от заемщика не всю или часть суммы займа, процентов за пользование займом, а получить от ООО, выступающего в качестве заемщика, увеличения уставного капитала, увеличения номинальной стоимости и величины доли займодавца, который является участником данной организации. Исполнение данного договора влечет за собой снижение долей других участников организации. Этот институт также был предусмотрен в законодательстве об акционерных обществах.

Согласно ч. 2 ст. 32.3. Федерального закона от 26.12.1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [5] заемщиками по указанному договору не могут быть следующие лица:

1. кредитные организации;
2. некредитные финансовые организации;
3. хозяйственные общества, если они имеют стратегическое значение для поддержания обороноспособности и безопасности страны;
4. хозяйственные общества, созданные в рамках приватизации, и акции которого находятся в публичной собственности.

Основные преимущества института конвертируемого займа выражаются в следующем:

— бизнес, который желает получить финансирование на реализацию перспективного проекта, имеет организационную возможность получения заемного финансирования от инвестора уже на первоначальных стадиях реализации проекта;

— внимание инвесторов к проекту увеличится при преобразовании идеи в какой-либо продукт;

— при успехе реализации проекта первоначальный инвестор-займодавец по рассматриваемому договору может преобразовать свое право требования денежных средств к должнику в долю в уставном или акционерном капитале хозяйственного общества. Причем получение доли осуществляется по сниженной цене, учитывающей принятые инвестором на себя риски;

— в случае неуспеха проекта инвестор может требовать от заемщика возврата денежных средств и не претендовать на долю в капитале общества.

На основании положений законодательства РФ об акционерных обществах можно выделить существенные условия рассматриваемого договора. Согласно п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [1] существенными условиями договора являются:

- условие о предмете договора;
- условия, указанные в законодательстве в качестве существенных;
- условия, которые признаны существенными по требованию любой из сторон договора.

Для договора конвертируемого займа существенными закон называет следующие условия:

1. которые являются существенными для договора займа по требованиям ГК РФ;
2. условия, предусмотренные законодательством об акционерных обществах.

Специальными существенными условиями рассматриваемого договора по законодательству об акционерных обществах называются следующие условия.

Первым условием назван срок или иное обстоятельство, при наступлении которых у займодавца появляется право требовать предоставления ему дополнительных акций или доли в уставном капитале общества. Такими обстоятельствами могут быть следующие факты:

- совершение или не совершение определенных действий, как сторонами договора, так и другими лицами;
- принятие предусмотренных договором решений со стороны заемщика или других лиц;
- достижение заемщиком определенных финансовых показателей.

В частности, если говорить об обстоятельствах, связанных с определенными действиями сторон, то к ним чаще всего относятся действия по продаже бизнеса, по привлечению крупного инвестора, по достижению определенных финансовых показателей предприятия и т.д. Применительно к наступлению или истечению сроков, являющихся ключевыми обстоятельствами для исполнения этого договора, могут иметь значение, например, сроки, когда заем должен быть возвращен, сроки выпуска нового продукта в продажу.

Следующим специальным существенным условием рассматриваемого договора является цена, по которой займодавец может купить дополнительные акции или долю в уставном капитале в рамках исполнения договора. Вместо точного указания цены в договоре может содержаться порядок определения стоимости. Законодательство допускает возможность включения в договор условия, что цена дополнительных акций может быть

поставлена в зависимость от обстоятельств, которые еще не наступили на момент заключения договора. Единственным законодательным ограничителем при определении стоимости дополнительных акций является то, что при исполнении рассматриваемого договора эта цена не может понижаться менее номинальной стоимости акций.

Приведенные выше условия, однако, не распространяются на случаи, когда дополнительные акции общества размещаются во исполнение изучаемого договора. Оплата дополнительных акций общества, которые размещаются посредством подписки, проводится по определенной советом директоров общества цене или в порядке, установленном данным органом управления обществом. При этом цена в любом случае не должна быть ниже номинальной стоимости акций. Указанная цена акций, которые дополнительно выпускаются и размещаются в рамках подписки, должна фигурировать в решении об увеличении уставного капитала общества соответствующим способом. В этом решении может быть также отражено, что указанная цена или порядок ее определения будут в последующем определены решением совета директоров или иного органа управления организацией.

Закон об ООО предписывает обязательное нотариальное удостоверение рассматриваемого договора. Он заключается и исполняется минимум двумя сторонами, коими являются заемщик и займодавец. Заемщиком является всегда хозяйственное общество, а займодавцем может быть участник данного общества или третье лицо. Выступать в качестве заемщиков по указанному договору не могут общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества, если они относятся к следующим категориям организаций:

1. кредитная организация;
2. некредитная финансовая организация;
3. стратегическое предприятие, обеспечивающее обороноспособность и безопасность страны.

Существенными условиями этого договора являются следующие условия:

— срок, в течение которого может быть предъявлено требование займодавца в отношении уставного или акционерного капитала;

— сумма, на которую увеличивается номинальная стоимость доли или акций займодавца.

Согласно корпоративному законодательству РФ у займодавца есть три возможных варианта выражения собственных требований к заемщику:

1. вернуть сумму займа с процентами в виде денежных средств;
2. получение займодавцем акций или доли в уставном капитале заемщика, а если займодавец уже является участником или акционером общества, то он может потребовать в рамках данной модели увеличение своей доли или количества акций;
3. одновременное использование обоих перечисленных вариантов в тех или иных пропорциях.

Нотариус принимает участие в отношениях участников рассматриваемого договора при оформлении документа и при его исполнении. На начальном этапе, когда только возникает обязательство из рассматриваемого договора, необходимо прибегнуть к нотариальному удостоверению. При исполнении обя-

зательств, вытекающих из договора конвертируемого займа, нотариусом совершаются несколько нотариальных действий, которые предусмотрены ст. 103.13 Основ законодательства РФ о нотариате (далее — Основы) [2]. Этот законодательный акт имеет даже самостоятельную главу, в которой отражается специфика деятельности нотариуса в общественных отношениях, касающихся исполнения изучаемого договора. Необходимо отметить, что эта специальная глава распространяется только на вопросы исполнения обязательств сторон указанного договора.

Нотариус выполняет несколько действий, которые касаются отношений сторон договора конвертируемого займа. Именно этим объясняется использование множественного числа в п. 35 ч. 1 ст. 35 Основ при перечислении системы нотариальных действий в России. Глава XX.5 Основ именуется «Совершение нотариальных действий в связи с увеличением уставного капитала общества с ограниченной ответственностью во исполнение договора конвертируемого займа». Для нотариального обеспечения изучаемого договора нотариус совершает следующие самостоятельные действия:

— направление в адрес заемщика уведомления о предъявлении займодавцем требования, вытекающего из рассматриваемого договора;

— направление в уполномоченные регистрирующие органы документов, требующихся для надлежащей регистрации увеличения уставного капитала или дополнительной эмиссии акций;

— направление займодавцу уведомлений о том, что заемщик предоставил возражения относительно предъявленных к нему займодавцем требований.

Участие нотариуса в указанных общественных отношениях предопределяет наличие у него специфического функционала. Он выполняет посредническую функцию между различными субъектами, вовлеченными в отношения, касающиеся договора конвертируемого займа. Так, он связующее звено между заемщиком и займодавцем. С другой стороны, он выполняет посредническую функцию между заемщиком и органом регистрации прав на акции или доли в уставном капитале.

Специалистами предлагается выделять следующие функции нотариуса в указанных отношениях:

1. удостоверительная;
2. организационная;
3. информационная [6, 10].

Посредством действий нотариуса происходит удостоверение возникновения обязательства из указанного выше договора. Затем, нотариус должен удостоверить факт принятия обществом решения об одобрении заключения этого договора, его изменения или совершения уступки прав по нему. Следует признать, что уступка прав по договору формально относится к самостоятельным нотариальным действиям. Но в то же время достаточно сложно исключить данное действие из всего законодательно предусмотренного механизма реализации рассматриваемого договора.

Нотариус также выполняет важную организационную роль в отношениях по поводу конвертируемого займа. Данный аспект нотариальной активности проявляется в следующем. Нотариус обязан после удостоверения им данного договора направить в уполномоченный орган государственной власти

заявления о внесении в ЕГРЮЛ данных о договоре. Данное заявление обязательно должно содержать в себе информацию о займодавце, о величине доли в уставном капитале ООО или количество акций, которые он получит право приобрести, если выберет соответствующий вариант возврата денежных средств, предоставленных в качестве займа. Данное заявление может быть направлено в регистрирующий орган только в форме электронного документа, подписанного УКЭП нотариуса.

Иная составляющая организационной функции нотариуса в рамках отношений, опосредующих исполнение рассматриваемого договора, выражается в том, что нотариус подает заявление об увеличении уставного капитала ООО или о выпуске дополнительных акций в соответствующий регистрирующий орган. Эта процедура является важной составной частью исполнения рассматриваемого договора. Возможно различное содержание этого заявления, которое определяется особенностями займодавца. Если по договору займодавцем является действующий участник ООО или акционер, то в указанном заявлении необходимо отразить следующее:

- просьба займодавца увеличить номинальную стоимость и размер принадлежащей ему доли, а равным образом номинальную стоимость и количество акций, имеющихся у него;
- снизить размер долей других участников ООО или изменить количество акций, принадлежащих другим акционерам компании;
- внести изменения в устав общества.

Заявление будет иметь иное содержание в случаях, когда займодавцем является третье лицо. Такое заявление должно обязательно содержать следующие требования:

1. провести регистрацию факта получения заявителем доли в уставном капитале ООО или акций акционерного общества;
2. зарегистрировать его в качестве нового участника или акционера общества;
3. внести изменения в устав общества.

Затем нотариус обязуется направить самому обществу копии поданных им заявлений в регистрирующий орган.

Если проанализировать корпоративное законодательство и нормативные правовые акты, касающиеся нотариальной деятельности, на протяжении определенного периода времени, то следует достаточно очевидный вывод о намерении государства посредством правовых механизмов создать условия для усиления корпоративного контроля над хозяйственными обществами. Нотариусам при этом отводится весьма значительная роль. Постепенно увеличивается количество корпоративных действий, которые требуют нотариального оформления. Интересно отметить, что в первые годы действия современного российского законодательства, регулирующего деятельность обществ с ограниченной ответственностью, необходимость в привлечении нотариусов была связана только с удостоверением доверенности представителя для его участия в общем собрании участников. Позже стало требоваться нотариальное удостоверение сделок по переходу долей в уставном капитале другим лицам и передаче их в залог. В последующем нотариальное удостоверение стало требоваться для оформления сделок купли-продажи долей в уставном капитале ООО и доб-

ровольного выхода лица из состава участников ООО. И, наконец, с недавнего времени нотариусы должны привлекаться для оформления увеличения уставного капитала в связи с исполнением договора конвертируемого займа, заключение которого также должно проходить нотариальное оформление.

По нашему мнению, отмеченная выше тенденция правового регулирования и соответствующая государственная политика положительно влияет на становление в нашей стране цивилизованных корпоративных отношений. Этим обеспечивается надлежащий баланс интересов участников обществ, реализуется надлежащее упорядочивание корпоративных отношений без необходимости привлечения органов государственной власти для урегулирования спорных ситуаций, формируется определенность в правоотношениях заинтересованных лиц.

Недостатком действующего правового регулирования можно считать то, что отсутствует прямая норма относительно регистрации в ЕГРЮЛ сведений о внесении изменений в рассматриваемый договор. Конкретно речь идет об отсутствии релевантных правовых норм, определяющих порядок проведения регистрации. Полагаем, что если в реестре при заключении данного договора содержится необходимая информация о нем, то при внесении в договор изменений, а также о заключении соглашения об уступке прав из данного договора третьим лицам, информация об этом должна быть отражена в ЕГРЮЛ. Данная информация получается из заявления нотариуса, удостоверившего соответствующие соглашения. В связи с отсутствием в законодательстве указаний относительно срока направления указанного заявления в регистрирующий орган, то следует использовать имеющийся в законодательстве общий срок в семь дней на направление заявлений о включении той или иной информации в ЕГРЮЛ. Чтобы ликвидировать отмеченную неопределенность следует изменить российское законодательство об обществах с ограниченной ответственностью и об акционерных обществах. Новелла должна предусматривать обязательное нотариальное удостоверение соглашений сторон договора конвертируемого займа об его изменении, о совершении уступки прав требований по таким договорам. Отдельно стоит указать, что заключение таких соглашений допускается только после регистрации в ЕГРЮЛ первоначального договора. Помимо этого, необходимо предусмотреть в законодательстве, что нотариус обязан направить в регистрирующий орган заявление о внесении изменений в ЕГРЮЛ, связанных с оформлением перечисленных выше соглашений, а также установить сроки направления таких заявлений после совершенного нотариального действия.

Таким образом, по итогам изучения вопроса об участии нотариусов при заключении и исполнении договоров конвертируемого займа был сделан вывод о необходимости корректировки действующего законодательства. Чтобы ликвидировать неопределенность в нормативном правовом регулировании следует изменить российское законодательство об обществах с ограниченной ответственностью и об акционерных обществах. Новелла должна предусматривать обязательное нотариальное удостоверение соглашений сторон договора конвертируемого займа об его изменении, о совершении уступки прав требований по таким договорам. Отдельно стоит указать, что заключение таких соглашений допускается только после регистрации

в ЕГРЮЛ первоначального договора. Помимо этого, необходимо предусмотреть в законодательстве, что нотариус обязан направить в регистрирующий орган заявление о внесении изменений

в ЕГРЮЛ, связанных с оформлением перечисленных выше соглашений, а также установить сроки направления таких заявлений после совершенного нотариального действия.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ // «Российская газета», N238–239, 08.12.1994.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 года № 4462–1) // «Российская газета», N49, 13.03.1993.
3. Федеральный закон от 02.07.2021 года № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», N150–151, 08.07.2021.
4. Федеральный закон от 08.02.1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Российская газета», N30, 17.02.1998.
5. Федеральный закон от 26.12.1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // «Российская газета», N248, 29.12.1995.
6. Цветкова Е. С. Сравнение договора конвертируемого займа и соглашения о предоставлении опциона с позиции защиты прав инвесторов на примере обществ с ограниченной ответственностью // Нотариальный вестник. 2023. N4. С. 4–16.

Полномочия судебных органов при осуществлении санкционирования оперативно-розыскных мероприятий как вида судебного контроля на досудебной стадии

Саввина Екатерина Дмитриевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Грибунов Олег Павлович, доктор юридических наук, профессор
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

Данная статья посвящена полномочиям судебных органов при осуществлении санкционирования оперативно-розыскных мероприятий как вида судебного контроля на досудебной стадии. В статье проанализированы положения действующего законодательства, регламентирующие оперативно-розыскную деятельность. Одним из значимых способов защиты прав и свобод является судебный контроль, который реализуется с помощью сильной и независимой судебной власти.

Ключевые слова: судебный контроль, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, суд, государственные органы.

Powers of judiciary authorities when authorizing operative-search measures as a type of judicial control at the pre-trial stage

Savvina Ekaterina Dmitrievna, student master's degree
Scientific adviser: Gribunov Oleg Pavlovich, doctor of legal sciences, professor
East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Irkutsk)

This article is devoted to the powers of the judiciary in authorizing operational investigative activities as a type of judicial control at the pre-trial stage. The article analyzes the provisions of the current legislation regulating operational investigative activities. One of the significant ways to protect rights and freedoms is judicial control, which is implemented through a strong and independent judiciary.

Keywords: judicial control, criminal proceedings, operational-search activities, court, government agencies.

В сфере уголовного производства это проявляется в расширении полномочий суда по контролю за решениями и действиями государственных органов и должностных лиц на досудебных стадиях уголовного процесса.

Осуществление судебного контроля за предварительным следствием — это реальная гарантия защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, которые

могут быть нарушены проведением следственных действий без достаточных к тому правовых оснований. Однако установление судебного контроля имеет не только положительные, но и отрицательные стороны [8].

Прежде всего, для следователя получение решения суда связано с наблюдением сложных процедур и значительными временными затратами.

«Основной недостаток нормативных предписаний УПК РФ заключается в создании искусственных правовых преград для своевременного производства следователем рассматриваемых действий» [6], что снижает эффективность предварительного расследования в целом и является одной из причин низкой раскрываемости преступлений. Речь идет о возможности государственных органов проводить оперативно-розыскные мероприятия.

При этом Конституционный Суд РФ вынес Определение № 2801-О/2017 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на ст. 89 «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» УПК РФ, в котором еще раз подчеркнул, что согласно УПК РФ, доказательствами по уголовному делу являются «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Содержание оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, а также систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий закрепляет Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (далее — Закон об ОРД). «При соблюдении права на неприкосновенность частной жизни один из самых сложных вопросов — это определение границ самой частной жизни. Статья 6 Закона об ОРД закрепляет перечень оперативно-розыскных мероприятий, среди которых часть затрагивает право на неприкосновенность частной жизни в той или иной степени» [1]. Среди них, например: наблюдение; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров и др.

Закон об ОРД гарантирует, что оперативно-розыскные мероприятия, связанные с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров с подключением к станционной аппаратуре предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, физических и юридических лиц, предоставляющих услуги и средства связи, со снятием информации с технических каналов связи, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел и органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность с разрешения районного суда принимаются приемной последнего в течение всего рабочего дня.

Для того чтобы проследить, какие же действия совершаются судом относительно данного материала, мы обратились к Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной Приказом Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 г. № 36 (далее — Инструкция).

Начнем с того, что поступающие в суд ходатайства должны быть зарегистрированы в журнале учета входящей корреспонденции, а также в ПС

ГАС «Правосудие» и передаются судьям, которые осуществляют дежурство, под расписку в указанном журнале [9]. Как мы выяснили, виды ходатайств зависит от оперативно-розыскных мероприятий, совершение которых требует санкций суда. Соответственно, для каждого вида материала существует соответствующий журнал учета рассмотрения ходатайств.

На поступившее и зарегистрированное ходатайство сотрудники суда должны завести материал, которому необходимо в обязательном порядке присвоить соответствующий номер. Так, согласно Инструкции, интересующие нас материалы, имеют цифровой индекс «3» с дополнительными знаками, где индекс «3» означает тип дела, а именно тот факт, что материал, поступил в порядке досудебного производства, а дополнительный значок, который ставится через дробь, означает в свою очередь тип ходатайства, с которым обратился заявитель, например:

- «3/1» — об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей;
- «3/3» — об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста;
- «3/6» — о производстве осмотра жилища, обыска и (или) выемки в жилище, личного обыска; ходатайство о наложении ареста на имущество также находится под данным индексом;
- «3/8» — о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи;
- «3/9» — о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- «3/10» — о контроле и записи телефонных и иных переговоров [9].

Прослушивание телефонных переговоров — это «оперативно-техническое мероприятие, которое заключается в негласном прослушивании и аудиозаписи телефонных переговоров проверяемых лиц, ведущихся по абонентским телефонным линиям связи. Оно осуществляется с использованием специальных технических средств и проводится оперативно-техническими подразделениями органов внутренних дел или Федеральной службой безопасности. Основанием проведения такого мероприятия является задание, в котором указываются все необходимые данные контролируемого объекта и вопросы, которые необходимо выяснить. Также в задании должны быть указаны данные о том, где и как будут использоваться результаты прослушивания в процессе доказывания по уголовному делу и должно быть приложено судебное решение, после ознакомления с которым оно будет возвращено инициатору» [3].

«Обследование помещений, сооружений, участков местности и транспортных средств — это способ получения сведений, который заключается в визуальном, слуховом или другом изучении объектов, которые являются носителями информации о преступной деятельности и причастных к ней лицах. Объектами обследования могут быть также документы, личные вещи, одежда, животные или человек, на теле которого могут быть следы преступления» [7].

Санкционирование производства следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав и свобод граждан: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыск и выемка в жилище; выемка заложной или сданной на хранение в ломбард вещи; обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката; личный обыск, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ; выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; наложение ареста на имущество; контроль и запись телефонных и иных переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Названная группа полномочий суда имеет исключительный характер, что следует из формулировки законодателя, предваряющей перечень следственных действий, составляющих предмет судебной деятельности: «только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения». Вместе с тем, «исключительность полномочий суда в данном случае имеет двойственную природу, поскольку в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, последовательность действий может быть обратной: производство следственного действия предшествует судебному решению о его законности и обоснованности, которое с точки зрения получения доказательств все равно имеет определяющее значение» [4]. Следует отметить, что судебный контроль распространяется только на ряд действий (осмотр жилища, обыск и выемка в жилище, личный обыск, выемка заложной или сданной на хранение в ломбард вещи, а также наложение ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), когда промедление с их производством может повлечь за собой утрату следов преступления и других доказательств, позволит скрыться лицам, его совершившим, негативно повлияет на возмещение причиненного преступлением ущерба.

Возвращаясь к деятельности суда, согласно Инструкции. Ходатайства подлежат рассмотрению судом в судебном заседании, как правило, по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их про-

ведении [1], а также с учетом сроков, предусмотренных УПК РФ. Например, как мы уже приводили пример рассмотрения ходатайств в сроки, предусмотренные часами, а не днями, так напомним, что ходатайства о заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу, а также об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении подозреваемого или обвиняемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд [9]. Также к такого рода материалам можно отнести «ходатайство о временном отстранении обвиняемого от должности, для которого установлен срок рассмотрения в течение 48 часов с момента поступления ходатайства» [9].

Как и при рассмотрении других дел, в данном случае также возможно принятие решения, как об удовлетворении ходатайства, так и об отказе удовлетворении такового. Но если в других ситуациях такое решение трактуется как просто отказ в удовлетворении заявленных требований, то в рамках изучаемой темы отказ означает как запрет совершения каких-либо новых действий оперативно-розыскного характера, так и продолжения осуществления таковых, так как уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность применения некоторых мер принуждения до получения разрешения судом, если того требуют сложившиеся обстоятельства. Если же постановлением судьи отказано в удовлетворении ходатайства, копия данного постановления направляется или вручается лицу, возбудившему соответствующее ходатайство.

При получении разрешения суда для проведения оперативно-розыскных мероприятий правоохранительными органами, если судья не дал разрешения, соответствующие лица могут обратиться по тому же вопросу в вышестоящий суд [5, с. 125].

По истечении срока, установленного действующим законодательством на обжалование указанного постановления, и при не поступлении в этот срок жалобы или представления материал безотлагательно оформляется для сдачи его в архив, до передачи в который материалы хранятся в отделе делопроизводства суда.

Судья превращается в заложника принимаемых им в досудебном производстве решений, есть реальное опасение, что он может из беспристрастного арбитра, разрешающего спор между сторонами обвинения и защиты, превратиться в придаток обвинительной, следственной власти.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.
2. Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 27.08.2005 г. № 538 (ред. от 30.12.2017 г.). Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс». (Дата обращения: 20.10.2023 г.).
3. Беспалов В. П., Ивлиева Н. В., Савченко Н. И., Шурухнов Н. Г. Контроль и запись переговоров, прослушивание телефонных переговоров / В. П. Беспалов, Н. В. Ивлиева, Н. И. Савченко, Н. Г. Шурухнов // Проблемы развития правовой системы России. — 2016. — № 1. — С. 55–62.
4. Быкадорова Е. В. Оперативно-розыскные мероприятия судебного санкционирования / Е. В. Быкадорова // Евразийский Союз Ученых. — 2018. — № 48. — С. 64–70.
5. Дубонос Е. С. Оперативно-розыскная деятельность / Е. С. Дубонос. — М.: Юрайт, 2014. — 224 с.
6. Жданова Я. В., Крапчатова И. Н. Проблемы правового регулирования производства некоторых следственных действий в уголовном процессе Российской Федерации / Я. В. Жданова, И. Н. Крапчатова // Вестник РГГУ. — 2015. — № 3. — С. 126–133.

7. Резниченко К. Л. Проблемные вопросы при подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи» / К. Л. Резниченко // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2013. — № 11-1. — С. 63-70.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. — 2006.
9. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде [Электронный ресурс]: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 г. № 36 (ред. от 21.10.2019 г.). Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения: 22.10.2023).

Реализация ипотеки через договор залога недвижимого имущества

Сальникова Валерия Игоревна, студент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Договор залога является сопутствующим документом при оформлении ипотечного кредита и обеспечивает банку определенные гарантии того, что должник будет исполнять взятые на себя обязательства.

При составлении документа, важно учитывать юридические тонкости и требования действующего законодательства. В этой статье разберемся, как именно следует подготовить документ, какие нормы законодательства вступают в силу и когда необходимо зарегистрировать документ.

Основания для возникновения ипотеки

Ипотека в ее современном формате появилась в России относительно недавно. И тут важно отметить, что стороны ипотечного и залогового договора обязаны следовать нормам Федерального закона № 102-ФЗ от 16 июля 1998 года (ред. от 20.10.2022) «Об ипотеке» (залоге недвижимого имущества).

По своей сути недвижимое имущество в договоре об ипотеке выступает в роли залогового. То есть одна сторона является держателем залогового имущества, она же сторона кредитора, имеет полное право требовать с заемщика (должника) исполнение обязательств. Другая сторона — залогодатель выступает в роли заемщика кредитора и обязуется обеспечивать все нормы и требования, прописанные в федеральном законе.

Основание возникновения ипотеке прописаны в статье № 1 действующего закона «Об ипотеке» и включают в себя несколько норм:

- В роли залогодателя выступает непосредственно заемщик по обязательствам, которые обеспечены ипотечным договором, а также лицо, принимающее участие в этом договоре. Проще говоря, речь идет о третьих лицах, созаемщиках и поручителях.

- Недвижимое имущество, в том числе дом, квартира или другой объект ипотеки остается во владении и пользовании заемщика (залогодателя) до момента полного исполнения обязательств договора.

- К залоговому имуществу применяются нормы и правила, прописанные в законе 102-ФЗ «Об ипотеке», а также соответствующие статьи ГК РФ (Глава 23 ГК РФ).

С юридической точки зрения, ипотека возникает по обязательствам, которые указаны в действующем законодательстве и не зависит от воли или желаний сторон. Для примера можно рассмотреть несколько случаев, предусмотренных нормативно-правовыми актами:

1. Статья 488 ГК РФ — покупатель товара, проданного в кредит, обязуется выплачивать его стоимость с учетом действующего договора. При этом сам товар, проданный в кредит, является залоговым имуществом и находится в залоге у продавца до момента исполнения всех обязательств со стороны покупателя.

2. Статья 64 102-ФЗ — применима для земельных участков, которые приобретаются в кредит или за счет заемных средств финансовой организации. Объект договора считается залоговым с момента госрегистрации права собственности заемщика.

3. Статья 77 102-ФЗ — используется в случае приобретения жилого дома или квартиры за счет заемных средств или целевого займа. В данном случае право аренды на участок и недвижимое имущество находится в залоге с момента регистрации в ЕГРН.

Исходя из вышесказанного можно сделать закономерный вывод, что ипотека и залог недвижимости являются неотъемлемой частью системы кредитования населения.

Юридическая характеристика и особенности договора залога недвижимости

По своей специфике договор залогового имущества может применяться в различных бизнес-сферах. Однако обычно такие формы соглашений используются для обеспечения возврата заемных средств. Кредитор рискует не меньше заемщика, поэтому действует согласно нормам ГК РФ, а также закона 102-ФЗ «Об ипотеке».

Обратите внимание, что в роли участников сделки могут выступать не только физлица, но и юрлица, а также третьи лица со стороны залогодателя (ст. 335 ГК РФ).

К первостепенным особенностям договора можно отнести тот факт, что соглашение всегда обеспечивает залоговым имуществом обязательства всех стороны. При этом с юридической точки зрения, преимущественное право получает именно кредитор, он же держатель залога.

Залогодержатель в лице банка или другой финансовой организации праве по своему усмотрению распоряжаться имуществом:

- залог можно продать в случае наступления просрочки платежа и нарушения других условий договора;
- залог можно получить в собственность.

Соответственно, залогодержатель получает несколько преимуществ:

- гарантии погашения кредитного долга по ипотечному договору;
- возмещение убытков, наступающих в случае неисполнения обязательств со стороны заемщика (пени, штрафы);
- начисляемые проценты за использование заемных средств;
- страховое возмещение при наступлении страхового случая, например, при утрате или порче залогового имущества.

Регистрация договора залогового имущества осуществляется в рамках действующего законодательства. То есть требуется обязательное согласование с другими собственниками, а также выгодополучателями (письменное согласие супруга). Данная норма применима в том случае, если недвижимость находится в совместной собственности или сделка совершается при участии несовершеннолетних детей. В таком случае договор придется заверять через нотариальную контору (ст. 7102-ФЗ «Об ипотеке»).

Особенности регистрации договора

В первую очередь важно обратить внимание на условия обеспечения договора купли-продажи в ипотечный кредит. Если документ заверяется нотариально, то и залоговый договор обязан пройти регистрацию через нотариальную кон-

тору (ст. 339 ГК РФ). В противном случае договор не будет считаться действительным.

Оформление залоговых соглашений осуществляется по типовой форме или в письменном виде, если сторонами не предусмотрены иные требования. Как правило, банки используют первый формат, как наиболее доступный и понятный для заемщика.

Стоит отметить, что в действующем законодательстве предусмотрена госрегистрация залоговых договоров недвижимого имущества через ЕГРН. Обычно документы подаются через отделение МФЦ или получают выписку напрямую из Росреестра.

На заметку. Обязательная государственная регистрация не используется с момента вступления в силу ФЗ № 367 от 21 декабря 2013 года. Кроме того, еще в 2014 году со стороны Росреестра поступали официальные разъяснения касательно процедуры регистрации.

Однако на практике кредитор часто инициирует процедуру регистрации договора залога, так как несет определенные риски. Например, если объект залога (квартира, дом) не будет иметь регистрации, то заемщик получает законное право распоряжаться имуществом по своему усмотрению.

Официальное право залогодержателя возникает только после внесения записи в реестр ЕГРП, а сам факт государственной регистрации подтверждается наличием права собственности на имущество в залоге. Проще говоря, используется специальный документ — закладная.

Закладная по своей сути относится к ценным бумагам, имеющим приоритет над действующим соглашением об ипотечном кредитовании (ст. 14 ФЗ-102). В отдельных случаях, если информация в закладном документе не соответствует требованиям соглашения об ипотечном кредитовании, то и по закону верным считается содержание закладной.

В заключение хочу подчеркнуть, что банки часто используют дополнительные пункты договора, которые фактически разрешают кредитору вносить изменения в одностороннем порядке. Пока условия выгодны банку, он будет следовать нормам и правилам, но может изменить их в любой момент.

Литература:

1. Долгополова Н. А. Права и обязанности сторон по договору ипотеки (залоге недвижимости) // Молодой учёный. 2017. № 21. 454 с.
2. Свит Ю. П. Особенности залога жилого помещения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 5. 112 с.
3. Яшенков К. А. Субъекты договора ипотеки, их взаимные права и обязанности // Право и экономика. 2014. № 11. 105 с.
4. Науменко Л. С. Договор залога недвижимости: как составить и зарегистрировать // Материал из сети Интернет. 2019. URL: <https://www.business.ru/article/2233-dogovor-zaloga-vedvijimogo-imushchestva>
5. Еременко Н. В. Ипотека в силу закона: основания возникновения, порядок прекращения // Материал из сети Интернет. 2020. URL: https://сמיד.рф/informatsiya/kadastravaja/?ELEMENT_ID=5122
6. Халтурина О. А. История развития ипотечного кредитования в России // Междисциплинарные исследования. 2018. № 8 (43). 611 с.
7. Справочная информация: «Правовой календарь на I квартал 2019 года» // СПС КонсультантПлюс. Материал из сети Интернет. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311992/
8. Руденко Е. Ю. Жилые помещения как предмет ипотеки и особенности регулирования возникающих в связи с ипотекой отношений. Дисс. канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград. 2013. 194 с.
9. Что такое залог в ГК РФ: основные принципы. Арбитражная Практика. 2023. Материал из сети Интернет. URL: <https://www.arbitr-praktika.ru/article/2377-zalog-v-gk-rf>

Понятие и статистические показатели кражи как преступления против собственности

Самусева Александра Артемовна, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматривается понятие кражи и проводится анализ показателей преступления против собственности, в том числе в виде кражи, в Российской Федерации с 2018 по 2022 годы.

Ключевые слова: имущество, кража, преступление против собственности, хищение.

«Особую актуальность в современной России приобретает уголовно-правовое противодействие любым преступным посягательствам на права и свободы человека, в том числе таким, как кража, которое является одним из распространенных посягательств на права и свободы человека и гражданина, а также на общественные и государственные интересы» [5, с. 78].

В современном уголовном праве России собственность признается одним из важных правоохраняемых объектов, поставленных в перечне социальных благ, интересов и ценностей на второе место сразу после прав и свобод человека и гражданина. Охрана собственности от преступных посягательств провозглашена одной из задач Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1].

«В содержании УК РФ кража понимается как: действия, совершенные с корыстной целью; противоправные действия; безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или иных лиц с причинением ущерба собственнику или иным лицам, которые являются владельцами имущества» [3].

Рассмотрим общую характеристику кражи по действующему в настоящее время уголовному закону. Кража расположена в разделе 8 УК РФ «Преступления в сфере экономики», в главе 21 «Преступления против собственности». Статья 158 УК РФ указывает, что «кража — это тайное хищение чужого имущества» [1].

Следуя п. 2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» «как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал,

что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества» [2].

Согласно данным МВД РФ «больше половины всех зарегистрированных преступлений (54,6%) составляют хищения чужого имущества, в том числе, совершенные путем: кражи — 697,6 тыс. (-4,8%)» [4, с. 2]. Данные о количестве преступлений против собственности в России с 2018 по 2022 годы, в том числе кражи представлены в таблице 1 [4, с. 5].

Как видно из таблицы 1, кражи с 2018 по 2022 годы составляют в среднем 37% от общего количества совершенных преступлений и в среднем 63% среди преступлений против собственности. Удельный вес преступлений в виде кражи среди всех преступлений с 2018 по 2022 годы имеет тенденцию к снижению на 2,52% (35,47% — 37,98%). Также наблюдается снижение удельного веса преступлений в виде кражи среди преступлений против собственности в рассматриваемый период на 8,29% (59,65% — 67,94%).

Если рассмотреть общую тенденцию динамики преступлений в виде кражи с 2018 по 2022 годы, то наблюдается общая тенденция снижения их количества с каждым последующим годом, что демонстрирует рис. 1.

Как видно из рис. 1, количество преступлений, совершенных в виде кражи в России имело тенденцию к увеличению лишь в с 2018 по 2019 годы на 17764 (774159–756395) или 2,35%, а с 2019 по 2022 годы их количество сократилось на 76592 (697567–774159) или 9,89%.

Данные о количестве раскрытых преступлений в виде кражи с 2018 по 2022 годы представлены в таблице 2 [4, с. 5].

Как видно из таблицы 2, удельный вес раскрытых преступлений в виде кражи в общем количестве рассматриваемых преступлений довольно низок и с 2018 по 2022 годы составляет в среднем 37%. Но на лицо общая тенденция роста раскрываемости преступлений в виде грабежа с 2019 по 2022 годы на 8165 (280856–272691) или 2,99%. Это происходит в связи с тем, что общее количество преступлений, совершаемых в виде кражи, за

Таблица 1. Показатели преступлений против собственности в виде кражи

Показатели	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год
Всего преступлений	1991532	2024337	2044221	2004404	1966795
Преступления против собственности	1113367	1172280	1220806	1195838	1169495
Преступления в виде кражи	756395	774159	751243	733075	697567
Удельный вес среди всех преступлений, %	37,98	38,34	36,75	36,57	35,47
Удельный вес, среди преступлений против собственности, %	67,94	66,04	61,54	61,30	59,65

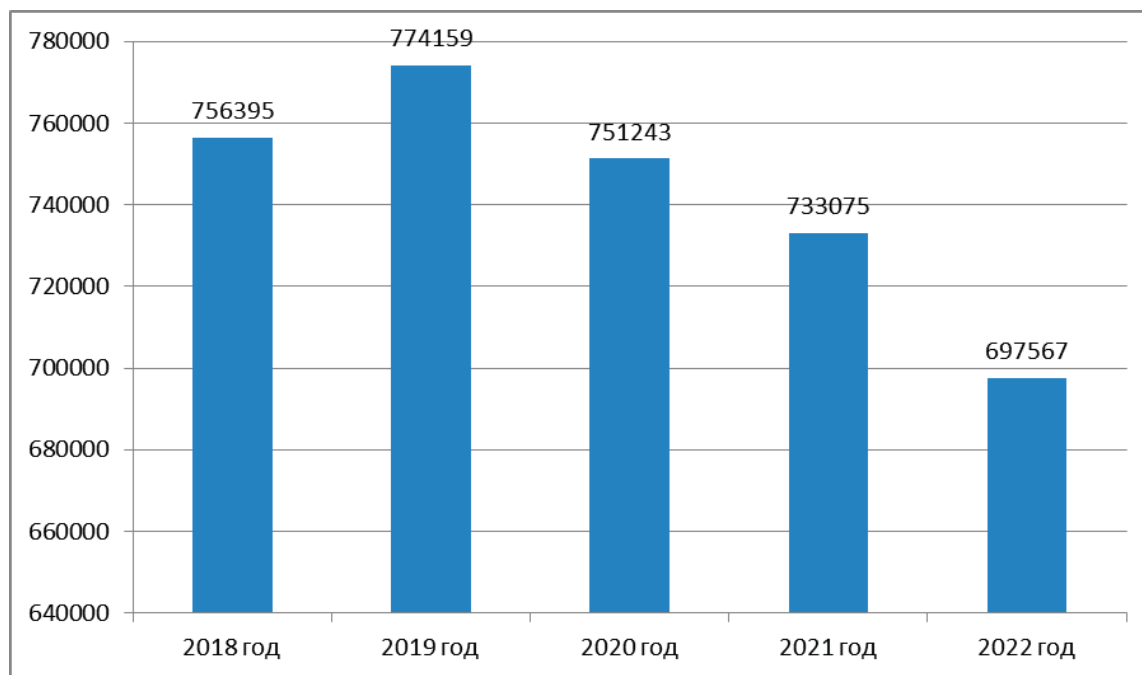

Рис. 1. Динамика изменения количества преступлений, совершенных в виде кражи в России с 2011 по 2022 годы [4, с. 5]

Таблица 2. Показатели раскрываемости преступлений в виде грабежа

Показатели	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год
Преступления в виде кражи	756395	774159	751243	733075	697567
Раскрыто преступлений в виде кражи	285633	272691	265696	275666	280856
Удельный вес раскрытых преступлений, %	37,76	35,22	35,37	37,60	40,26

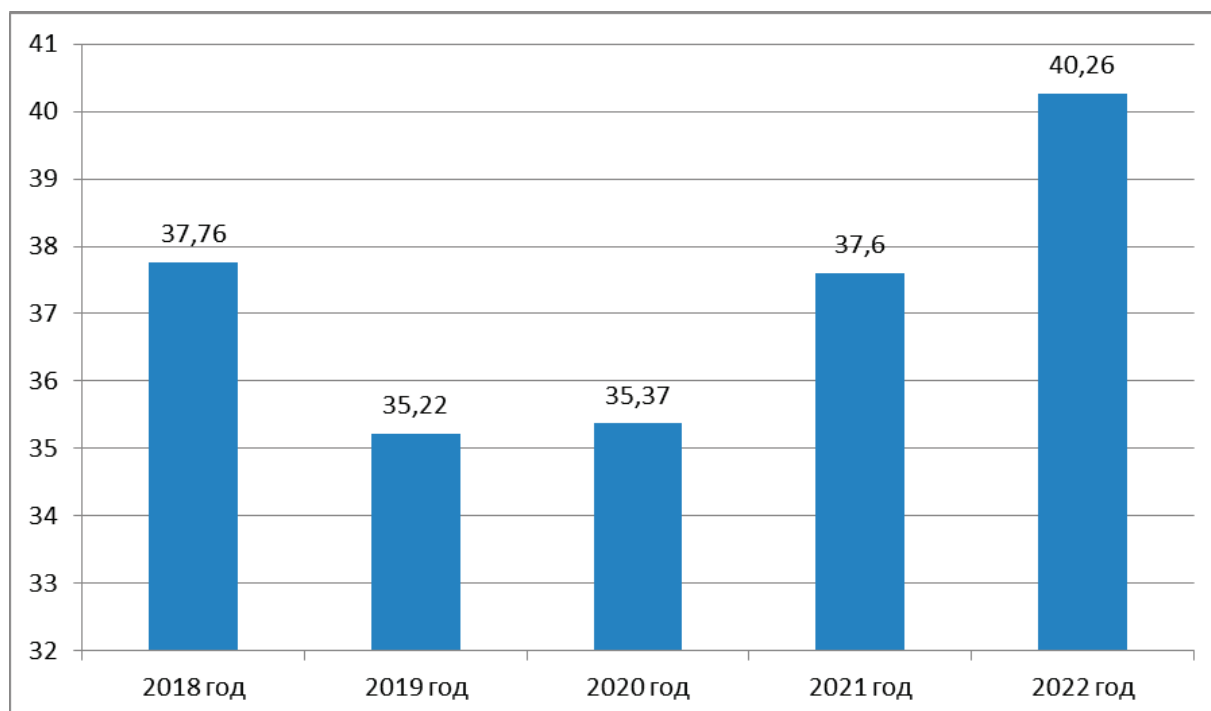

Рис. 2. Динамика изменения показателей раскрываемости преступлений в виде кражи в России за 2018 по 2022 годы, % [4, с. 5]

рассматриваемый период снижается. Более наглядно динамика изменения показателей раскрываемости преступлений в виде кражи представлена на рис. 2.

Как видно из рис. 2, раскрываемость преступлений, совершенных в виде грабежа в России с 2018 по 2022 годы, увеличилась на 2,90% (40,26–37,36).

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ.— 1996.— № 25.— Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета.— 2003.— № 9.
3. Гувженко С. У. Понятие и квалифицирующие признаки кражи // E-Scio.— 2023.— URL: file:///C:/Users/Elena/Downloads/ponyatie-i-kvalifitsiruuyuschie-priznaki-krazhi.pdf (дата обращения: 17.10.2023).
4. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 года.— М: МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2022.— 67 с.
5. Телицин А. А. Субъективные признаки кражи по законодательству Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.— 2022.— № 3(66).— С. 78–82.

Таким образом, 37% всех преступлений против собственности составляют кражи. Подводя итог анализу показателей преступлений против собственности в виде кражи, можно сказать, что количество преступлений, совершенных в виде кражи в России с 2019 по 2022 годы, уменьшилось на 76592 или 9,89%. А их раскрываемость с 2018 по 2022 годы возросла на 2,90%.

Понятие венчурных фондов в России

Сарыева Лейла Эльдаровна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

Актуальность работы заключается в том, что венчурное инвестирование в России только начинает развиваться.

Анализ деятельности российских венчурных фондов показывает, что отечественный бизнес постепенно осваивает общепринятые в мировой практике подходы к венчурному инвестированию малых и средних инновационных предприятий.

Во многих регионах созданы венчурные фонды, однако далеко не в каждом из них налажен эффективный механизм функционирования, особенно в вопросах управления венчурным капиталом.

В настоящий момент в качестве альтернативного источника финансирования инновационной деятельности в развитых странах мира используется венчурный капитал.

Венчурный капитал — специфический тип финансов, предоставляемых определенными фирмами, которые инвестируют и одновременно участвуют в управлении молодыми компаниями, не котируемые на фондовом рынке.

Венчурный капитал необходим для поддержки сопряженных с высоким риском инвестиций в малые, ориентированные на новые технологии фирмы.

Впервые понятие «венчурный фонд» упоминается в Постановлении ФКЦБ России от 14.08.2002 г. N31/рс, где венчурные (особо рискованные) фонды отнесены к категории закрытых паевых инвестиционных фондов.

Однако включение венчурных фондов в категорию закрытых паевых инвестиционных фондов не учитывает ряд особенностей данного вида инвестирования, что не позволяет активно развиваться венчурному финансированию в Российской Федерации.

Правовой статус иных разновидностей компаний с венчурным капиталом вообще не регламентирован российским законодательством.

Следует отметить, что инновации и НИОКР важны для экономического роста.

Успех начинающих предприятий зависит не только от технологических инноваций или новых бизнес-моделей, но и от постоянных совместных усилий предпринимателей и венчурных капиталистов по осуществлению и содействию их развитию и росту.

Венчурные инвестиции являются одним из наиболее эффективных способов финансирования вновь созданных инновационных фирм, которые вряд ли имеют доступ к другим видам внешних инвестиций.

Практики и исследователи предполагают, что венчурные капиталисты (венчурные капиталисты) не только предоставляют средства, но и предпринимают интенсивные усилия по мониторингу и оказывают дополнительную поддержку проектам с потенциалом роста.

Одним из аргументированных способов поощрения инноваций является государственная поддержка венчурных фондов. Это может быть особенно важно в странах, где отсутствует развитый сектор венчурного капитала (ВК).

Однако некоторыми учеными высказывается предположение, что такая государственная поддержка может «вытеснить» фонды чисто частного сектора и подорвать создание инноваций.

Если провести анализ понятий «венчурный фонд» и особенностей осуществления им деятельности, то можно увидеть следующее.

Венчурный фонд — фонд, вкладывающий активы в предприятия или проекты на начальном этапе их создания.

Венчурные фонды, как правило, занимаются не портфельными, а стратегическими инвестициями в контрольные пакеты акций и долей обществ с ограниченной ответственностью.

Особенностью осуществления деятельности венчурными фондами является то, что они имеют свободу выбора активов для инвестирования.

Однако у венчурных фондов есть и ограничения в их деятельности, например, им нельзя вкладывать средства в банковскую отрасль.

Особенностью также является и то, что только венчурные фонды могут инвестировать денежные средства в векселя компаний, акциями которого он владеет.

То есть фактически венчурному фонду предоставляется право кредитовать компании.

Следует также отметить, что фонды этого типа относятся к одним из самых рискованных видов коллективных инвестиций, наравне с хедж-фондами.

Поэтому российское законодательство относит их к инструментам исключительно для тех, кто признается квалифицированным инвестором, согласно ст. 51.2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. N39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

Из-за того, что венчурные фонды отнесены законодателем к инструментам для квалифицированных инвесторов, информация о доходности венчурных инвестиций оказалась закрытой — управляющие компании не обязаны ее публиковать и предоставляют такие данные только инвесторам.

Также следует отметить ещё одну особенность. Участники венчурного фонда понимают, что от вложения средств в один удачный инвестиционный проект они получают огромный доход, который покрывает все убытки от вложений в провальные проекты и принесет немалую прибыль. Нужно лишь правильно распределять активы.

Если банки, традиционные инвестиционные фирмы стремятся всячески страховать риски, венчурные фонды инвестируют лишь в те компании, которые в процессе основной деятельности могут вернуть фонду денежные суммы равные их уставному капиталу.

По данным Российской ассоциации венчурного инвестирования, средняя внутренняя норма доходности инвестиционных проектов венчурных фондов, действующих в России, составляет 35% годовых.

Паевые венчурные фонды есть, например, у управляющей компании «ВТБ Капитал Управление Активами»: ВТБ — Фонд венчурный, Региональный венчурный фонд инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Санкт-Петербурга и другие.

Литература:

1. Постановлении ФКЦБ России от 14.08.2002 г. N31/рс
2. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. N39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»

Изучая рынок венчурных фондов, можно обратить внимание, что такие компании не просто финансируют инновационные проекты, но и помогают начинающим предпринимателям добиться успеха. Осуществляется это следующим образом:

- капитал фонда формируется за счет вкладов участников или задокументированных обязательств внести деньги, когда это потребуется;

- представители рассматривают заявки от компаний, выбирают те, которые отличаются высоким потенциалом;

- в течение нескольких лет представители фонда ведут операционную деятельность в инвестируемых компаниях;

- потом фонд продает свои доли, акции в компании, получая тем самым немалый доход.

Следует также отметить, что потенциальные сбои рынка, связанные с инновациями и предпринимательским финансированием, могут служить обоснованием для вмешательства правительства. Правительства могут вмешиваться в рынки венчурных инвестиций для стимулирования инноваций и предпринимательства или для достижения социальной политики и государственных целей. Правительства могут поддерживать венчурные капиталы, предоставляя финансирование, или могут владеть венчурными капиталами и управлять ими.

На развитых рынках правительства поддерживали частные венчурные капиталисты главным образом путем предоставления значительного финансирования, налоговых льгот и других субсидий.

Правительства также напрямую владели венчурными капиталами в основном в Европе.

Роль государственной собственности в венчурных капиталах остается относительно недостаточно изученной, особенно в контексте развивающихся рынков. Уникальная правовая и институциональная база каждой страны может сыграть решающую роль в формировании венчурной индустрии и ее влиянии на предпринимательские фирмы. Различие между развивающимися и развитыми рынками особенно важно, учитывая возросшие политические и экономические риски, которые очевидны в развивающихся экономиках, и роль политических связей в снижении этих рисков.

Подводя итог можно заключить следующее. Венчурные фонды — это

инвестиционные компании, которые предпочитают вкладывать средства в заведомо рискованные проекты. На законодательном уровне венчурным фондам разрешено проводить столь рискованную деятельность. Необходимость диверсификации рисков отсутствует.

Совместное завещание супругов: pro et contra

Севастьянова Елена Анатольевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Макарыин Андрей Альбертович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

С тех пор как в отечественном законодательстве появилось понятие совместного завещания супругов, введенное четвертым пунктом в статью 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации», минуло чуть более четырех лет. Ещё на стадии законопроекта свое авторитетное мнение высказывали как сторонники упомянутой новеллы наследственного права, так и те, кто критически относился к нововведениям. Так, среди первых можно отметить Е. Л. Полетаева, Е. В. Чигрину, назвавшими возможность оформления совместного завещания супругами бесконфликтным способом распоряжения наследственным имуществом, при котором существует защита как пережившего супруга, так и прочих наследников [4]. Среди тех, кто критически отозвался на внедрение нового института, находятся, к примеру, Ю. С. Поваров, В. В. Гушин, В. В. Долинская, справедливо обращающие внимание на такие дискуссионные вопросы как является ли односторонней сделкой совместное завещание супругов и носит ли волеизъявление супругов односторонний характер или, напротив, является встречным.

Нужно сказать, что под совместным завещанием понимается общее волеизъявление супругов относительно распоряжения совместно нажитым имуществом по случаю смерти одного из них или обоих, для чего наличие зарегистрированного брака — обязательное условие. Согласно пункта 11.5.5 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019) при определении совместного завещания супругов или наследственного договора, в котором участвуют супруги, которые должны быть исполнены, нотариус руководствуется положениями части 3 пункта 4 статьи 1118, части 2 пункта 5 статьи 1140.1 ГК РФ и проверяет наличие зарегистрированного брака на дату открытия наследства у таких супругов [5].

Бесспорно, возможность совершить совместное прижизненное волеизъявление на случай смерти во многом может облегчить участь пережившего супруга, особенно когда вопрос касается жилищных отношений, осложненных наличием детей от разных браков. В приведенном случае, который на практике отнюдь не является редкостью, возможна защита пережившего супруга от угрозы выселения из единственного пригодного для проживания жилья детьми покойного супруга в том случае, когда супруги заранее позаботились о совершении совместного

завещания и тем самым уберегли друг друга от негативных последствий, которые неминуемо наступают, когда человек теряет право на жилище по разным причинам.

В то же время за счет определения круга наследников в таком завещании и указания лиц, которые лишаются наследства, а также распределения наследственной массы любым образом, не только долями, но и целыми объектами, существенно упрощается процедура оформления наследственных прав наследников.

Но при всем при этом довольно сомнительной представляется возможность отмены совместного завещания с правом совершения последующего завещания пережившим супругом, поскольку в таком случае нивелируется воля покойного, что может повлечь непредвиденные последствия применительно к правам наследников. Здесь стоит процитировать Е. В. Демьяненко и В. И. Фатхи, посчитавших, что «если закон предоставляет возможность отмены совместного завещания супругов после смерти одного из них, то теряется и значимость такого вида завещания», «воля умершего супруга не исполнена, механизм защиты воли умершего супруга отсутствует» [6].

Несложно смоделировать ситуацию, в жизни абсолютно нередкую, правда в тех или иных вариациях, когда супруги не имеют совместных детей, но у каждого из них есть ребенок или дети от предыдущего брака. Супруги составили совместное завещание, на основании которого их имущество поровну распределялось между всеми детьми. Жене, пережившей своего мужа, не составит труда отменить совместное завещание после его смерти, в результате чего дети покойного супруга от предыдущего брака по сути дела останутся ни с чем. Такое расхождение не может не приводить к мысли о том, что считать волей завещателя, которым выступают оба супруга одновременно, как формируется эта воля, на чем она основывается, до конца ли супруги понимают аргументы друг друга при принятии решения о совместном завещании и какое может здесь крыться злоупотребление. Ведь если в подобных правоотношениях один завещатель — супруги, то и воля, будучи изначально единой, не может быть отменена после смерти одного из супругов, поскольку такая отмена влечет за собой разрыв общей воли супругов, что неприемлемо в рассматриваемой ситуации.

Несмотря на то, что право на совместное завещание супругов не получило до настоящего времени широкой реализации в России, необходимо совершенствовать законодательство в этом отношении с целью устранения двояких толкований и неопределенности правовых норм.

Литература:

1. Гушин В. В. Понятие и правовой режим совместного завещания супругов // Семейное и жилищное право. — 2019. — № 2.
2. Долинская В. В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10.

3. Ушаков А. А. Наследование. Пособие для нотариусов (издание второе, перераб. и доп.). — «Деловой двор», 2020 г.
4. Полетаева Е. Л. К вопросу о совместном завещании супругов как бесконфликтном способе распоряжения наследственным имуществом / Е. Л. Полетаева, Е. В. Чигрина // Наследственное право. — 2020. — № 2. — С. 20–24.
5. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (С. П. Гришаев) (издание второе, перераб. и доп.).
6. Демьяненко Е. В., Фатхи В. И. Особенности совместного завещания супругов // Юристъ-Правоведъ. 2020. N3 (94). С. 7–10.

Долги в наследство

Севастьянова Елена Анатольевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Макарын Андрей Альбертович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Факт принятия наследства, имеющий большое юридическое значение для оформления наследственных прав и сопряженных с принятием наследства обязанностей, довольно часто связан с рисками приобретения в наследство неисполненных обязательств наследодателя, входящих в состав наследственной массы и, в зависимости от их объёма, способных полностью «поглотить» весь наследственный актив. При таких обстоятельствах перед наследниками всегда встаёт вопрос о целесообразности принятия обременённого долгами наследства, что вполне закономерно, тем более когда наследники обладают подробной и исчерпывающей информацией о наследстве. Но что делать, когда неисполненные обязательства наследодателя в буквальном смысле слова настигают наследников гораздо позже, а именно впоследствии принятия ими наследства, но всё ещё в пределах сроков исковой давности?

Как известно из статьи 1175 ГК РФ, наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно. Данная норма отсылает к статье 323 ГК РФ, раскрывающей права кредитора при солидарной обязанности должников. Причём не допускается предъявление иска к умершему гражданину, а если такое заявление всё-таки подано, то производство по делу подлежит прекращению, поскольку нести ответственность за нарушение прав и законных интересов гражданина может только лицо, обладающее гражданской и гражданской процессуальной правоспособностью [5]. Но в то же самое время смерть лица, являвшегося ответчиком по иску, не может служить основанием для прекращения производства по делу, так как в данном случае допускается замена выбывшей стороны правопреемником [6].

Здесь следует упомянуть о том, что открытие наследства не прерывает, не пресекает и не приостанавливает течения сроков исковой давности по требованиям кредиторов наследодателя [7]. Это правило в равной степени позволяет как наследнику-должнику исполнить обязательство перед кредитором, выдвинувшим обоснованные и документально подтверждённые претензии во внесудебном порядке, так и определяет временные рамки для предъявления кредитором претензий, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей должника. В действительности положение о сроках давности по требованиям кредиторов наследодателя справед-

ливое и позволяет избежать злоупотреблений при взыскании недополученного кредитором обязательства в судебном порядке. Однако существует серьёзный нюанс: об истечении срока исковой давности по требованиям кредитора должен заявить наследник, в противном случае, если не оспаривается срок для предъявления требований кредитора, суд не применяет самостоятельно положение о пропуске срока исковой давности, итогом чего может стать удовлетворение исковых требований кредитора как в полном объёме, так и частично. Исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения (ст. 199 ГК РФ), то есть суд не вправе применять давность по своей инициативе, не вправе ставить на обсуждение вопрос о применении исковой давности при отсутствии соответствующего заявления [8]. Более того, само по себе истечение сроков исковой давности не является препятствием для предъявления иска в суд и не прекращает существование материального права кредитора [9]. Все перечисленные доводы позволяют наглядно убедиться в зыбкости решения о принятии наследства, ведь совершенно неочевидно, что спустя год или два со дня открытия наследства и вполне ещё в границах сроков исковой давности на пороге наследника не объявится армия кредиторов, способных своими требованиями существенно подорвать материальное положение лица или лиц, принявших наследство.

При истечении срока исковой давности для предъявления требований кредиторов наследникам надлежит проверить сроки неисполненного обязательства, существо обязательства, условия возникших ранее правоотношений, коль скоро кредитор будет требовать замены выбывшей стороны в обязательстве с переводом на неё соответствующих прав и обязанностей. Примером взвешенного и разумного поведения со стороны наследников в части выбора аргументов для защиты собственных интересов, увенчавшегося успехом для них в суде, может служить гражданское дело № 2–2163/2022, рассмотренное Череповецким городским судом Вологодской области, где кредитная организация обратилась с иском о замене должника в установленном судом правоотношении и взыскании задолженности к двум наследникам, принявшим наследство после смерти отца, окончившееся вынесением решения об отказе в удовлетворении исковых требований в связи с пропу-

ском кредитной организацией сроков исковой давности и отсутствия доказательств уважительности причин, послуживших основанием пропуска срока [10].

В ином случае наследники, принявшие наследство после смерти наследодателя, не обременённое, по их сведениям, долговыми обязательствами, по истечении значительного количества времени получили от банка уведомление о необходимости погашения кредитной задолженности, возникшей после смерти наследодателя. Не получив исполнения в добровольном порядке, банк обратился в суд с иском о взыскании задолженности по кредитной карте с наследников заемщика. Решением Череповецкого городского суда Вологодской области по гражданскому делу 2–2789/2022 удовлетворены иски требования банка к наследникам, среди которых также и несовершеннолетнее лицо, законным представителем которого выступает отец. Судом постановлено взыскать солидарно с наследников в пользу банка задолженность по договору кредитной карты в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества после смерти наследодателя [11].

Приведенные примеры гражданских дел № 2–2163/2022 и № 2–2789/2022 объединяет общая тенденция недобросовестного поведения кредитора, не предпринявшего вовремя действий, направленных на взыскание задолженности в результате перемены лица в обязательстве в связи со смертью должника. Несмотря на явное злоупотребление правом, приводящее к начислению процентов на сумму задолженности, что прямо противоречит положениям статьи 1102 ГК РФ о том, что лицо, ко-

торое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение). Таким образом, в первом случае отказ банку в исковых требованиях основан на пропуске срока исковой давности для взыскания задолженности, тогда как во втором случае срок исковой давности для предъявления требований кредитора не истёк, более того, кредитная организация произвольно допустила увеличение кредитной задолженности за счёт удлинения срока невыплаты задолженности, что несомненно привело к нарушению прав наследников, при этом судом не было принято во внимание ходатайство ответчиков о применении статьи 333 ГК РФ о применении уменьшения неустойки при несоответствии последствий нарушения обязательства.

Наследство открывается со смертью наследодателя, а наследники принимают наследство фактическими действиями при открытии наследства, следовательно, наследники имеют право при решении для себя вопроса о принятии наследства обладать полной информацией обо всей наследственной массе одновременно, чтобы исключить впоследствии неожиданные требования от лица кредиторов наследодателя. В этом смысле существующее законодательство не защищает наследников, но позволяет различным кредиторам, прежде всего коммерческим банкам, пренебрегающим добросовестным поведением, взыскивать задолженность с наследников.

Литература:

1. Гражданское право. Особенная часть (учебник) (коллектив авторов; под ред. д-ра юрид. наук Е. С. Болтановой).— «ИН-ФРА-М», 2023 г.
2. Настольная книга нотариуса: в 4 томах. Том 3. Семейное и наследственное право в нотариальной практике (под ред. И. Г. Медведева).— М., 2015 г.
3. Порядок наследования и принятия наследства. Практическое пособие с судебным комментарием (Абрамов В.Ю.).— «Юстицинформ», 2022 г.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права.— Москва, издание Бр. Башмаковых, 1911 г.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 25 июня 2019 г. N1669-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ивановой Надежды Васильевны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетней дочери частью первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».
6. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 марта 2014 г. N14-КГ13–12.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. N9 «О судебной практике по делам о наследовании» (пункт 59).
8. Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 февраля 2020 г. по делу N8Г-1944/2020-(8Г-8442/2019) [88–4997/2020].
9. Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 07 июля 2022 г. по делу N8Г-19951/2022 [88–24803/2022].
10. https://cherepoveckygor_vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=74134357&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.
11. https://cherepoveckygor_vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&case_id=58983408&case_uid=02377b20-2e3f-4d75-9fae-f6a162ecbcea&delo_id=1540005.

Правовые коллизии в деятельности Государственной думы Российской империи

Севостьянов Вадим Сергеевич, слушатель
Омская академия МВД России

Данная научная статья исследует правовые коллизии, возникающие в ходе деятельности Государственной думы Российской империи. Анализируется исторический контекст и законодательную базу, определяющую функции и полномочия Государственной думы, а также процесс ее создания. Выявляются основные причины возникновения правовых коллизий. В статье подробно рассматриваются конфликты между Государственной думой и другими органами власти, а также проблемы, связанные с интерпретацией и применением законодательства.

Ключевые слова: правовые коллизии, Государственная дума, представительское собрание, Государственный совет, Основной закон Российской империи.

События первой русской революции 1905–1907 года стали катализатором государственных преобразований в Российской империи. Манифестом от 6 августа 1905 года Николай II учредил государственную Думу, которая должна была действовать, как «особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов». [1 с. 151] Дальнейшая работа комиссии по подготовке положения о выборах в Думу комиссии, главой которой был назначен министр внутренних дел Булыгин, под непосредственным председательством Николая II, вызвала протестные настроения, которые в последующем переросли во Всероссийскую стачку. Для успокоения народного недовольства 17 октября 1905 года был издан Манифест, установивший Государственную думу, не как орган законосовещательный, что по своей сути лишило бы его всякой самостоятельности в рамках законодательной деятельности, обесценив саму идею создания, но как законодательный орган власти. Так, было установлено, «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы». [2] С. Ю. Витте также подтверждает факт того, что в первом проекте дума задумывалась как орган совещательный. В своих воспоминаниях он пишет: «После опубликования 6-го августа совещательной Думы Булыгина...» [3 с. 509] (курсив автора)

Кроме Государственной думы учреждался Государственный совет, соотносящиеся как нижняя и верхняя палаты. Все правительственные законопроекты, кроме выработанных по инициативе Государственного совета, первоначально вносились в Думу и после одобрения ею передавались в верхнюю палату. [4 с. 3] Это позволило выстроить взаимоотношения между этими государственными органами.

Процедура принятия законодательных актов Российской империи выстроилась таким образом, что для ратификации правовых норм Государственная дума рассматривала, а Государственный совет одобрял, после чего они передавались на утверждения Императору. Однако необходимо отметить, что в Основных законах Российской империи в ст. 7 было отражено, что «Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думой». [5] Это показывает, что Император и законодательные органы осуществляют свою деятельность на благо государства, образуя один механизм, однако очевидно, что данная норма неот-

вратимо умаляет самостоятельность Государственной думы и Государственного совета. Как видно из первоначального проекта реформы, Николай II не мог отдать полную законодательную инициативу в руки подданных, что подтверждает ст. 8: «Государю императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Единственно по его почину Основные государственные законы могут подлежать пересмотру в Государственном совете и Государственной думе». [6] Выращенный на принципах абсолютизма и незыблемости своей власти государь не мог добровольно передать свои полномочия выборному органу. Главное подтверждение этому заключается в том, что «императору принадлежит почин по всем предметам законодательства». [7] Из воспоминаний С. Ю. Витте можно увидеть отношение царя к Государственной думе первого созыва: «Это был первый и единственный выход государя императора к представителям народа... Его величество был довольно бледен...» [8 с. 50]

Какие же полномочия были у императора относительно законодательного процесса? Ст. 9 указывает, что «Государь император утверждает законы, и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения». [9] Т.о. тут указывается ограничение его полномочий, устанавливающее утвердительную функцию, но императорская власть находит для себя способ влиять на законодательную инициативу. Так согласно ст. 79 «министры и главноуправляющие отдельными частями имеют право участия в голосовании в Государственном совете и Государственной думе», [10] если они являются их членами, а также согласно ст. 58 «Государственный совет образуется из членов по высочайшему назначению и членов по выборам» [11]. В ст. 64 указывается, что Государственный совет и Государственная дума имеют равные законодательные права, из чего можно сделать вывод о том, что, используя назначаемых лиц, государь мог влиять на законодательную инициативу в свою пользу. Назначая нужных и удобных для него людей, способных лоббировать интересы царской власти, создавалась возможность обойти выборную систему и укрепить позиции двора в представительском собрании.

Также император оставил в своих полномочиях пересмотр Основных государственных законов, это подтверждает ст. 8 «Единственно по его почину Основные государственные законы могут подлежать пересмотру в Государственном совете и Государственной думе» [12] и ст. 65 «...пересмотра которых принадлежит единственно государю императору». [13] То, что

данное право дублируется сразу в двух главах, касающихся основ законодательной власти, демонстрирует абсолютистский настрой Николая II, подчеркивающего, что только емуверяется возможность изменения Основного закона государства. Однако если придерживаться позиции Кошкидько В. Г., рассматривающего Основной закон Российской империи, как конституцию, но наименее развитого типа, то действительно логичным является закрепление нормы, что только император-

ская власть могла начать процесс пересмотра данного нормативно-правового акта. [14 с. 74]

Таким образом, анализ Основных законов Российской империи позволяет заключить, что Николай II шел на уступки народу, утвердив созыв Государственной думы и Государственного совета. Однако его абсолютистское мировоззрение не позволило этим органам в полной мере реализовать свой законодательный потенциал.

Литература:

1. Манифест об учреждении Государственной Думы 1905 года, августа 6. //URL: <http://www.virtus-et-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01> (дата обращения 5.10.2023)
2. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. — Изд. 3-е, пересм. и доп. по I сентября 1908 года / Под ред. пр.-доц. Лазаревского. Н.И. — СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1909. — С. 150–151.
3. Демин, В. А. Правила 8 марта // Государственная дума России. Энциклопедия. Т. 1. М., 2006. С. 508–509.
4. Галай, Ю. Г. Основные законы Российской империи 1906 года и ограничение законодательных полномочий Государственной думы / Синяева, Н. А. Пробелы в Российском законодательстве. 2009. // СПС Кибберленка
5. Основные Законы Российской Империи/Часть первая. 1906 года. // URL: <http://www.virtus-et-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01>. (дата обращения 6.10.2023)
6. Основные Законы Российской Империи/Часть первая. 1906 года. // URL: <http://www.virtus-et-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01>. (дата обращения 6.10.2023)
7. Основные Законы Российской Империи/Часть первая. 1906 года. URL: <http://www.virtus-et-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01>. (дата обращения 6.10.2023)
8. Витте, С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая Второго. / Оpubл.: 1911. Источник: az.lib.ru Т. 2. Г. С. 46–52.
9. Основные Законы Российской Империи/Часть первая. 1906 года. URL: <http://www.virtus-et-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01>. (дата обращения 7.10.2023)
10. Основные Законы Российской Империи/Часть первая. 1906 года. URL: <http://www.virtus-et-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01>. (дата обращения 7.10.2023)
11. Основные Законы Российской Империи/Часть первая. 1906 года. URL: <http://www.virtus-et-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01>. (дата обращения 7.10.2023)
12. Основные Законы Российской Империи/Часть первая. 1906 года. URL: <http://www.virtus-et-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01>. (дата обращения 7.10.2023)
13. Основные Законы Российской Империи/Часть первая. 1906 года. URL: <http://www.virtus-et-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01>. (дата обращения 7.10.2023)
14. Кошкидько В. Г. Реформы государственного строя России в условиях политического кризиса начала XX века. М., 2003. С. 73–74.

Понятие и классификация личных неимущественных прав личности

Селиверстов Артём Дмитриевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В данной статье рассматриваются понятие и классификация личных неимущественных прав человека, как категории, которая тесно пересекается с понятием «нематериальные блага», требует отдельного самостоятельного правового анализа в связи с необходимостью обеспечения их должной реализации и защиты.

Ключевые слова: личные неимущественные права, права человека, нематериальные блага, классификация неимущественных прав личности.

Российское законодательство выделяет две основополагающие категории прав человека, а именно имущественные и личные неимущественные права.

Личные неимущественные права являются сложной правовой категорией, одной из разновидностей субъективных прав личности, которая требует отдельного самостоятельного

правового анализа, основанного на положениях нормативно-правовых актов и мнениях различных авторов.

Отечественное законодательство, в частности Гражданский кодекс Российской Федерации, относит к таковым правам следующие: право на жизнь и здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, право на защиту деловой репутации, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личную и семейную тайну, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, право гражданина на имя и авторство. [1]

Обозначая и закрепляя на законодательном уровне вышеуказанные нематериальные права личности, государство гарантирует их защиту, использование, а также неприкосновенность того нематериального блага, из которого и вытекают личные нематериальные права граждан как разновидность субъективных прав.

Стоит отметить, что законы, регулируя отношения людей, сами по себе не создают для субъектов правоотношений какие-либо нематериальные блага, однако регулируют правоотношения, возникающие между субъектами гражданских прав, и создают для этих субъектов права и обязанности.

Иными словами, нематериальные права опосредуют отношения, возникающие между субъектами таких отношений (правоотношений), в центре которых находится какое-либо нематериальное, нематериальное благо.

Таким образом, говоря о понятии личных нематериальных прав человека, можно определить их как права, которые принадлежат человеку с рождения и в силу закона, являются неотчуждаемыми и, что немаловажно, не имеют экономического содержания. Это означает, что любое личное нематериальное право основывается на нематериальном благе и напрямую связано с личностью человека.

Переходя к вопросу систематизации нематериальных прав личности, стоит отметить, что единой общепринятой классификации в российском законодательстве к настоящему моменту не выработано. Различными авторами предлагаются варианты объединения отдельных нематериальных прав в группы в зависимости от определенных признаков.

«В юриспруденции есть мнение, что самым объективным свойством классифицирования нематериальных личностных прав являются неотделимые от особы духовные блага». [4]

Так, по вышеуказанным свойствам выделяют следующие группы нематериальных прав: те, что способствуют развитию личности (использование достижений культуры, право на свободу творчества); связанные с личной неприкосновенностью человека (охрана жизни, здоровья); права, охраняющие личную жизнь человека (неприкосновенность жилища, врачебная тайна, тайна личной переписки и другие); права, определяющие каждого человека, как конкретного индивида (право на имя, на честь и достоинство личности);

По своей юридической природе, различают следующие личные нематериальные права:

- права, связанные с авторством, творческой деятельностью;
- права, основанные на неотделимых от личности благах: здоровье, жизнь, личная неприкосновенность и другие;

— неприкосновенность жилища, семейная тайна, врачебная тайна и прочие;

— права, обеспечивающие соблюдение гарантий уважения каждой личности: право на имя, свободное волеизъявление и другие;

Некоторые авторы также классифицируют нематериальные права и нематериальные блага по следующим свойствам:

- 1) по целевой направленности нематериальных благ и нематериальных прав;
- 2) по субъектному составу правоотношений по поводу нематериальных благ и нематериальных прав;
- 3) по способам защиты, применимым к субъектам соответствующих правоотношений. [3]

«Предоставление человеку свободы и независимости в сфере личной жизни, в семейно-бытовых и нравственных отношениях, во взаимоотношениях частного лица с государством — специфические черты, которые послужили основанием того, что личные нематериальные права получили именно такое название». [5]

Безусловно, центральным нематериальным правом человека выступает право на жизнь, ведь в течение жизни каждого человека окружают права, обязанности и, соответственно, правоотношения.

«Особую значимость представляют определение момента начала и конца жизни человека, так как они обозначают начало и конец соответствующих правовых норм относительно конкретного человека». [2]

В России моментом рождения принято считать момент отделения плода от организма матери, момент смерти, в свою очередь, определяется необратимой гибелью всего головного мозга.

Отдельного внимания достойны права на интеллектуальную собственность. Они отличаются тем, что относятся одновременно и к имущественным, и к нематериальным правам. Это вызвано, в первую очередь, включением интеллектуальной собственности в категорию нематериальных благ, которые могут удовлетворять потребности человека. Вместе с этим у неё есть автор, но в то же время она является нематериальным объектом, то есть не может считаться вещью материальной.

Говоря о проблемах российского законодательства в области личных нематериальных прав, стоит отметить отсутствие четкого отграничения последних от такой правовой категории, как нематериальные блага.

В соответствии с отечественными правовыми нормами, нематериальные права отождествляются с нематериальными благами, что приводит к слиянию данных правовых понятий. Подобные правовые нормы, безусловно, подвергаются критике со стороны ученых.

Для разграничения двух вышеуказанных категорий необходимо понимать, что личное нематериальное право как правовая категория есть разновидность субъективных прав личности. Государство же выступает здесь гарантом защиты, охраны нематериальных благ. Таким образом, можно отметить, что нематериальное благо обладает определенной ценностью для человека, личности, как субъекта правоотношений, в то

время как неимущественные права являются ничем иным, как возможностью, которую государство гарантирует личности, которая необходима для охраны этих нематериальных благ.

Систематизирование нематериальных благ и личных неимущественных прав требуется в период изучения, анализа, выявления их качеств, особенностей, вариантов обеспечения защиты, так как они способствуют улучшению законодательных норм. Совокупная система, регулирующая индивидуальные личностные права, развивается одновременно с повышением собственной самооценки, зависит от развития в области культуры. Неимущественные права часто сталкиваются с нарушениями и конфликтами, требуя защиты и обеспечения. Люди могут требовать судебной защиты своих неимущественных прав, а также обязательственные меры со стороны государства и других лиц.

Таким образом, в современном обществе личные неимущественные права имеют такое же огромное значение, как и имущественные, так как они важны для развития каждой личности.

Они объединяются в группы по различным признакам и свойствам, а их классификация важна как для теоретического, так и для практического применения.

Важно понимать, что предлагаемые авторами классификации личных неимущественных прав нельзя считать законченными в связи с постоянно изменяемыми положениями нормативно-правовых актов, внедрением в них новых понятий, что связано с непрерывным развитием общества, возникновением новых неимущественных прав человека. В то же время, базовым и неотъемлемым признаком рассматриваемой правовой категории, безусловно, является неотделимость от личности человека, а также неимущественный характер и отсутствие экономического содержания.

Говоря о проблемах исследования неимущественных прав личности, особенно важными являются вопросы выработки единого общепризнанного понятия и классификации личных неимущественных прав, а также отграничения их на законодательном уровне от нематериальных благ.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N32, ст. 3301;
2. Гудиева А. М., Саракаева А. Э., Лолаева А. С. Виды нематериальных благ и личных неимущественных прав // Научные исследования и инновации 2021 г., с. 68.
3. Добко Е. Г. Нематериальные блага и личные неимущественные права граждан и юридических лиц: теоретические и практические проблемы их защиты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Е. Г. Добко. — Москва, 2015. с. 9;
4. Кандан С. С. Личные неимущественные права по гражданскому законодательству: понятие и классификация // Вестник магистратуры 2019 г., № 1–1, с. 105;
5. Лолаева А. С. Цифровые права в структуре объектов гражданских прав // Аграрное и земельное право. 2019. — № 6. — с. 48.

Правовое регулирование поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях кризиса

Семенкова Александра Сергеевна, студент;

Семёнов Ярослав Игоревич, кандидат юридических наук, доцент

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В настоящей статье рассматривается правовое регулирование поддержки малого и среднего предпринимательства. Отмечается, что санкционное воздействие на экономику России усиливается. В этой связи определены основные направления правовых мер антикризисной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства с учетом региональной политики. Внесены отдельные предложения по совершенствованию правового регулирования поддержки малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства, меры поддержки, антикризисные меры, региональный уровень

Legal regulation support subjects small and medium entrepreneurship in conditions crisis

This article discusses the legal regulation of support for small and medium-sized businesses. It is noted that the sanctions impact on the Russian economy is increasing. In this regard, the main directions of legal measures of anti-crisis support for small and medium-sized businesses have been identified, taking into account regional policy. Separate proposals have been made to improve the legal regulation of support for small and medium-sized businesses.

Keywords: small and medium-sized businesses, support measures, anti-crisis measures, regional level

Вопросы правового регулирования деятельности субъектов предпринимательской деятельности находится в тесной взаимосвязи с социально-экономической обстановкой в стране. Особенно тесно эта взаимосвязь проявляется в кризисных условиях, когда любой из путей решения назревших проблем требует не просто оперативного правового урегулирования, но и адекватного использования всего арсенала правовых средств. В рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» уже были предприняты беспрецедентные меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Результатом стало 100% достижение показателей нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство». Однако нарастание уровня негативных социально-экономических изменений заставляет уделять этому уровню бизнеса по-прежнему пристальное внимание.

По данным, представленным на селекционном заседании Правительства РФ с регионами по вопросам поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в октябре 2023 г. была представлена статистика, согласно которой в ряде регионов наметился значительный прирост субъектов малого и среднего предпринимательства. Можно выделить субъекты с наибольшим ростом — это Республика Калмыкия почти 47%, Чеченская Республика 12%, Республика Тыва 8%, Ненецкий и Чукотский автономные округа 7% [1].

Однако не смотря на меры поддержки, ситуация остается непростой. Поэтому государство должно форсировать развитие предпринимательства, поскольку Конституцией России за Правительством закреплено полномочие по содействию развитию предпринимательства и частной инициативы (с учетом изменений Конституции в 2020 году). Только формирование комфортной среды позволит предпринимателям внести свой существенный вклад в развитие отечественной экономики и преодолеть техническое и технологическое отставание, в том числе в сфере сельского хозяйства. Более того, формирование комфортной экосреды для бизнеса должно быть ориентировано на поддержку и вовлечение предпринимателей в законную деятельность и уход от исполнения только карательных функций [2].

По мнению целого ряда исследователей, таких как, Кленова Т. В., Батманова В. В., Урусова А. Б., Курбаниязова А. А., «нормативно-правовое обеспечение, которое касается поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, несомненно, нуждается в доработке» [3]. Вместе с тем, предложения по совершенствованию правового регулирования поддержки малого и среднего предпринимательства весьма разноплановые.

Абсолютными лидерами по популярности являются предложения по снижению налоговых ставок для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Вторую группу предложений составляет блок по снижению административной нагрузки на субъекты малого и среднего предпринимательства при получении ими мер поддержки.

Третий блок предложений касается возможности расширения участия малых средних предприятий в поставках продукции для государственных нужд.

Отметим, что все предложения являются не новыми, в том числе и в части расширения участия в поставках для государственных нужд. Согласно положениям ст. 14 Федерального закона № 88-ФЗ Правительство РФ, органы государственной власти субъектов Российской Федерации должны были предусматривать резервирование для субъектов малого предпринимательства определенной доли заказов на производство и поставку отдельных видов продукции и товаров (услуг) для государственных нужд. В данной норме было закреплено также, что государственные заказчики при формировании и размещении заказов и заключении государственных контрактов на закупку и поставки продукции и товаров (услуг) для государственных нужд по видам продукции, отнесенным Правительством РФ, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации к приоритетным, обязаны размещать у субъектов малого предпринимательства не менее 15% от общего объема поставок для государственных нужд данного вида продукции на основе конкурсов на указанные поставки, проводимые между субъектами малого предпринимательства [4].

Полагаем, что каждый из блоков играет важную роль в усилении регулирования поддержки малого и среднего предпринимательства и требует своего нормативного правового урегулирования в плановом порядке.

Ключевым же направлением должен стать отход от традиции чисто федерального решения проблемы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Имеющиеся успехи в развитии поддержки малого и среднего предпринимательства позволяют перенести акцент, в том числе и в плане правового регулирования на региональный уровень. Центром правовых трансформаций в нынешних условиях должен стать тезис, заявленный на правительственном уровне: субъекты России оказывают поддержку, а федеральный центр поддерживает субъекты — в той степени, в которой субъекты работают.

Таким образом, проблема преодоления кризисных явлений представляется комплексной проблемой, требующей внимания как на федеральном, так и региональном уровнях.

Литература:

1. Татьяна Илюшников: рост количества субъектов МСП наблюдается в 78 регионах [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_rost_kolichestva_subektov_msp_nablyudaetsya_v_78_regionah_rossii.html.
2. Семенов, Я.И. Правовые проблемы государственного контроля и надзора за деятельностью субъектов предпринимательства / Я.И. Семенов // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономиче-

ских отношений: Материалы Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 16–17 марта 2017 года / Ответственные за выпуск: Г. З. Мансуров, А. В. Курдюмов, О. С. Троценко, А. Н. Романов. — Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2017. — С. 73–76. — EDN UPJQRO.

3. Кленова Т. В., Батманова В. В., Урусова А. Б., Курбаниязова А. А., 2023. Государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства региона в условиях пандемии и санкционного давления // Региональная экономика. Юг России. Т. 11, № 3. С. 145–158.
4. Оболонкова, Елена Викторовна. Система мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на современном этапе / Е. В. Оболонкова. — (Административное право. Законодательство о содействии рыночной конкуренции). — Текст: непосредственный // Законодательство. — 2020. — № 3. — С. 68–76.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 43 (490) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 08.11.2023. Дата выхода в свет: 15.11.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.